

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Томский государственный педагогический университет»

**XIV Всероссийская с международным участием
конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»
(19–23 апреля 2010 г.)**

**ТОМ II
ФИЛОЛОГИЯ**

**ЧАСТЬ 2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Томск
2010

ББК 74.58

В 65

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»*

- В 65 XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.) : В 6 т. Т. II : Филология. Ч. 2 : Актуальные проблемы изучения иностранных языков; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2010. – 284 с.

Научные редакторы:

Быконя В.В., доктор филол. наук, профессор
Которова Е.Г., доктор филол. наук, профессор
Ананьева Л.Г., канд. филол. наук, доцент
Козлова И.Е., канд. филол. наук, доцент.
Коваленко Н.С., канд. филол. наук, доцент
Фильченко А.Ю., канд. филол. наук, доцент
Петроченко Л.А., канд. филол. наук, доцент
Игна О.Н., канд. филол. наук, доцент
Крюкова Е.А., канд. филол. наук, доцент
Уткина Г.И., доцент

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

© ГОУ ВПО «ТГПУ», 2010

ФИЛОЛОГИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАНОВЕДЕНИЯ, ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА	9
<i>Семитко В. С.</i>	
К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА <i>APPLE</i> В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	14
<i>Андреева А.А. , Французская Е.О.</i>	
СЛЕНГ КАК ЧАСТЬ РАЗГОВОРНОГО АНГЛИЙСКОГО	19
<i>Ахвердиева А. Э.</i>	
СВОБОДНАЯ ПЕДАГОГИКА	25
<i>Богомолов К. С.</i>	
ОЦЕНКА ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ)	30
<i>Бражникова Д. С.</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	36
<i>Грель К. В.</i>	
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ НА ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН	40
<i>Гроо Ю. А.</i>	
ФЛАГ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	45
<i>Давлетшина Д. А.</i>	
МЕТАСООБЩЕНИЯ В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА	48
<i>Дубровченко Е. М.</i>	
СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИМИ АНГЛИЧАН И АМЕРИКАНЦЕВ	53
<i>Ковылин С. В.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ТЕОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА	57
<i>Козлова Е. А.</i>	

ТЕАТР «ГЛОБУС»	60
<i>Кудряшова Е. Е.</i>	
МУЖСКИЕ БОЖЕСТВА В ДРЕВНЕМ ГЕРМАНСКОМ ПАНТЕОНЕ	63
<i>Лихоманова Ю. А.</i>	
ОБЪЕКТЫ ВСЕМИРНОГО ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ АВСТРАЛИИ	69
<i>Маркова О. Ю.</i>	
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЮМОРА	74
<i>Мишина И. К.</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООНИМОВ ДЛЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	79
<i>Низамова И. И.</i>	
ФУТБОЛЬНЫЕ ФАНАТЫ АНГЛИИ	83
<i>Сюмко Е. О.</i>	
АЙСЕДОРА ДУНКАН – ОСНОВОПОЛОЖНИЦА СОВРЕМЕННОГО СВОБОДНОГО ТАНЦА	88
<i>Терещенко А. В.</i>	
МОЛОДЕЖНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США	94
<i>Чебан Л. В.</i>	
ОРКСКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА	99
<i>Чулков Г. О.</i>	
НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ	105
<i>Яричева Ю. В.</i>	

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА

INDIAN VARIANT OF THE ENGLISH LANGUAGE: LEXICO-GRAMMATICAL SPECIFICS AND TENDENCES OF USAGE	109
<i>Абашева С. К.</i>	
ОБРАЗ ЛЕСНОГО ЦАРЯ В ПЕРЕВОДАХ БАЛЛАДЫ И. ГЕТЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»	113
<i>Айзенберг И. В.</i>	
ВЛИЯНИЕ АВТОРОВ НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА	117
<i>Булатова Ю. С.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	121
<i>Варда В. Е.</i>	
СЛОЖНОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СОКРАЩЕНИЙ В ИНФОРМАТИКЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК	124
<i>Володькова С. А., Айрих К. Н.</i>	

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	128
<i>Гейер И. Ю.</i>	
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	134
<i>Григорьева Г. Е., Цисарь О. А.</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ БРИТАНЦЕВ	139
<i>Громова А. С.</i>	
АКРОНИМЫ: СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ.....	144
<i>Дуплякова К. Н.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА	148
<i>Дырина М. В.</i>	
THE DEFINITION OF SLANG.....	154
<i>Жбан Е. С.</i>	
СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	157
<i>Малыхова Н. А.</i>	
ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «DEUTSCHLAND»	162
<i>Маркова Т. С.</i>	
ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ	167
<i>Мещерякова Н. Н.</i>	
АМЕРИКАНСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	171
<i>Паргачевский А. В.</i>	
СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ	174
<i>Симонова О. А.</i>	
ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	178
<i>Смагина Ю. Д.</i>	
СТРУКТУРНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «ЛОРЕЛЕЯ».....	183
<i>Суздорф А. С.</i>	
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ШВЕЙЦАРИИ	189
<i>Твардовский М. М.</i>	
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ.....	194
<i>Тимофеева А. Н.</i>	
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЗАПИСИ	200
<i>Царькова Я. А.</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	207
<i>Букина А. В.</i>	
ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	212
<i>Васищева Т. О.</i>	
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ	217
<i>Лейс А. П.</i>	
КОНЦЕПТ «КРАСОТА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	221
<i>Панкратова М. В.</i>	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ТРУД/ЛЕНЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА	226
<i>Потапова А. А.</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОЙ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	230
<i>Руденко Е. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	236
<i>Тайдонова С. С.</i>	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	239
<i>Тризунова О. В.</i>	
WORTPAARE	245
<i>Фельцан Е. П.</i>	
ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	248
<i>Ширяева Е. А.</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	254
<i>Архипова Т. А.</i>	
ЭВФЕМИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК СИНОНИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	257
<i>Заремба А. С.</i>	

ЛИНГВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	261
<i>Игнатенко Ю. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	267
<i>Копп Ю. Н.</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВЫРАЖЕНИЯ РАДОСТИ. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	271
<i>Резник М. А.</i>	
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	275
<i>Свиридова А. И.</i>	

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАНОВЕДЕНИЯ, ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА

Семитко В. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.М. Саржина, доц.

Какой была бы наша жизнь, если бы мы никогда не знали, что такое юмор? Как мы вели бы себя, если бы даже не догадывались о его существовании? Каков человек, не имеющий чувства юмора? Что мы знаем о юморе и как он помогает нам в жизни? Все это вопросы, на которые мы сами сможем дать ответ. Юмор такая же часть нашей жизни, как и принятие пищи, как и встречи с друзьями и деловые переговоры. Мы не замечаем, как юмор, тонко и непринужденно вливается в нашу жизнь и пронизывает ее – все наши разговоры, нашу мимику и жесты, придавая ей легкость и интерес.

Прежде всего, юмор – это метод мышления. Человек без юмора зачастую впадает в эмоциональные крайности – чаще в пессимизм. Такой человек зол на весь мир. Юмористический взгляд на жизнь помогает преодолению этих крайностей [1, с. 1].

Юмор – самый распространенный и простой путь к знакомству с человеком, а так же чудесный способ приобретения новых друзей. Юмор поможет вам не только в обычной жизни, но и в личной, а так же в вашем рабочем пространстве, помогая вам общаться весело со всем миром. Мы спокойно можем представить общество людей не знающих ни печалей, ни слез, но общество незнающее смеха, общество, не объединенное юмором – такого вы не найдете.

Что самое важное, юмор производит смех – смех, который как никогда позволяет любому человеку расслабиться, рассеять его внимание, что в некоторых ситуациях поможет решить многие важные проблемы и неудобность какой-либо ситуации.

Юмор непосредственно всегда являлся частью национальной культуры каждой страны. Все люди разные, так что мы не всегда можем найти общий язык с людьми либо другой национальности, либо

приверженцами другой религии, и с прочими прочими социальными и культурными различиями. Мы можем использовать юмор в общении с другими людьми, не боясь какого-либо непонимания, но с этим мы так же должны быть осторожны – каждая страна имеет свое представление о шутках.

Обратимся к специфике и классификации английского юмора. Чувство юмора для каждого англичанина является национальной чертой, и многих иностранцев она пугает и раздражает. Никому не хочется оказаться в нелепой ситуации, оставив без внимания шутку собеседника или не ответить на едкое замечание в свой адрес. Ни в одной стране не умеют так смеяться над собой, как в Англии [2, с. 1].

Для юмора преград нет. Англичане смеются над всем, что может вызвать улыбку, в том числе и над тем, что у нас испокон веков считалось священным, над сильными мира сего, правительством и даже членами королевской семьи [2, с. 2].

Хорошая шутка – чаще всего экспромт. Как писал в своих «Английских письмах» чешский писатель Карел Чапек: *«Они (англичане) невероятно серьезны, солидны и почтенны, но вдруг что-то вспыхнет, они скажут что-нибудь очень смешное, искрящее юмором, и тут же снова станут солидными, как старое кожаное кресло»*. Англичанин сдержан. Он сдержан физиологически, многовековой привычкой подавлять внешние выражения своих эмоций, принципом высокого самоконтроля поведения и индивидуальной независимости, являющихся одним из важнейших признаков британской лингвокультуры. Скорее всего, здесь и хранится специфика английского юмора. Идеал английского национального характера – это волевой человек с острым чувством собственного достоинства и нежеланием пускать других в свою личную сферу. Например, вы заходите в центральный магазин на Оксфорд-стрит, и слышите, как продавец, с энтузиазмом рекламирующий свой товар, вынужден несколько раз обращаться к покупателям с просьбой не толпиться у входа. Видя, что на его призывы никто не реагирует, он прерывает свою речь и говорит очень деловым тоном: *Excuse me, are you stupid or are you not English? – Простите, вы идиоты или вы не англичане?*

Конферансье на концерте одном городке обращается к публике при виде опаздывающей дамы в полосатом костюме: *Heze you are, a walking deckchair – Полюбуйтесь, вот вам и ходячий шезлонг* [2, с. 3-4].

В метро, во время сильного ливня, вы слышите объявление: *Temple Station is closed, because of unprecedented behavior of the passengers. They refused to leave the station, because of the rain – Станция Темпл*

закрыта из-за беспрецедентного поведения пассажиров. Они отказались покинуть станцию из-за дождя [2, с. 5].

Юмор преследует вас в Англии везде: в телевизионных программах, объявлениях, рекламе. Носителями языка он уже не ощущается так остро, это – способ мышления, к которому надо приспособиться и адекватно реагировать, всегда быть готовым ответить на шутку в самых неожиданных обстоятельствах.

Вы спрашиваете у служащего в метро, как пройти к Bush House, святая святых теле- и радиокompании Би-би-си и слышите в ответ: *You should go to America* (имеется в виду резиденция Президента Буша). Вы можете получить и другой вариант ответа: *Turn left, at least in the morning it was there* – Поверните налево, по крайней мере, утром он еще был там.

На шутку обижаться не принято, а умение посмеяться над собой считается достоинством. Ваша реакция на юмор является своего рода проверкой на возможность дальнейшего партнерства.

"Все русские примитивны", – говорит вам в глаза профессор, т. к. вы не можете как следует управляться с компьютером. При этом он совершенно не хочет вас оскорбить и знает, что вы отнюдь не primitive. Это просто, как говорят англичане, challenge – вызов равному себе: а вот посмотрим, как вы отреагируете на мой вызов [2, с. 5-7].

Вы идете с мужчиной под зонтиком по слишком узкому тротуару, и зонтик стучит о железную ограду. Ваш, спутник вопрошает: *Is it the umbrella? I thought it was your head* – Это зонтик стучит? А я думал, это ваша голова.

Студентка просит у профессора разрешения уйти с лекции. Профессор совершенно серьезно отвечает: *I am sure it'll break my heart, but you may leave* – Я уверен, что это разобьет мне сердце, но вы можете уйти [2, с. 8].

Но, какими же особенностями обладает искрометный английский юмор? Фактически, мы можем подразделить английский юмор на несколько классификации.

Одним из распространенных методов построения шутки в Англии, является полисемичность или многозначность слов. Более того, Проблема британского юмора в том, что человеку, незнакомому с английскими речевыми оборотами, очень сложно понять шутки, в которых «вся соль» заключается в игре слов. Вот небольшой пример игры слов в английском анекдоте:

- *Will you tell me your name?*
- *Will Knot.*
- *Why not?*

На вопрос «ты скажешь мне свое имя?» человек отвечает – Уилл Нот (Will Knot), в английском языке, если быстро прочитать фамилию и имя, получится фраза – отрицание «Нет», тогда логичным становится вопрос «Почему не скажешь?» [2, с. 15].

Англичане относятся к себе и ко всему миру с большой долей иронии. Они смеются над всем, что может вызвать улыбку, включая даже то, что в нашей стране будет считаться абсурдным и возмутительным. Для них нет запретных тем: они могут смеяться как над погодой, так и над семейными ценностями, политикой. Поэтому одним из специальных типов английского юмора, мы полноправно можем считать шутки, основанные на иронии о высших сферах власти [1, с. 2].

- *Какая разница между приветствием королевы и президента?*

- *Чтобы поприветствовать королеву, Вы должны встать только на одно колено.*

В типичном английском анекдоте комический эффект создается невозмутимой серьезностью при изложении самого неправдоподобного происшествия, причем удивление вызывает не абсурдность этого события, а какая-нибудь незначительная подробность, не имеющая к нему прямого отношения. Это и будет еще одним типом английского юмора. Вот образец такого анекдота:

В бар заходит посетитель и заказывает две порции виски и одну порцию содовой. Расплатившись, он поднимается по стене, проходит не спеша по потолку, спускается по противоположной стене и выходит в дверь. Все поражены и обращают на бармена недоуменные взгляды. «Как странно» – говорит он, «этот человек всегда заказывает одну порцию виски и две порции содовой» [2, с.10].

Кроме многочисленных шуток о погоде, англичане считают очень уместными шутки об ирландцах.

- *Why do people wear shamrocks on St. Patrick's Day?*

- *Regular rocks are too heavy.*

Если переводить шутку буквально, то получится:

- *Почему люди надевают на одежду трилистник в день Святого Патрика?*

- *Потому что обычные камни очень тяжелые [2, с.10].*

В некоторых других свойственных для английской культуры анекдотах достижение комического эффекта основывается на знании слушателями предварительной информации. Нам труднее всего воспринимать юмор в политических телевизионных программах, где вся идея шутки или анекдота содержится в так называемых «фоновых знаниях», т. е. предварительной информации, которая известна жителям Британии, но не всегда известна иностранцам.

Например, анекдот – стихотворение, которое все англичане воспринимают как остроумное высмеивание самих себя. Но оно может оказаться совсем не смешным для людей с другим историческим прошлым:

*Я играл в гольф,
В тот день, когда высадились немцы.
Все наши войска бежали,
Все наши корабли были захвачены,
А мысль о позоре Англии
Чуть не выбила меня из игры [2, с.10].*

Юмор этого стихотворения основан на заранее ложном утверждении, так как остров Великобританию никто не захватывал тысячу лет.

Но в странах, где людям действительно проливать кровь за свою независимость, идея шутки заключалась бы в том, что англичане пытались посмеяться над самими собой, над своим лжепатриотизмом. Даже угроза отечеству не заставит их оторваться от любимой игры в гольф. Кстати, о возможности захвата Великобритании у англичан есть другой подходящий анекдот, что самый подходящий моменты захватить Англию – в четыре часа дня. Потому что англичане в этот момент будут слишком поглощены своей ежедневной чашкой чая, чтобы что-либо заметить [1, с.3].

Созданный мыслью британского народа английский юмор способен как рассмешить до слез, так и вызвать недоуменную улыбку. К чести англичан стоит добавить, что приписываемые их нации недостатки – чопорность, холодность, отстраненность они не прочь обратить в приятную шутку и в кругу теплой компании за кружечкой пива посмеяться над собой и над заблуждениями всего мира.

И, конечно, мы еще долго можем перечислять многообразие английских шуток, ведь юмор – это то, что связывает людей, что заставляет менять мнение о каком-либо происшествии или ситуации. Главное – это не бояться юмора и использовать его при любом удобном случае, но знание английского юмора, его понимание, это отличный способ познакомиться с английской культурой. Вы можете знать все об английской истории, о политике и законах страны, о кухне и языке, но этого будет недостаточно, если вы не знаете ничего об английском юморе.

Литература

1. Лавыш Т.А., Русяев А.Л., Шахлай В.С. Английский юмор. – Минск: Издательство «ЛистПлюс», 1998.
2. Федорова Л. Аналитика. Английский юмор. – М., 2009.

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *APPLE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Андреева А.А. , Французская Е.О.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Французская Е.О., ст. преподаватель

Центральное место в трудах многих лингвистов в настоящее время занимают описания отдельных концептов и способов их репрезентации в языке. В отечественной лингвистике четко прослеживаются лингвокогнитивное и лингвокультурное направления изучения концептов.

Когнитивный подход отличается от традиционных лингвистических тем, что лингвистическое описание рассматривается как неотъемлемая часть когнитивного описания. Объектом этого описания является «природа концептуальных структур, процессы, относящиеся к концептуальным структурам и влияние контекста на эти процессы» [1, с. 2, 35].

К направлению лингвокогнитологии относятся ученые Московской, Воронежской и Тамбовской лингвистических школ: Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, З. Д. Попова, Н. А. Болдырев, А. П. Бабушкин и др. Когнитологи считают, что концепт – единица ментальной информации, лежит в основе знаний о мире и обеспечивает «выход на концептосферу социума».

Сторонниками лингвокультурного подхода являются: А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова; С. Г. Воркачев; В. И. Карасик, Н. А. Красавский и др. Представители лингвокультурного направления не имеют четкого определения и единого понимания сущности главного термина – концепта. Это объясняют неопределенностью самого термина «культура». Лингвокультурология занимается изучением «специфического в составе ментальных единиц», ее исследования описывают отличительные семантические признаки конкретных культурных концептов.

Особенностью каждого естественного языка является отражение определенного способа восприятия, организации и концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, «коллективную философию», которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален,

отчасти национально специфичен, так что носители разных языков видят мир через призму своих языков по-разному [2].

Язык в когнитивной лингвистике рассматривается как «одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления» [3, с. 7]. Закономерностью, характеризующей язык, является его способность хранить и передавать то, что веками закреплялось в виде устойчивых выражений, когнитивных моделей. Одной из основных целей концептуальных исследований состоит в том, чтобы изучить признаки концептов, представляющих их в функциональном аспекте и сопоставить фрагменты репрезентируемой ими картины мира в разных языках.

Признаки концептов, представляющих национальную картину мира, консервативны. И в то же время картина мира народов меняется, и, соответственно, структура признаков концептов расширяется за счет продолжающегося познания мира. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире. Эти знания не относятся к разряду научных, а представляют собой народные, обыденные представления, которые подвержены влиянию со стороны меняющихся религиозных и научных воззрений социума.

Национальная картина мира, сложившаяся значительное время назад и сохранившаяся до наших дней, «дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа», определяется исследователями как языковая картина мира [3, с. 14].

Изучив ряд работ, мы предлагаем придерживаться следующего определения концепта: «концепт – это ментальная единица, актуальная для носителей определенной культуры и в большинстве случаев находящая отражение в языке» [4].

Концепт, в случае коммуникативной необходимости, может быть вербализован различными способами, целым комплексом языковых средств. Их систематизация и семантическое описание позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта. Для поддержания концепта в «стабильном, устойчивом состоянии» необходима регулярная вербализация.

Условием существования концепта и его вхождения в концептосферу является наличие у него определенной структуры. Когнитологи разработали полевую модель концепта, состоящую из ядра и периферии. Структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые разли-

чают по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полемому признаку. Содержание концепта включает чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Информационное содержание концепта включает несколько слоев или секторов, некоторые из них могут репрезентироваться отдельными лексемами или отдельными значениями тех или иных лексем. Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта [3, с. 8].

Способ анализа концептов напрямую детерминирован общим подходом исследователя к его пониманию.

Под лингвокогнитивным описанием концепта понимают «особую лингвистическую процедуру», отличие которой от лексикографического и психолингвистического описания значений заключается в выделении в концепте когнитивных признаков, а не отдельных значений, в упорядочении этих когнитивных признаков по принципу поля от ядра к ближней, дальней и крайней периферии, в использовании лингвистических и экспериментальных методов. Основные этапы семантико-когнитивного исследования сводятся к следующим: 1) построение номинативного поля концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка; 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков; 6) моделирование концепта через описание его макроструктуры, категориальной структуры и полевой организации концепта [5, с. 159–217].

Для комплексного описания многоуровневой структуры концепта в когнитивном исследовании необходимо сочетание традиционных лингвистических и экспериментальных методов исследования, соотносящихся с разнообразными нелингвистическими исследованиями.

Один из способов описания концепта предлагает теория прототипов. Концепт, репрезентированный словом *apple*, с точки зрения теории прототипов рассматривает в своей работе С. Дж. МакГлэшен. В рамках вероятностного анализа (*probability view*) прототипичными для яблока являются следующие его характеристики: форма (круглая), цвет (красный) и текстура (гладкая). В рамках модельного подхода (*exemplar view*) предлагаются конкретизированные варианты прототипа яблоко с описанием их отличительных признаков, представленных двумя сортами яблок: *granny smith* (круглое, гладкое, коричневое) и *golden delicious* (круглое, гладкое, зеленое). Характеристики этих сортов яблок тоже будут являться прототипичными для концепта *apple*, т.к. большая часть их признаков (круглая форма, гладкая тексту-

ра) совпадает с отличительными чертами концепта-цели apple (круглое, гладкое, красное) [1, с. 43–45].

В нашей работе мы рассматриваем возможные способы выражения концепта, объективированного в английском языке словом apple. В ходе исследования нами были проанализированы дефиниции, лексемы, свободные и устойчивые словосочетания, представленные в словарях английского языка.

Методом сплошной выборки нами были отобраны выражения, имеющие отношение к исследуемому концепту, репрезентированному словом apple. Анализ словарных дефиниций показал, что под словом яблоко подразумеваются следующие значения: 1) плодовое дерево семейства розоцветных; 2) плод с такого дерева; 3) древесина такого дерева; 4) неродственные деревья, имеющие похожие плоды; 5) что-либо напоминающее яблоко по размеру и форме; 6) корпорация Apple Computer.

После произведенного отбора полученные данные были разбиты на следующие группы (в скобках приведено количество выявленных в данной группе слов и сочетаний): 1) слова и словосочетания, имеющие отношение к выращиванию яблонь (6): apple tree, applectart, etc.; 2) названия сортов, видов и разновидностей яблонь, цвет плодов яблок (20): cut-leaved apple, apple green, etc.; 3) названия растений, имеющих похожие плоды (27): elephant apple, apple of love, etc.; 4. Названия насекомых, вредителей, паразитов и болезней яблонь (30): apple sawfly, apple scab, apple shell, etc.; 5) использование яблок в кулинарии (15): apple brandy, apple pie, etc.; 6) слова и сочетания, относящиеся к компьютерной компании Apple (15): Apple Computer, Applesoft BASIC, applet, AppleTalk, etc.

Можно выделить ряд устойчивых сочетаний со словом apple (18): 1) сочетания со словом apple, связанные с выращиванием яблок и их использованием в разных значениях: apple-pie order; apples and oranges; 2) сочетания со ссылкой на религиозные сюжеты apple of discord, Adam's apple; 3) пословицы и поговорки: an apple a day keeps the doctor away; as American as apple pie; 4) разговорные фразы, сленг: apples and pears, she's apples; for sour apples; 5) прочие: dappled; appleman gumbo bit; Appleton layer, apple; apple stern.

В рамках исследования обратимся к различным аспектам жизни английского народа, в которых проявляет себя исследуемый концепт.

В народных традициях и обычаях яблоко чаще всего связано с празднованием Хэллоуина. Яблоко является неизменным атрибутом в праздничных играх («Поймай яблоко») и гаданиях. По срезанной с

яблока коже гадали на имя суженого (для этих же целей разрезали яблоко на части) или на продолжительность жизни [6].

Кельтская мифология описывает яблоко, как чудесный фрукт, дающий силу богам. Легендарный король Артур нашел свой покой на острове Авалон (остров яблок).

Из сюжетов древнегреческих мифов чаще всего упоминается яблоко раздора (*apple of discord*) – причина ссоры трех прекраснейших богинь, повлекшей за собой Троянскую войну [7].

Упоминания яблока в английской литературе чаще всего ассоциируется с христианством. Яблоко в христианстве имеет двойственное значение. В первую очередь яблоко является символом грехопадения (*Adam's apple, the apple of Sodom*). В эпоху Возрождения среди работ любого художника были эпизоды с изображением сцен грехопадения. С другой стороны, яблоко является символом спасения, если оно изображается в руках Младенца Христа или Богородицы. В Библии короля Якова употребляется сочетание *apple of one's eye*.

Г. Уэллс, британский писатель и публицист, в своем произведении «Яблоко» описывает, как человек, получивший уникальную возможность обрести дар всеведения, вкусив плод с Древа Познания, может поведи себя и упустить этот шанс (Г. Уэллс. *Яблоко*).

В сонете № 93 У. Шекспира яблоко описывается как красивый, но гнилой плод. Красота девушки, как этот плод, приносит лишь горькое разочарование: «*How like Eve's apple doth thy beauty grow, / If thy sweet virtue answer not thy show!*» (W. Shakespeare. *Sonnet 93*).

Дж. Байрон в 10 песне поэмы «Дон Жуан» рассказывает, как английский физик И. Ньютон с помощью яблока открыл всемирный закон тяготения. Поэт подчеркивает то, что со времен Адама с яблоком человечество как падало, так и поднималось: *When Newton saw an apple fall, he found / <...>, / And this is the sole mortal who could grapple, / Since Adam, with a fall or with an apple. / Man fell with apples, and with apples rose <...>* (G.G. Byron. *Don Juan: Canto The Tenth*).

Яблоко для англичан – не просто фрукт, который используют в кулинарии, выращивают и защищают от различных болезней. Яблоко – не просто успешная компьютерная компания с удачно подобранным названием и логотипом. Используя слово яблоко, англичанин может оценить ситуацию, дать совет, сослаться на религиозный сюжет. Яблоко проявило себя во многих аспектах жизни англичан и выдержало испытание временем. На формирование данного концепта повлияли многие факторы, климатические условия, религия, языческие верования, мифы и легенды, сама форма плода. Количество слов и сочета-

ний, включающих слово apple, подчеркивает важность концепта для языковой картины англичанина.

Литература

1. McGlashan G. Scott. Towards a Cognitive Linguistic Approach to Language Comprehension. – Edinburgh : University of Edinburgh. – 1992.
2. Зализняк А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]: Энциклопедия Кругосвет – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika
3. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.
4. Голубовская Е. А. Отражение этнического стереотипа-имиджа голландской культуры и голландцев в словарном составе английского языка // дис. к. филол. наук. – М., 2006.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
6. Tromans K. Apples tell fortunes [Электронный ресурс]: Newspaper: Sarasota Herald Tribune Oct. 27, 1960, page 27, Section four – Режим доступа: <http://news.google.com/newspapers?nid=1755&dat=19601027&id=JHkcAAAAIBAJ&sjid=KmUEAAAAIBAJ&pg=2167,5292845>
7. Легойда В. Яблоко раздора [Электронный ресурс]: Умники и умницы. Интернет-проект для умных – Режим доступа: <http://www.umniki.ru/cgi-bin/wwwthreads/showthreaded.pl?Board=dictionary&Number=6704>

СЛЕНГ КАК ЧАСТЬ РАЗГОВОРНОГО АНГЛИЙСКОГО

Ахвердиева А. Э.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Лисицина, доц.

Английский сленг – это одна из подсистем английского языка. Целью моего исследования является изучение системносемантических особенностей общего английского сленга.

Сленг – это разговорный или фамильярный тип речи в определенной области. Его обычно относят к социальным диалектам. Термином “сленг” обычно обозначают то, что не совпадает с нормой литературного языка.

Лингвистика последних двадцати лет активно переключилась с изучения письменного языка на исследование и анализ непосредственного живого общения. Функциональные разновидности применения языка являются производными, вторичными от элементарной и основной формы – разговорной. Изучение разговорной речи исключительно важно потому, что «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи». Но что такое сленг?

Сленг – это социальная разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей и отличающаяся по своему строю (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языкового стандарта. Языковой стандарт – это образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию. Сленг реализуется в том или ином коллективе. В социолингвистической литературе языковой коллектив обычно рассматривается в качестве исходной клетки социолингвистического анализа, в литературе термины «языковая общность» и «речевая общность». Под термин «сленг» понимаются следующие языковые явления:

1. Вокабуляр, характеризующийся большей метафоричностью, яркостью и недолговечностью, чем обыкновенный язык.
2. Речь и письмо, характеризующиеся использованием вульгарного и социально табуированного вокабуляра.
3. Социально-профессиональные жаргоны.
4. Воровское аргю.

Большинство зарубежных ученых и некоторые советские лингвисты придерживаются мнения, что воздействие экстралингвистических условий существования языка сказывается только на его лексико-семантическом составе: возникает большая или меньшая в количественном отношении прослойка «социально окрашенных» слов, которая собственно и определяет характер и существо социальных диалектов. В действительности же язык во всех своих проявлениях и разновидностях (в том числе и в различных диалектах) предстает как сугубо социальное явление: было бы неверным считать, что основные факторы, регулирующие существование и развитие языка, носят только «внутриязыковой характер» или что язык представляет собой некую «саморегулирующуюся систему», а социальные факторы – это только «периферийные влияния». Человек и его язык – нерасторжимы. Как справедливо указывает проф. Р.А. Будагов, «общественная природа языка определяет не только условия его бытования, но и все его функции, особенности его лексики и фразеологии, грамматики и стилистики» [1].

Крупнейший современный английский исследователь сленга Э. Партридж и его последователи (например, Дж. Гринок и К.И. Киттридж) рассматривают сленг как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности,

живости, выразительности, зримости, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише.

В сленге, по их мнению, широко используются ономотопея (звукоподражание), словосложение, сокращение состава слова, превращение имен собственных в нарицательные, заимствования, народная этимология, а также новообразования, окказионализмы.

В советской англицистике наиболее развернутое определение сленга дано В.А. Хомяковым. Сленг – это особый периферийный лексически пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально – экспрессивной лексики и фразеологии не литературной речи. «Общий сленг» определяется В.А. Хомяковым как «относительно устойчивый для определенного периода, широко распространенный и общепонятный слой лексики и фразеологии живой разговорной речи, имеющий ярко выраженный эмоционально – экспрессивный оценочный характер, представляющий часто протест – насмешку против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей и авторитетов».

Таким образом, сленг признается антиподом литературного языка и отождествляется частично с жаргоном, а частично с профессионализмами и с разговорным языком [2].

Социальные диалекты – это варианты (разновидности) языка, которыми пользуется та или иная социальная общность или группа людей [3, с. 277]. Социальные диалекты включают в себя целый ряд генетически, функционально и структурно различных явлений:

1. Профессиональные диалекты, т.е. разновидность социального диалекта, объединяющая людей одной профессии или одного рода занятий. (*sugardaddy – спонсор; big cheese – босс; top banana – начальник; take a beating – терпеть убытки, переплатить; setup – организация, устройство (какого-нибудь дела); pay through the nose – переплатить*)

Причины создания профессиональных языков следующие:

- а) Люди хотят общаться друг с другом в присутствии чужих, оставаясь непонятыми.
- б) Желание скрыть секреты своего ремесла и торговли.
- в) Необходимость в изоляции от враждебно настроенных сил.
- г) Стремление к речевой выразительности.

2. Жаргоны (арго), т.е. диалекты, состоящие из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемые (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в качестве тайных языков (например, воровской жаргон).

Для жаргона характерно не только искажение существующих слов языка, но и многочисленные заимствования.

Арго деклассированных элементов, которое существовало еще в глубокой древности, занимает особое место среди социальных диалектов. Некоторые исследователи считают арго искусственным и тайным языком, другие (Д.С. Лихачев) полагают, что это реакция деклассированных элементов на окружающую среду (враждебную).

Основные функции арго:

1. Конспиративная. Арго вырабатывается стихийно, многие слова могут перейти из арго в обычный разговорный язык, более того, в наше время в язык проникает все больше слов 'деклассированных' (свидетельство их возрастающей активности). Тем не менее, арго непонятно для 'непосвященных'.

2. Оpoznательная. Арго – пароль, по которому узнают друг друга деклассированные элементы (В.М. Жирмунский). Когда вора вводят в новую камеру, он спрашивает: «Люди есть?» (люди – воры, соблюдающие воровские правила). При отрицательном ответе он может ударить надзирателя и тем самым попасть не в камеру, где находятся его враги, а в штрафной изолятор.

3. Номинативная. В арго существует большое количество слов и фразеологизмов, которые используются для обозначения тех предметов и явлений, для которых нет эквивалента в литературном языке.

4. Мировоззренческая сниженность и вульгаризм воровской речи особенность нашего восприятия, а в восприятии самого вора она носит героический, приподнятый характер (Д.С.Лихачев) [4].

Можно отметить такие разновидности английского жаргона, как а) «обратный сленг»: например, *yob* вместо *boy*, *apple* – *elppa*, *half* – *flatch*, *fish* – *shif*; б) «центральный сленг»: например, *ilkem* вместо *milk*, *catch* – *utchker*; в) «рифмующийся сленг»: например, *house* = *cat and mouse*, *apples and pears* = *stairs*, *daisy roots* = *boots* [5, с. 156].

Жаргоны бывают классово – прослоенные, производственные, молодежные, жаргоны группировок людей по интересам и увлечениям. Например, компьютерные жаргоны: *home-box* – дом.компьютер; *bit-bucket* – «корзина»; *three-finger salute* – «команда перезагрузки»; *green machine* – «компьютер для военных целей»; *scrog* – стереть ин-

формацию, военные: *at ease*-вольно, *hit the dirt*-залегать, *sad apple* – нервный человек, *watch your step* – будь осторожным, *brassed off* – сытый по горло, молодежные: *Ace* – братан ; *heat* – полицейский ; *actually* – «в натуре»; *all shook up* – суета; *hush – hush* – втихую, потихому; *idiot box* – телик, ящик.

Молодежные жаргоны делятся на производственные и бытовые. Производственная лексика учащихся тесно связана с процессом учебы. Общебытовые – жаргоны неформальных молодежных группировок очень тесно переплетаются со сленгом музыкантов, т.к. вся «неформальная» культура построена на музыке. Молодежь привлекает в жаргонизмах необычность звучания, эмоционально экспрессивная окраска [4].

Сленг противостоит официальному, общепринятому языку и, по мнению лексикографов, до конца понятен лишь представителям узкого круга лиц, принадлежащих к той или иной социальной или профессиональной группе, которая ввела в обиход данное слово или выражение.

Языковые новшества отражаются в средствах массовой информации, естественно, что они находят свое отражение и в жаргоне. В нем – вызов «правильной» жизни. Чтобы проникнуть в литературный язык, арготизм должен часто употребляться в речи, иметь яркую эмоционально-экспрессивную окраску, давать удачную характеристику предмету или явлению и не быть грубым и вульгарным. Сленг нередко рассматривается в психологическом аспекте, как продукт «духовного» творчества (в том числе и индивидуального) представителей отдельных социальных и профессиональных группировок, служащих выражением определенного «духа» или «ступени сознания» людей, принадлежащих к той или иной общественной среде. Большую роль в распространении этой концепции сленга сыграло известное положение В. Гумбольдта о том, что «видение мира», использование и интерпретация (самооценка) языка у представителей отдельных социально-профессиональных групп не совпадает полностью с «видением мира» и владением языком на уровне всего языкового коллектива. Сторонники так называемого «нового учения о языке» Н.Я. Марра пытались даже «объяснить» все закономерности и особенности социальных диалектов аналогией с «примитивным мышлением» первобытных народов, в связи с чем широко использовались работы Б. Малиновского, Л. Леви-Брюля и др. Д.С. Лихачев, пытаясь показать «общность мышления» носителей социальных диалектов у различных народов, сопоставляет жаргонную лексику английского, французского и русского языков [2].

Сленг используется с целью сделать язык той или иной социальной группы непонятным для непосвященного. Для сленга характерно искажение существующих слов языка, многочисленные заимствования, внешний облик которых нередко модифицируется таким образом, что они ничем не отличаются от остальных лексем данного языка. Сленг быстрее других языковых пластов отражает тенденцию «сжатости» в слове.

Язык существует в постоянном коммуникативном движении. Благодаря этому язык выполняет одну из своих основных функций – быть средством общения, адекватно обслуживать потребности коммуникантов в передаче, обработке и хранении информации.

Основным же мотивом употребления сленга исследователи называют выражения чувства эмоциональной общности среди членов социальных групп или субкультур, их приверженности к одним ценностями и установкам [1].

В настоящее время люди общаются благодаря появлению мобильных телефонов с сервисом SMS, электронной почты, ICQ и Интернет – чатов. Соответственно, в язык все чаще встречаются простые конструкции, с помощью которых можно максимально быстро передать свою мысль.

Одним словом, английский язык, как и любой другой, не стоит на месте. Английский сленг имеет свою собственную норму, существующую наряду с нормой литературного языка. Исследование фактического материала показало, что в целом ряде случаев сленговые слова, внешне совпадающие со словами английского литературного языка, могут соотноситься с корнями различных языков.

Литература

1. Семантическая характеристика общего английского сленга Режим доступа: http://bankrabort.com/work/work_37319.html
2. Маковский М.М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. Изд.3 – Режим доступа: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=52209&list=13>
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. – Л. Просвещение, 1973.
4. Языковые варианты и диалекты английского языка – Режим доступа: http://know.su/link_4165_2.html
5. Зыкова И.В. Практический курс английской лексикологии (3-е изд.) – М. Академия, 2008.

СВОБОДНАЯ ПЕДАГОГИКА

Богомолов К. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. В. Богомолова, директор школы №19.

Лев Николаевич Толстой утверждал, что именно «воспитание спасет мир». Эта мысль не давала ему покоя с молодости. В 1849 г. он предпринял первую попытку обучения в Ясной Поляне крестьянских детей. Через десять лет Толстой откроет школу в родовой усадьбе, начнет выпускать педагогический журнал «Ясная Поляна», в первой половине семидесятых годов напишет свои замечательные, но до недавнего времени забытые поколениями «Азбуки», детям он посвятит около 600 рассказов и притч в «Книгах для чтения».

В истории педагогики имя Л.Н.Толстого стоит рядом с именем Жан-Жака Руссо. Оба признаны основателями свободной педагогики. Но по сравнению с Руссо Толстой сделал шаг вперед, утвердив идею ненасильственного обучения как наиболее продуктивный путь образования и воспитания. Для Толстого каждая школа – это "эксперимент", "опыт в лаборатории", имеющий смысл только тогда, когда в детях, учителях, родителях есть дух свободы и любви. Л. Н. Толстой утверждал следующее:

«Только при свободе можно избегать обычного явления: вызывание отвращения к предметам, которые в свое время и свободно были бы любимыми».

«А то я буду говорить ученику, что не надо в жизни насилия, а над ним буду совершать самое тяжелое умственное насилие».

«Всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбужденный жизнью. Но школа не только не возбуждает вопросов, она даже не отвечает на те, которые возбуждены жизнью».

Школа должна быть для ребенка, а не ребенок для школы. *«Школы, устроенные свыше и насильственно, не пастырь для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не так, чтобы детям было удобно учиться, но так, чтобы учителям было удобно учить. Учителю неудобны говор, движение, веселость детей, составляющие для них необходимое условие учения, и в школах, строящихся как тюремные заведения, запрещены вопросы, разговоры, движения...».*

Казалось бы, доводы Толстого так очевидны. Но массовая педагогическая практика так далеко отошла от очевидного и естественного, так оторвалась от ребенка и отвыкла брать его в расчет, что поворот в школьном деле сегодня должен быть слишком крут и кажется губи-

тельным, что, разумеется, пугает педагогов. Толстой пишет: «При неуспехе хотят переменить не образ учения, а саму природу ребенка».

В своих многочисленных статьях Л. Н. Толстой со всей свойственной ему страстностью призывал людей избавиться от гнета, обрести свободу мысли, воспитывать детей так, чтобы не нарушать их внутренний мир, развивать в них творческое начало. Также он пытался создать свою методику обучения и воспитания. Жизнь Л. Н. Толстого протекала в очень сложное и противоречивое время. Остро стоял вопрос о крепостных крестьянах. Крестьяне возмущались и негодовали, власть естественно была этим жутко недовольна. Реформа, проведенная в 1861 году, немногим помогла крестьянину: она оставила его нищим, забитым, подчиненным помещику везде и всюду. Долгое время свобода крестьян оставалась лишь юридической, мнимой. Все эти и многие другие противоречия ярко отразились в философских и педагогических взглядах Л. Н. Толстого. В мировоззрении Толстого иногда сбивает с толку горячий протест против общественной лжи и фальши, который тут же сочетается с проповедью самоусовершенствования и непротivления злу насилием; трезвый реализм, непримиримость с официальной религией и рядом стоит отказ от реальной политической борьбы; много слов о свободе ребенка, о навязывании ему всяческих уроков и лекций, и тут же Толстой ставит христианскую религию на первое место в образовании, что в корне противоречит принципам свободного воспитания.

Однако, взгляды Л. Н. Толстого, несмотря на свою некоторую противоречивость, с успехом воплощались в жизнь. В 1859 году у себя на родине, в Ясной Поляне Толстой открыл школу, необычную для того времени. В ней воплотились все идеи и желания писателя. Там обучались крестьянские дети, не было наказаний, взысканий, интересный и новаторский подход к обучению ребят. Толстой руководил и с перерывами сам работал в этой школе учителем математики и истории. Многие из учеников помнят, как он умел с помощью прекрасных, интересных и захватывающих рассказов поведать о таких сложных темах, как война, закономерности. Это ничуть не удивительно: Л. Н. Толстой был истинным знатоком детской души, тонким психологом и королем слова. Об этом свидетельствуют не только его блестящие литературные шедевры, но и “Азбука” и книги для чтения, созданные в 1872 – 75 годах. Эти книги написаны красивым классическим доступным языком. В них много рассказов про русскую историю, жизнь, быт. Также имеются небольшие поучительные и религиозные рассказы.

Важнейшей задачей своей школы Толстой считал воспитание творческой личности. Одним из основных принципов обучения в школе являлась полная свобода учеников, которые не были связаны обязательными часами занятий. Уроки на дом не задавались. Характерной чертой учебного процесса в Яснополянской школе была творческая активность и самостоятельность учащихся на занятиях. Толстой требовал учитывать возможности каждого ученика, его интересы и возрастные возможности. В школе работало четыре учителя. В планы преподавания, которые они составляли, обычно вносились изменения «согласно требованиям учеников».

В учебный план Яснополянской школы входили следующие предметы: чтение, письмо, каллиграфия, грамматика, священная история, русская история, математика, беседы по естественным наукам, рисование, черчение, пение и закон Божий.

По вечерам Толстой читал с детьми книги («Робинзон Крузо» и др.), рассказывал им о казаках, о Хаджи Мурате, об Отечественной войне 1812 г., о случаях из собственной жизни. Толстой старался пробудить у детей чувство патриотизма, вызвать у них интерес к отечественной истории. Во время прогулок обычно велись беседы и на этические темы. Под его руководством ученики собирали фольклор в деревнях своего уезда, писали рассказы, которые публиковались в приложении к журналу «Ясная Поляна». Занятия нередко проводились в поле, в саду, в парке.

Осуществляя свою идею о том, что школа должна отвечать потребностям трудового народа, Толстой ввел в Яснополянской школе занятия по труду (столярное дело и с.-х. работы), которыми он сам руководил. Вводя в труд элементы игры, он стремился сделать его увлекательным и радостным. Большое значение Толстой придавал и физическому развитию [1].

Толстой, будучи увлекающейся натурой, иногда отходил от педагогики, чтобы заняться иным поглотившим его занятием, но он никогда не отдалялся от детей, их интересов и забот. Даже не работая в школе, он встречался с ребятами, душевно разговаривая с ними. Бывали случаи, когда Лев Николаевич сам приходил домой к ребенку, чтобы поведать, поговорить с ним. Лев Николаевич искренно, преданно, самоотверженно любил и страдал за каждого ребенка [2].

В 20 веке традиции Л.Н. Толстого были продолжены лишь в 60-е годы. Как ни странно, но в нашей «свободной» социалистической стране было запрещено говорить о свободной педагогике.

Одним из ярких идеологов свободной педагогики был Симон Львович Соловейчик. Когда Симон Львович Соловейчик писал свои

первые работы о воспитании, родители, пережившие войну, воспитывали детей в строгости и всеми силами старались дать им образование, чтобы те выбивались в люди и не знали нужды. В моде были тяжёлые директорские столы, покрытые зелёным сукном. Такого же цвета была школьная доска, главными словами в которой были примерное поведение, обязанности и все как один. Слово душа доживало свой век в стихах, написанных до революции, а слово совесть можно было употреблять только с эпитетом гражданская. Даже жизнерадостные оптимисты не помышляли о том, что увидят когда-нибудь конец этой «прекрасной эпохи».

С тех пор многое изменилось. В ходу стала фраза: мы живём в другой стране. Но человеческие отношения складываются тысячелетиями, и от политических реформ в них мало что меняется. Когда общество переживало эйфорию свободы, Соловейчик тоже писал о свободе, но об иной свободе, внутренней, которая не зависит от внешних обстоятельств. Сейчас снова заговорили о том, что мы живём в другой стране. Однако, добро, любовь, справедливость, как, впрочем, и зло во всех его проявлениях, категории исключительно человеческие и человек, как не раз писал Соловейчик, может искать и находить спасение только в самом себе.

Этим отчасти объясняется, что книги Соловейчика, написанные при господстве разных педагогических теорий и веяний, не несут на себе старящую печать времени. Именно поэтому, посвятив свою жизнь педагогике, он то и дело отрекается от нее. По его собственному признанию, он не столько занимался проблемами воспитания, сколько пытался «понять мир человека, его душу и дух» [3].

Педагогика, которая придумывает рецепты воспитания, но при этом проходит мимо души и духа человеческого и с научным высокомерием чурается понятий совесть, достоинство, свобода, любовь, – не педагогика. Именно в этом смысле «педагогическое всегда мешает человеческому». Без знания того, как человек устроен, без внимания к внутреннему человеку, педагогики, по убеждению Соловейчика, нет. При этом Соловейчик не слишком ценил психологические советы, созданные по схеме «как поступить, если...» К вопросам воспитания он подходил как философ, показал глубокую противоречивость, а иногда и не разрешимость проблем, которые встают перед честным педагогом, как встают они перед каждым человеком, если он не пытается укрыться от жизни.

Цитаты:

Дети – как аттестат: хорошо ли мы учились или плохо, но аттестат каждому хочется получше. Вот мы и дергаем детей, наваливаясь на них: «Давай! Не подведи!»

Фразы типа: «А что из него вырастет?», «Я забочусь о его будущем», «Но надо же детей воспитывать» – все эти благородные фразы лишь дымовая завеса для собственной корысти.

Учитель, цель которого – воспитание свободного человека, должен поддерживать чувство справедливости. Это главное в воспитании.

Многие из нас – да что там – все! – желают своим детям устроиться в жизни. Это можно понять. Но поймём тогда, что педагогика не является наукой о хорошем устройстве в жизни. Про устройство в жизни педагогика ничего не знает, для этого надо искать какую-то другую науку.

Чем больше уважения к ребёнку, тем больше свободы у взрослого.

Может, вся педагогика в том и состоит, чтобы привести к детям талантливых людей, – остальное сделается само собой. Что может быть педагогичнее таланта?

Две трудные проблемы у воспитателя: Первая: как вырастить доброго и честного, правдивого человека;

Вторая: когда вырастишь доброго и правдивого человека, то, как ему жить?

В 1990 г., к педагогическому опыту Л.Н.Толстого обратилась группа ученых, куда входили специалисты разных сфер знаний. Обобщив его, взяли то лучшее, что есть в нем, и создали концепцию современной «Школы Л.Н. Толстого». Чуть позже при Институте повышения квалификации Тульской области возникла научно-исследовательская лаборатория «Школа Л.Н. Толстого». В 1998 г. НИЛ получила статус Федеральной экспериментальной площадки.

“Школа Л.Н. Толстого” – один из самых молодых и самобытных проектов российского образования. В его основе – гуманистические идеи свободной педагогики. В названии проекта отмечено особое значение для создателей эксперимента педагогических открытий Толстого, его просветительских взглядов на сущность жизни, его понимания правды о мире и душе человека. Авторы проекта далеки от слепого подражания и сохраняют полную свободу в интерпретации толстовских идей, развивая их в русле актуальных проблем образования рубежа XX-XXI вв. и согласно собственным представлениям о школе. Они понимают: как бы ни были хороши идеи ненасильственной педагогики, они останутся идеями, если в школу не придет Учитель, способный воплотить их в жизнь. К нему стягиваются нити поисков и

открытий, через него проходит ось Педагогики ненасилия, Культуры ненасилия, Самосознания ненасилия. Непросто сделать первый шаг к новому, но, кто знает, может быть, с него начнется восхождение по ступеням жизни – поиск ответов на вопросы: Что есть Я? Что есть мир? И каково мое место в нем? Последователи свободной педагогики считают: «Нам не дана власть над обстоятельствами, но нам дана свобода выбора, свобода духа: власть над самим собой. Себя всегда можно сделать лучше, если помнить, что "добро неизмеримо сильнее зла"[4].

Литература

1. Адаптация педагогических идей Л.Н. Толстого. Режим доступа: <http://www.xercoh.info/referats/view/482>
2. Общественно-педагогическое движение 60-х годов XIX в. Режим доступа: <http://www.gala-d.ru/parts/1094-part13>
3. «Педагогика для всех» (Симон Соловейчик). Режим доступа: <http://1001.ru/books/pdv/>
4. Симон Львович Соловейчик. Учение с увлечением. Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/s41/d1998/>

ОЦЕНКА ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ)

Бражникова Д. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.А. Нагорная, к. филол.н., доц.

На протяжении всей истории человечества роль женщины постоянно менялась и, соответственно, отношение к ней. Мужчины то при-
нижали и подавляли женщину, то восхваляли и посвящали ей стихи. Но бесспорно одно: женщина всегда оставалась загадкой, которую многие века пытались разгадать и понять. Но нет необходимости про-
пускать “женщину” через определённую логику или пытаться каким-
либо образом объяснить её: она прекрасна сама по себе, просто, буду-
чи женщиной. Например:

Я – Женщина, я избранная Богом, хотя уже наказанная им (Бата-
кова. *Я –Женщина*). *Ты женщина и этим ты права* (Брюсов. *К жен-
щине*).

А роль мужчины заключается в том, чтобы служить женщине, за-
щищать и оберегать её, и просто любить. Любовь толкает мужчин на
подвиги, например: *Мы для тебя влечём ярем железный// Тебе мы*

служим, тверди гор дробя // И молимся – от века – на тебя (Брюсов. К женщине). *For you I would climb// The highest mountain peak // Swim the deepest ocean/ Your love I do seek* (Messick. **For You Are The One**).

Оценочная структура концепта "женщина" в английском и русском языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля "человек" признаки "внешний человек" и "внутренний человек". Первую группу составляют такие универсальные признаки, как "внешность", "функции", "многогранность и многоплановость женского образа" и др., а вторую – "свойства личности", например "ум", "душа" и т.д. Далее можно выделять более частные признаки, если они играют какую-либо роль для носителей рассматриваемых культур и особым образом представлены в языке, вскрывая тем самым специфические характеристики конкретного языка.

Внешний облик женщины, её красота, обаяние из века в век пленяли и очаровывали мужскую половину. В целом, некоторые черты женщины сравниваются с ангельскими, при этом не исключая и тёмные стороны. Например: *She walks in beauty, like the night* (Byron. *She walks in beauty*) [1]. Как только появляется женщина в жизни мужчины – его жизнь преобразуется и наполняется новым смыслом: *Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты / Как мимолётное виденье, как гений чистой красоты* (Пушкин К***) [2].

Доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности выступают лицо, волосы, голос, походка и запах, а также красота и цвет глаз и губ. Как и в англоязычной, так и русскоязычной культурах существуют определённые представления о том, какими должны быть те или иные черты:

В английских стихах самым частым эпитетом, применимым к глазам, является *bright*. Например: < ... > *with your brown eyes bright and clear* (Shelly. *To Mary*). Яркость и блеск глаз подчёркивается сравнением с солнцем и звёздами: *My mistress' eyes are nothing like the sun* (Shakespeare. *Sonnet 130*). *And the stars never rise but I see the bright eyes /Of the beautiful Annabel Lee* (Poe. *Annabel Lee*). *And all that's best of dark and bright //Meet in her aspect and her eyes* (Byron. *She walks in beauty*).

В английской поэзии женские глаза описываются как *нежные* и *глубокие* (*fond* и *deep*): *There is a Form on which these eyes /Have fondly gazed with such delight* (Byron. 'Stanzas to Jessy'). < ... > *thy blue eyes* (Byron. 'Sonnet-to Geneva').

Русские поэты также восхваляют глубокие, ласковые и большие глаза женщин России, при этом цвет их глаз преимущественно синий. Например: *Средь мрачных дней под гнётом бед, мне светит взор*

твоих очей (Ратгауз. Среди мрачных дней). *Сразу прыгну в глаза ее синие, в опрокинутый их небосвод* (Дмитрий Ким. Посвящение К.). *Глаза большие, строгие, /Ресницы богачейшие* (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо) [3].

Черные/темные волосы и черные/карие глаза не составляют эталона русской красоты, но они также могут положительно характеризоваться в стихах, поскольку указанные атрибуты внешности выступают знаками "экзотического мира", символизируя Восток, страсть, знойный темперамент. *В эти черные брови восточные* (Заболоцкий. Признание). *Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут* (Есенин. Заметался пожар голубой).

Губы или уста получают в стихах поэтов двух культур практически одинаковую оценку, а именно: яркие, красные, мягкие или нежные, сладкие, например: *"When thy sweet lips were join'd to mine; The tears that from my eyelids flow'd* (Byron. To Caroline). *There is a Lip, which mine has prest, But none had ever prest before A Mouth which smiles on me alone* (Byron. Stanzas to Jessy). *Your lips so soft and smooth* (David G. Kelly. **What I Love About You**). *Красивые, ровные зубы, // Что крупные перлы у ней, // Но строго румяные губы // Хранят их красу от людей* (Некрасов. Есть женщины в русских селениях).

Поэты восхищаются густыми, красивыми волосами, в русской культуре, это, как правило, русые волосы/ косы: *Love will waft it till it settles on your hair* (Wilde. To my Wife). *Твоих волос стеклянный дым* (Есенин. Пускай ты выпита другим). *И волос твоих цветом в осень* (Есенин. Заметался пожар голубой). *Тяжёлые русые косы* (Н. Некрасов. Есть женщины в русских селениях). *Я трогаю русые косы* (Владимир Лазарев. Берёзы). *И, чернеясь, бегут на плеча / Косы лентой с обеих сторон* (Афанасий Фет. 'На заре ты её не буди').

Испокон веков пленил и очаровывал мужчин искренний смех, мягкий и певучий женский голос и тёплые, нежные слова, произнесённые любимой, например: *There is a Voice whose tones inspire such softened feelings in my breast <...> and your sweet voice, like a bird singing love to its lone mate* (Percy Shelly. To Mary). *В томленьях грусти безнадежной, / В тревогах шумной суеты, / Звучал мне долго голос нежный // и снились милые черты. А голос так дивно звучал, / Как звон отдалённой свирели, / Как моря играющий вал.* (Толстой. Среди шумного бала). *Voice the sweetest ever heard* (Shelly. To Mary). *Для меня твой смех награда, Лада* (Пляцковский. Лада).

Фигура и походка в стихотворном творчестве оценивается через такие качества, как: активность, подвижность, легкость, соотносимые с молодостью, а также плавность, вальяжность, которые ассоцииру-

ются с представлениями о внутреннем достоинстве, знатном происхождении: *She walks in beauty, like the night* (Byron. *She walks in beauty*). *I grant I never saw a Goddess go// My mistress when she walks treats on the ground* (Shakespeare, Sonnet № 130). Походка "трепещите, мужики!" (Альтовская. Все! Хватит жить с авоськами). Поступь нежная, легкий стан (Есенин. Заметался пожар голубой). Осанистая женщина (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо) [4].

И в поэзии отмечается также запах, исходящий от женщины: *И аромат у Вас особый –/ Так пахнут яблоки в саду* (Меркулов. Подарок женщине). *And in some perfumes is there more delight -/ Than in the breath that from my mistress reeks* (Shakespeare. Sonnet № 130)

Сама женщина в мужском понимании – это божественное создание. Все составляющие женского образа прекрасны и вдохновляют мужчин:

*But the loveliest things of beauty God ever has showed to me
Are her voice, and her hair, and eyes, and the dear red curve of her lips* (John Masefield. Beauty).

Не обошли вниманием поэты двух культур и тайну женской души, её моральные качества. Например, в русскоязычном сознании идеальная женщина наделена такими качествами, как забота, отзывчивость, самопожертвование и способность прощать, в то время как в англоязычной ментальности проявляются гедонистические мотивы, т.е. воззрение на женщину как на предмет обожания, от которого можно получить эстетическое наслаждение. Как и в русской, так и в английской культурах мужская половина человечества особо подчёркивает взаимозависимость полов и невозможность существования одного без другого.

Доминантными качествами при оценке женского образа являются:

Забота и отзывчивость: Но если за тобою гонятся,/ Она тебя в постели спрячет (Сельвинский, *Femme de quarante ans*). Но если я безвестно кану/ За звёздный пояс, млечный дым?/ Я за тебя молиться стану,/ Чтоб ты вернулся невредим (Кочетков. С любимыми не расставайтесь). *Your caring heart keeps out the rain, your love, the ultimate roof* (David G. Kelly. *A Gentle Word Like a Spark of Light*). *It is the caring she lovingly gives* (David G. Kelly. **What I Love About You**).

Способность прощать: Но ради будущих идей прощают женщины любимых, прощают матери детей (Заплавный. Обиды скопленные за день”).

Терпение и верность: *Не понять не ждавшим им, /Как среди огня /Ожиданием своим /Ты спасла меня. /Как я выжил, будем знать*

*только мы с тобой,/ Просто ты умела ждать/ Как никто ждать
другой (Симонов. Жди меня, я вернусь).*

Бесстрашие: *Ты сама готова спасти других от уныния тяжкого.
Ты сама не боишься ни свиста пурги, ни огня хрустящего (Серых.
Будь, пожалуйста, послабее).*

Загадочность:

*Ты женщина, ты книга между книг, ты свёрнутый запечатлён-
ный свиток (Брюсов. К женщине). Среди разных чудес, что пленят и
манят,/ есть одно, на котором всегда остановится взгляд,/ это –
Женщина,/ в ней природа все тайны хранит (Ратгауз, Среди разных
чудес) И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносильна (Есе-
нин. Любить иных тяжёлый крест). Очарована, околдована, /С ветром
в поле когда-то обвенчана (Заболоцкий. Признание).*

Женщина считается **прародительницей человеческого рода**,
происшедшая от Евы, первой женщины. Хотя и , что Бог создал муж-
чину первым, у поэтов возникают некоторые сомнения на этот счёт.
Евгений Меркулов в своём стихотворении “Ева и Творец” описывает
разговор Евы с Богом ‘*Когда Творец, наполнив чрево/, в Эдеме сладко
почивал,/ к нему явилась дева Ева/, и ну устраивать скандал*’. Ева жа-
луется, что скучно ей одной в раю и Бог решил подарить ей мужчину
‘*Замолкни, чёртова зараза!/ Аз мужика тебе воздам,/ чтобы решить
проблемы разом,/ и назову его – Адам*’. Взамен попросил Бог Еву о
просьбе ‘*Но за подобную услугу я наложу один запрет*’ – сохранить в
тайне тот факт, что женщина появилась первой: ‘*не смей рассказы-
вать супругу, что первой ты пришла на свет*’ [5].

Во все времена художниками воспевалась красота женщины. Но
именно образ женщины – матери являлся идеалом женской красоты.

Женщина-мать занимает особое место в жизни любого человека.
Она, по сути, исполняет несколько ролей одновременно: ‘*my angel is
my guardian, my teacher and my friend, but most of all my mother til the
very end*’ (Byron, Mother wife poem). В стихах особо чётко можно про-
следить всю глубину материнской заботы и жертвенности. Дмитрий
Кедрин в своём стихотворении “Сердце” описывает, как один казак
влюбился в одну девушку, которая взамен за свою любовь попросила
принести ей сердце его матери: *Дай сердце мне матери старой тво-
ей.// Я пепел его настою на хмелю, // Настою напьюсь – и тебя по-
люблю. Закручинился казак, но, ослеплённый любовью, разрубил он
грудь матери и отправился к любимой. Входя на крылечко, споткнул-
ся казак.// И матери сердце, упав на порог, Спросило его: "Не ушибся,
сынчик?"*.

В англоязычном сознании женщина является:

Источником вдохновения и счастья: *With woman alone he had peopled his heaven* (Byron. To Eliza) *I'll ne'er blame my partial fancy/Nothing could resist my Nancy!/But to see her was to love her/Love but her, and love for ever* (Robert Burns. Ae Fond Kiss).

Смыслом жизни: *For thy sweet love remember'd such/ That then I wealth brings/ Scorn to change my state with kings* (Shakespeare. Sonnet № 29), *Wretched in this alone, that thou mayst take/All this away and me most wretched make* (Shakespeare, Sonnet № 91).

Как в русскоязычной, так и в англоязычных культурах существует представление, что мужчина и женщина неотделимы и, образуя одно целое, не могут существовать отдельно:

Пока жива с тобой я буду, // Душа и кровь неразделимы (Кочетков. С любимыми не расставайтесь). *There are two Souls, whose equal flow/In gentle stream so calmly run, /That when they part---they part?---ah no!/They cannot part---those Souls are One* (Byron. 'Stanzas to Jessy).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что поэзия является образным средством выражения мировосприятия английского и русского народов. В частности, она наглядно демонстрирует представление русских и англичан о женщине как о неотъемлемой части их языковой картины мира, значение которой невозможно переоценить. Например:

И словно зрение к незрячимым, / Придёт сознание того, / Что мы без женщин мало значим / Или не значим ничего (Заплавный. Обиды скопленные за день).

Литература

1. Байрон Д. Г. Стихотворения и поэмы. – М.: Мир книги, 2007.
2. Дмитренко С.В. Русская поэзия Золотого века. Антология. – М.: Эксмо, 2009.
3. Евса И. Стихи любимым женщинам. – М.: Эксмо, 2009.
4. Нянковский М.А. Пять тысяч строк о любви. Стихи русских поэтов. – М.: АСТ, 2010.
5. Никитин М.В. Лексическое значение слова – М., 1988.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Грель К. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. М. Саржина, доц.

Фразеологические единства – это такие устойчивые сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов: *to spill the beans* – выдать секрет; *to burn bridges* – сжигать мосты; *to have other fish to fry* – иметь дела поважнее; *to throw dust into smb. 's eyes* – заговаривать зубы; *to burn one 's fingers* – обжечься на чем-либо. «Фразеологические единства несколько сближаются с фразеологическими сращениями своей образностью, метафоричностью» [1, с. 50].

Фразеологические выражения – это только обороты с буквальным значением компонентов. В состав фразеологических выражений включают многочисленные английские пословицы и поговорки, которые употребляются в прямом значении, не имеют образного аллегорического смысла: *live and learn* – век живи, век учись.

Основными источниками фразеологизмов английского языка являются Библия, художественная литература древнего мира, произведения Шекспира, высказывания английских писателей XVII – XX веков, американская, французская, испанская и арабская художественная литература.

Библия является главнейшим литературным источником фразеологических единиц (далее ФЕ). Она обогатила фразеологизмами многие языки мира. На протяжении столетий Библия являлась самой широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. «Фразеологизмы библейского происхождения часто во многом расходятся с их библейскими прототипами» [2, с. 49]. Библейские образы и понятия мы находим в таких фразеологизмах, как *by the sweat of one 's brow* – в поте лица своего, *the promised land* – земля обетованная, *forbidden fruit* – запретный плод, *Job 's comforter* – горе-утешитель, *Juda 's kiss* – поцелуй Иуды.

В английском языке, являющимся наследником античной культуры, существует много пословиц, афоризмов и образных выражений, возникших у древних греков и римлян, например: *Pandora 's box* – ящик Пандоры, *Achilles ' heel* – ахиллесова пята, *Augean stable(s)* – авгиевы конюшни, *a labor of Hercules* – геркулесов труд, *a labor of*

Sisyphus – сизифов труд, *the thread of Ariadne* – ариаднина нить, путеводная нить, способ, помогающий выйти из затруднительного положения. С поэмами Гомера «Илиада» и «Одиссея» связаны выражения *Homeric laughter* – гомерический хохот (оборот связан с описанием Гомером смеха богов), *an Iliad of woes* – повесть о бесчисленных несчастьях, *Penelope's web* – тканье Пенелопы, тактика оттягивания, *between Scylla and Charybdis* – между Сциллой и Харибдой, в безвыходном положении, *on the knees of the Gods* – одному богу известно, *like a Trojan* – мужественно, доблестно, героически, *the Trojan Horse* – троянский конь, скрытая опасность.

Некоторые фразеологизмы восходят к произведениям древнеримских писателей: *a snake in the grass* – змея подкодная, коварный, скрытый враг (Вергилий); *the golden mean* – золотая середина (Гораций); *the sinews of war* – деньги, материальные средства (необходимые для ведения войны) (Цицерон). Фразеологические единицы, пришедшие в английский язык из литературы Древней Греции и Древнего Рима, наделены необыкновенной красочностью и экспрессивностью.

Произведения знаменитого английского классика У. Шекспира являются одним из наиболее важных литературных источников по числу фразеологизмов, обогативших английский язык. Число их свыше ста. Приводим примеры некоторых наиболее распространенных шекспиризмов [3]: “Macbeth”: *at one fell swoop* – одним махом; “Hamlet”: *to be or not to be?* – быть или не быть; *to out-Herod Herod* – превзойти самого Ирода в жестокости; “Othello”: *the green-eyed monster* – “чудовище с зелеными глазами”, ревность; “Twelfth Night”: *midsummer madness* – умопомрачение. “Merchant of Venice”: *a Daniel come to judgement* – честный, проникательный судья; “Midsummer Night’s Dream”: *the beginning of the end* – начало конца. Большое количество фразеологизмов созданных Шекспиром вошло во всеобщее употребление.

Многие другие писатели обогатили английский фразеологический фонд. Среди них главным образом следует отметить Вальтера Скотта, Джеффри Чосера, Джона Мильтона, Джонатана Свифта и Чарльза Диккенса, например: *Laugh on the wrong side of one’s mouth* (Scott. Rob Roy.) – перейти от смеха к слезам. *Murder will out* (Chaucer. The Canterbury Tales.) – всё тайное становится явным. *Heaven on Earth* (Milton. Paradise Lost.) – рай земной. *The land of Nod* (Swift. Polite Conversation.) – «страна сновидений», царство сна. *King Charles’s head* (Dickens. David Copperfield.) – навязчивая идея, предмет помешательства. *Barkis is willing* (ibid.) – “Баркис не прочь”, мне очень хочется.

Высказывания других английских писателей обычно остаются цитатами и лишь в редких случаях пополняют фразеологический фонд

английского языка. Приводим некоторые примеры таких высказываний по времени создания произведения, в котором употребляется данный фразеологизм:

1) XVIII век: а) *John Bull* – “Джон Булль” (насмешливое прозвище англичан). Оборот впервые употреблен придворным врачом Дж. Арбетнотом в сатирическом памфлете “*Law is a Bottomless Pit*” (1712); б) *John Barleycorn* – Джон Ячменное Зерно (олицетворение спиртных напитков), (R. Berns. *John Barleycorn*); в) *Man Friday* – Пятница; верный преданный слуга (D. Defo. *Robinson Crusoe*); г) *a gentleman's gentleman* – джентльмен, прислуживающий джентльмену; слуга (D. Defo. *Everybody's Business*); д) *What will Mrs. Grundy say?* – Что скажет миссис Гранди?, т.е. что скажут люди? (T. Morton. *Speed the Plough*); е) *Paul Pry* – человек, сующий нос в чужие дела, чрезмерно любопытный человек (J Pull. *Paul Pry*); ж) *Dr. Jekyll and Mr. Hyde* – доктор Джекилл и мистер Хайд; человек, воплощающий в себе два начала – доброе и злое (R. L. Stivenson. *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*).

2) XX век: *Little Mary* (разг. шутл.) – желудок, «животик» (J. Berry. *Little Mary*).

Многие фразеологические единицы не были созданы самими писателями, но лишь благодаря последним получили широкое распространение в современном английском языке. Сравнения *green like a Cheshire cat* (ухмыляться, улыбаться во весь рот), *(as) mad as a hatter* и *(as) mad as a March hare* (не в своем уме, спятивший, совсем ума лишился) популяризированы Л. Кэрролом в книге “*Alice in Wonderland*”.

Много ФЕ пришло в английский язык из американской литературы. Они относятся к внутриязыковым заимствованиям. Некоторые из этих фразеологизмов были в свое время созданы американскими писателями и получили широкое распространение в современной английской речи, например: 1) В. Ирвинг: *the almighty dollar* – “всемогущий доллар”; *a Rip Van Winkle* – “Рип Ван Уинкл”, отсталый человек; 2) Ф. Купер: *the last of the Mohicans* – последний из Могикан (по названию романа), 3) Дж. Лондон: *the call of the wild* – “зов предков”, “зов природы”, обаяние девственной природы (по названию романа); *the iron heel* “железная пята”, империализм (по названию романа); 4) М. Митчелл: *gone with the wind* – бесследно исчезнувший, канувший в прошлое. Изначально эта ФЕ была создана Э. Доусоном (1867 – 1900 гг.), но получила известность благодаря роману М. Митчел.

Число фразеологизмов, заимствованных из американской художественной литературы не так велико как число ФЕ, созданных английскими писателями, но американизмы, обладают наиболее яркой об-

разностью и повышенной экспрессивностью по сравнению с высказываниями английских писателей.

Французская художественная литература произвела немалый вклад во фразеологический фонд современного английского языка. Многие произведения таких французских писателей, как Франсуа Рабле, Жан Батист Мольер, Жером д'Анже, Лафонтен и др. – были переведены на английский язык и до сих пор пользуются широкой популярностью в Англии, например, *Buridan's ass* – буриданов осел (о человеке, не решающемся сделать выбор между двумя равноценными предметами, равносильными решениями и т.п. Французскому философу XIV в. Буридану приписывается рассказ об осле, умершем от голода, так как он не решался сделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена. К этому же рассказу восходит ФЕ *an ass* (или *a donkey*) *between two bundles of hay* [3].

В современном английском языке существует всего несколько фразеологизмов, заимствованных из испанской художественной литературы. Мигель Де Сервантес Сааведра является автором следующих фразеологизмов: *the knight of the Rueful Countenance* – рыцарь Печального Образа, Дон Кихот; *tilt at windmills* – сражаться с ветряными мельницами, «донкихотствовать».

В английском языке существует много фразеологизмов испанского происхождения, но лишь те ФЕ, которые приведены выше имеют литературные корни.

Некоторые выражения, заимствованные из арабского фольклора, также стали фразеологизмами современного английского языка. Так, из сказок «Тысячи и одной ночи» в английский язык пришло несколько выражений, например, *Aladdin's lamp* – волшебная лампа Аладдина (талисман, выполняющий все желания своего владельца). Другое выражение – *Alnascham's dream* – означает пустые мечты, фантазирование. В одной из сказок «Тысячи и одной ночи» говорится об Альнашаре, который на все свои деньги купил изделия из стекла и положил их в корзину, но, размечтавшись о том, как он станет богачом, и рассердившись на свою будущую жену, ударил по корзине и разбил все стекло. Некоторые выражения, заимствованные из арабского фольклора, также стали фразеологизмами современного английского языка.

Фразеологический фонд английского языка настолько велик, что полное его исследование не уместилось бы в рамки данной работы. Тем не менее, на примере рассмотренных фразеологизмов можно отчетливо представить насколько разнообразны по своей семантике и выразительности ФЕ современного английского языка. Благодаря литературным произведениям писателей и поэтов, как самой Велико-

британии, так и разных стран мира, английский язык в настоящее время насчитывает огромное количество фразеологизмов. История и культура различных стран мира тоже пополнили английский язык огромным количеством фразеологизмов.

В современной английской речи использование выражений, взятых из литературы стран Азии, является редким. Распространение получили лишь фразеологизмы, заимствованные из литературы стран так или иначе территориально приближенных к Великобритании. Следует отметить, что особенно велико в английском языке число библеизмов.

Важным фактом является то, что все неанглийские литературные заимствования, представленные в данной работе, являются полными кальками с другого языка. В современном английском языке эти фразеологизмы в иноязычной форме не употребляются.

Литература

1. Телия В.Н. Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
2. Федуленикова Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. – Архангельск, 2000.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ НА ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Гроо Ю. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.О. Французская, ст. преподаватель

Изучение прошлого любого народа позволяет понять его настоящее. Прошлое формирует историю народа и накладывает отпечаток на его дух и характер. Мифологию и религию можно отнести к тем элементам прошлого, которые оставляют глубокий след в жизни нации и влияют на его настоящее и будущее. Религия, как форма общественного сознания, возникает в ходе сложения цивилизации и первых государств. Изучая религию отдельного народа, можно судить о его прошлом, об отношении к жизни, характере и нравах, т.к. человек творит внешний вид и жизненные отношения богов по своему подобию [1].

Мифология и язычество древних народов в основном характеризуются многобожием. Мифы как способ познания мира всегда опира-

ются на своеобразную логику, установление мнимых связей между различными явлениями. Мифам и легендам разных народов присущи сходные и повторяющиеся темы и мотивы.

Кельты, как и многие другие народы, пришли в Европу с общей индоевропейской прародины, и, соответственно, имеют ряд сходных элементов в религиозных верованиях. Кельтская мифология является одной из наиболее развитых, что объединяет ученых в попытках восстановить кельтскую религиозно-мифологическую традицию и изучить ее влияние на религиозные учения других народов.

Кельтолог С.В. Цветков выдвигает гипотезу о влиянии кельтов на формирование верований славян. Оба этих народа восходят к одной индоевропейской семье. Славяне, выделившись из этой группы, стали развиваться во взаимодействии с мифологией и религией соседних народов, в частности, много кельтских элементов можно обнаружить в верованиях западных (лужицких славян) [2].

Изучив ряд источников сведений о кельтской и славянской мифологии, мы выделили три положения, по которым будем судить о религиозных представлениях данных народов. Во-первых, необходимо определить тип религиозной концепции народа (монотеизм или политеизм). Во-вторых, проследить наличие или отсутствие деления божественных сил на добрые и злые, высшие и низшие и, в-третьих, рассмотреть особенности культов поклонения, черты ритуалов жертвоприношений и характеристики мест поклонений кельтов и славян.

Типичной чертой большинства религиозных верований античных народов заключается в наличие многобожия.

Религиозно-философское учение древних кельтов чаще всего относят к политеизму. Боги в политеизме существуют независимо друг от друга и не сливаются с природой или Вселенной в единое целое. Некоторые ученые, однако, выделяют в кельтских верованиях одно верховное божество – бога Луга. Имя Луг было широко распространено в кельтских землях (в Голландии – Лейден, во Франции – Лайон и Лион). Это, вероятно, говорит о возможных зачатках перехода к монотеизму (учению о едином Боге). Возможно, именно кельты создали первыми международную языческую религию, подготовив, таким образом, народы Европы к принятию христианства [3].

Славянское язычество тоже относят к учению политеизма. Его основной особенностью является выделение у каждого племени своего отдельного главного божества наряду с общеславянскими божествами (Сварог, Перун, Лада). Место верховного божества постепенно для всех славянских племен занимает Перун. Славянскую религию периода конца I тысячелетия н.э. характеризуют как супрематеизм, т.е. в

этом учении один из богов политеистического пантеона занимает главенствующее положение и подчиняет себе других богов. Весь пантеон богов выстраивается в единую жесткую иерархию [4, 5].

Наличие подразделения божеств пантеона на высших и низших, деление их на добрых и злых необязательно присутствует в каждой античной религии. Религиозные учения древних могут иметь оба эти признака или только один из них.

В частности, кельты не имели моральных предубеждений относительно божественных существ, т.е. кельтские боги, и даже сущности Иного Мира, закончившие свое земное существование, не были добрыми или злыми сами по себе, а, как и люди, могли совершать разные поступки, исходя из сложившейся ситуации [6].

Славяне, напротив, различали и противопоставляли чёрное и белое начало мира (Белобог – Чернобог), земное и небесное, женское и мужское начала. Они четко разграничивали моральные характеристики божества, приписывали ему соответствующее поведение [7].

Религиозные учения кельтов и славян четко разделяют богов высшего и низшего порядка. Высшая мифология двух народов включает в себя мужские и женские божества. Мужские чаще всего имеют множество образов и их функции часто пересекаются и совпадают у нескольких богов. Женские божества кельтов и славян восходят к древним культам Матери, плодородия и их функции чаще всего включают заботу о домашнем очаге, плодородии, деторождении и т.д. [3, 8, 9].

Отличительной особенностью высшей мифологии славян также является существование четкой иерархии богов, а также различие наименования божества с одинаковыми функциями и наличие разных функций у богов с одним именем в разных славянских племенах [9].

В верованиях народов Европы, в том числе кельтов и славян, лучше всего сохранились и дошли до наших дней факты о низшей мифологии [3].

У кельтов символами воплощения сверхъестественных сил выступали камни, водные источники и деревья. К особо почитаемым животным относились: лошадь, бык, вепрь (кабан) и медведь и т.д. [3]. На европейском континенте, в областях рассеяния кельтов (особенно в Галлии), часто встречаются изображения лошади, самые древние из них восходят к бронзовому веку. Среди анималистических мотивов кельтской мифологии важное место занимает образ быка. Название этого животного (ирл. *тарб*, галл. *тарвос*) содержится в названиях некоторых племен, областей, городов, а также в личных именах [10].

Божествами низшего порядка называют фоморов, демонов, фей и пр. Особенностью существ низшей мифологии кельтов, проживавших

на Британских островах, в частности в Ирландии, является четкое их разграничение на злых и добрых или нейтральных. В более позднюю эпоху появились и другие сверхъестественные существа фольклора и народных преданий (баньши, пикси т.д.) [11]. Низшая мифологическая традиция отличается достаточной сложностью и глубиной, включая такие важные для всей мифологии символические понятия, как «Мировое Древо», «Ось Мира», «Центр Мира» [10].

Язычество славян часто называют обожествлением природных сил. Славянские язычники славили своих предков и окружающую природу (гром, молния, огонь). Для славян характерно почитание таких животных, как медведь, волк и ящер и пр. К существам низшей мифологии относят духов природы (лешие, кикиморы), обитателей различных построек (домовые, банники) и других антропоморфных и зооморфных существ (упыри, волкодлаки, драконы и т.д.) [8, 9].

Объекты поклонения кельтов и славян имеют много общего, в частности, явным почитением пользуются культ поклонения предкам и культ сохранения и продолжения рода.

В славянском язычестве большинство богов связаны именно с культурами плодородия и продолжения рода: Велес – «скотий бог», Макошь – богиня плодородия и т. д. [5].

Наличие у кельтов культа поклонения Богине-Матери доказывают изображения женской фигуры на опорных столбах дольменов (гробницах из больших каменных глыб, покрытых плитами свеху) [3].

Култ поклонения предкам часто связывают с верой в загробный мир, в жизнь после смерти. Смерть часто рассматривалась как этап перехода к вечной жизни.

У кельтов существует непрерывное взаимодействие между жизнью и смертью. Вера в переселение душ уменьшала страх перед смертью и во время войн поддерживала храбрость и самоотверженность. Археологические раскопки подтверждают предположения ученых, т.к. при захоронении с умершим оставляли много бытовых предметов (тарелки, инструменты, оружие и т.д.) [9]. Считают, что менгиры (большие камни, поставленные вертикально) у кельтов – это изображения умерших предков, но возможно, что это всего лишь примитивные идолы [3].

У славян также существовали развитые представления о загробном мире. В подтверждение существования жизни после смерти можно привести случаи, когда девушки добровольно шли на смерть вслед за своим господином [7].

Совершение жертвоприношений является неотъемлемой частью религиозных практик многих народов. Известно, что жертвоприношения практиковались как у кельтов, так и у славян.

Кельтские хранители (друиды), а также ученые и прорицатели (ва-ты) могли совершать жертвоприношения и предсказывать с их помощью будущее [3]. В наиболее тяжёлых жизненных ситуациях проводились человеческие жертвоприношения [12].

Славянская практика жертвоприношения животных и подношений пищи богам была, по-видимому, заимствована у европейских народов. Известно, жертвы были бескровными и кровавыми, но нельзя с уверенностью сказать, являлись ли они жертвами богам или были связаны с похоронным обрядом, принесенным из Европы [13].

Религия практически любого толка требует особых мест для совершения обрядов. Для удобства описания места поклонения можно делить на две группы: (1) природные: естественные и оформленные; и (2) антропогенные, созданные человеком мемориалы, храмы и т.д. [12].

Кельтские народы не строили храмов, исключение, пожалуй, составляют британские кельты. Необходимо, однако, иметь в виду, что храмы на Британских островах начали появляться после римского завоевания. Для проведения религиозных церемоний кельты использовали мегалитические погребальные сооружения – дольмены, а на Британских островах – Стоунхендж. В большинстве случаев сакральные ритуалы кельты проводили в природных местах поклонения (в рощах, на вершинах холмов и т.д.) [3].

Существование храмов у славян подтверждают летописи. Часто в языческих храмах селились жрецы. Предполагают, что первыми славянскими жрецами были кельты. Храмы изначально располагались под открытым небом; алтарями служили огромные камни или величественные деревья. Жрецы укрывали храмы кровлей. Позднее славяне стали строить деревянные храмы, украшая их резьбой [13].

В заключение необходимо отметить, что мифы любых народов складываются в мифологическую традицию, представляющую собой одно из ярких проявлений народной культуры. В ней нашли отражение самобытность и оригинальность восприятия мира каждым народом.

Кельты, по мнению многих исследователей, оказали влияние на становление славянской религии в целом. В мифах этих народов часто можно наблюдать смешение функций божеств, что очень затрудняет истолкование религиозно-мифологической традиции. Нерешенным остается вопрос, поклонялись ли эти народы множеству мелких божеств или, наоборот, только одному богу, появлявшемуся под разными именами и в разных образах. Сходство также видно в особенно-

стях религиозных учений таких как, вера в жизнь после смерти, развитая низшая мифология, совершение жертвоприношений и т.д.

Таким образом, ввиду схожести кельтских и славянских религиозных верований, можно предположить, что кельты оказали некое влияние на становление славянского язычества, а также, что данные народы имели много общего в своем мировоззрении и мировосприятии.

Литература

1. Марков Г.Е. Религиозные верования. Предполагаемый генезис и история [Электронный ресурс]: Электронная Библиотека Гумер – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mark_RelVer.php
2. Цветков С.В. Торговые пути, корабли кельтов и славян. – М.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2008 г.
3. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. – М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005.
4. Славянская религия [Электронный ресурс]: Википедия – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Славянская_религия
5. Верования славян. Божества славян в разные периоды язычества [Электронный ресурс]: Славяне – Режим доступа: <http://slawianie.narod.ru/str/vera/jazycz04.html>
6. Во что верили древние друиды? [Электронный ресурс]: Друидизм, кельтская мифология, кельтское язычество, магия друидов, история кельтов – Режим доступа: <http://www.druidism.ru/druidbelief.htm>
7. Язычество славян. Обряды. [Электронный ресурс]: Школа магии, эзотерическая школа Никта – Режим доступа: <http://www.nyctos.ru/slav.html>
8. Гаврилов Д.А., Наговицын А.Е. Боги славян. Язычество. Традиция. – М.: Рефл–Бук, 2002.
9. Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб.: Алетейя, 1995.
10. Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. М.: Центрполиграф, 2004.
11. Мифы кельтов [Электронный ресурс]: Энциклопедия мифологии – Режим доступа: <http://godsbay.ru/celts/>
12. Кельтская мифология [Электронный ресурс]: Википедия – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кельтская_мифология
13. Верования славян. Служители языческих богов и языческие храмы [Электронный ресурс]: Славяне – Режим доступа: <http://slawianie.narod.ru/str/vera/jazycz05.html>

ФЛАГ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Давлетшина Д. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.Б. Воевода, ст. преподаватель

Флаг – это лицо страны, ее визитная карточка, которая олицетворяет суверенитет. Государственный флаг также отражает историю страны.

Первым флагом Англии был белый флаг с прямым красным крестом святого Георга, которого в XII веке английский король Ричард

Львиное Сердце избрал своим покровителем. Расцветку щита святого Георга английский король перенес на полотнища флагов своих кораблей. Королевские воины получили знак отличия – нарукавную повязку с красным крестом на белом фоне. С 1277 года крест святого Георга стал национальным символом Англии.

Небесным покровителем Шотландии считается святой Андрей. С ним связан и национальный флаг Шотландии – косой (андреевский) крест на синем полотнище. Святой Андрей, один из апостолов, проповедовал христианство балканским и причерноморским народам и был распят в греческом городе Патры около 69 г. н.э. Его останки хранились 300 лет, а затем монахом были перевезены в Шотландию. Косой крест ассоциируется со святым Андреем, так как по преданию святой был распят именно на таком кресте. Андреевский крест является национальной эмблемой Шотландии с XIII века (некоторые исследователи относят его даже к XII веку). Первое упоминание об использовании такого креста датируется 1165 годом, легенда относит его ещё дальше, ко временам короля Хунгуса (VIII в.).

В 1286 году изображения святого Андрея и креста появляется как национальная эмблема на печати хранителей или защитников Шотландии, которые в те времена безвластия спланивали под своим руководством национальные силы страны.

В 1385 году впервые появляется изображение креста без святого как национальная эмблема, но пока еще не на флаге, а на солдатских погонах, согласно постановлению парламента, и не на синем, а на черном фоне.

В 1388 году штандарт графа Дугласа представляет собой андреевский крест с изображением льва. В 1503 году появился флаг в почти современном виде, но поле было не синее, а красное.

В 1542 году появилось изображение шотландского флага как андреевский флаг на синем фоне [1, с. 52].

В начале XVII века на английский трон взошел сын шотландской королевы Марии Стюарт Яков. Таким образом, под его короной оказались и Англия, и Шотландия.

Перемены в жизни страны требовали и изменения государственной символики, потребовалось внести в исконно английскую символику шотландские мотивы. Следовало совместить на одном полотне два креста – святого Георга и святого Андрея.

Белый диагональный крест соединить с красным оказалось не просто: по строгим английским канонам кресты на знамени никогда не должны соприкасаться, а красное и синее (эмали) следовало разделить «металлом» – золотом, серебром или заменяющим его белым

цветом. Был найден простой выход – наложить два креста друг на друга, при этом красный крест обводился тонкой белой линией (каймай), то есть у него появилось собственное белое поле – кресты не соприкасались, красное и синее везде были отделены друг от друга белыми полосами.

Как писалось в указе Якова: "После больших волнений между нашими возлюбленными подданными севера и юга мы признали за благо объединить эти два флага».

Такой новый флаг был принят в 1601 году. Новый флаг, получивший позже наименование "Юнион Джек", было приказано поднимать на грот-мачте английским и шотландским кораблям.

Имя "Юнион Джек", возможно, возникло от фамильярного обращения к Якову – Jacques. "Юнион" – союз Англии и Шотландии [2, с. 103].

Следующие изменения произошли во времена Оливера Кромвеля (1599 – 1688 гг.). Кромвель – лидер английской буржуазной революции – приказал разместить в центре существующего флага ирландскую арфу – один из древнейших музыкальных инструментов, ставшую прародительницей всех струнных. На арфе играли в Древнем Египте, Финикии, Ассирии, Древней Греции и Риме, а в средние века она приобрела огромную популярность в Европе. Особенно славились арфисты – ирландцы. Они рассказывали саги – героические сказания – сопровождая себя на маленьких арфах. Исполнение музыкальных произведений на арфе было настолько популярным в Ирландии, что изображение этого инструмента вошло в национальный герб страны. Именно оттуда арфа перешла на флаг времен Оливера Кромвеля. Но она не задержалась там надолго: после того как в 1660 году в стране была восстановлена монархия, рисунок на флаге стал прежним [3].

Захваченная англичанами в XII веке Ирландия с 1801 года официально переходит под власть английской короны. На флаге Ирландии был изображен крест на белом фоне – знак святого Патрика – покровителя Ирландии.

По традиции требовалось добавить ирландскую символику на герб и объединить флаги Британии и Ирландии.

Первую задачу было решить легче, чем вторую. К тому времени государственный флаг Великобритании был уже довольно сложен. Был найден следующий выход: белые полосы, окаймляющие ирландский крест, были сделаны шире, за счет чего полосы, образующие крест, оказались смещенными. Более того, крест был разорван, но зрительно продолжал восприниматься как единое целое. Благодаря

этому белый крест хорошо различим и не кажется просто полем-фоном красного креста.

Уэльс же имеет свой отдельный флаг – бело-зеленый с красным драконом посредине.

После 1801 года флаг Великобритании оставался без изменений. Его также можно увидеть в левом верхнем углу флагов других государств – бывших доминионов с подвластных Великобритании – Австралии, Фиджи, Новой Зеландии, Тувалу, Гавайских островов [4].

Литература

1. Павлоцкий В.М. Знакомство с Британией. – С-Пб.: Базис, 2000.
2. Марков Н.Н. По Англии – в Шотландию. – М.: Просвещение, 1971.
3. <http://eng-history.ru/articles/flag.html>
4. http://ru.wikipedia.org/wiki/флаг_Великобритании

МЕТАСООБЩЕНИЯ В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Дубровченко Е. М.

Волгоградский государственный педагогический университет

В процессе невербальной коммуникации возникает ряд проблем, связанных с интерпретацией отправляемых сообщений. Для правильного понимания невербальных действий коммуникант нередко вынужден уточнять, что собеседник имел в виду. Высказывания о невербальном поведении представляют собой метасообщения. Именно посредством метакоммуникации партнеры по общению проясняют сложившуюся ситуацию, объясняют свое невербальное поведение, описывают и анализируют невербальные действия собеседника. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию взгляда, смеха, плача и молчания коммуникантов во фразеологическом фонде английского и русского языков.

Во многих ситуациях общения взгляд может говорить гораздо больше, чем слова. Информация, заключающаяся во взгляде, может противоречить смыслу вербального сообщения и выявлять то, что коммуникант хотел бы скрыть от окружающих. Высказывания, характеризующие контакт глаз и взгляд собеседника, являются метасообщениями. Наш материал позволяет вывести следующую классификацию фразеологических единиц (ФЕ), употребляемых в метасообщениях для описания контакта глаз: ФЕ, описывающие разную продолжительность взгляда:

- а) ФЕ, описывающие пристальный взгляд:

The little boy kept his eyes glued on the interrogator.

б) ФЕ, описывающие кратковременный взгляд:

Ты бы хотя бы мельком взглянула на нее. ФЕ, описывающие эмоции:

- 1) любопытство, подозрение, интерес к партнеру по общению:
When she entered the hall all eyes turned to her!
- 2) злость, гнев:
Не надо метать искры. На меня это не действует.
- 3) недовольство, раздражение:
Why are you looking cross-eyed at me? What's up?
- 4) удивление:
Что ты делаешь большие глаза, как будто впервые об этом слышишь?
- 5) восхищение:
Her sister let us in, and after a first glance at Mrs Baker I had eyes for the sister and no one else (H. Lawson).
- 6) страх:
/ never look him in the eye.
- 7) смущение:
От стыда я не знала, куда глаза девать и была готова провалиться сквозь землю.
- 8) кокетство:
He was making goo-goo eyes at me every time we met in the street or at parties.
- 9) реакцию собеседника.

Когда я посмотрела на нее, она сразу же отвела глаза.

Наш материал показывает, что метасообщения, описывающие взгляд собеседника, более характерны для неформального общения, поскольку в официальных ситуациях на первый план выходят не межличностные, а деловые отношения. Однако следует отметить, что передача метасмыслов в ситуациях формального общения происходит неизбежно, но их вербализация выходит за рамки официального общепринятого поведения и осуществляется очень редко, например, для устранения непонимания, возникающего во время межкультурного взаимодействия и в некоторых других ситуациях.

Смех выступает в качестве особого индикатора эмоционального состояния человека. Следовательно, основная эксплицитная информация, содержащаяся в невербальном компоненте «смех», представляет собой передачу определенного эмоционального состояния, а высказывания, содержащие анализ значений смеха, будут представлять собой метасообщения. В процессе коммуникации эмотивное функционирование смеха зависит от индивидуальных и социальных характеристик

коммуникантов, их намерением выразить определенное отношение к собеседнику, к ситуации общения или к вербальному сообщению адресата.

Анализ нашего материала исследования показал, что метакоммуникация фиксирует следующие характеристики смеха:

1) интенсивность:

Он так об этом рассказывал, что я умирал со смеху.

2) продолжительность:

"What's the laughter about? " – "A laughter-bug got in my mouth ".

3) громкость:

Он разразился таким смехом, что стекла в комнате задрожали.

4) манеру смеяться:

А я тихонько посмеивался в бороду...

5) положительную или отрицательную оценку смеха собеседника:

Please stop making cracks about my haircut. It's new style.

Таким образом, метасообщения, характеризующие смех, могут указывать как на физиологические особенности коммуниканта, так и на его отношение к собеседнику или предмету разговора.

Плач свидетельствует о сильных переживаниях, взволнованности, горе или боли человека. Он может выступать в качестве «эмоциональной разрядки»: человек начинает плакать, когда он больше не в силах держать в себе свои переживания, свое горе.

Наш материал показывает, что метакоммуникация может фиксировать как поведение самого плачущего, так и поведение его собеседника.

В поведении плачущего можно выделить следующие этапы:

1) состояние на грани слез:

Почему у тебя глаза на мокром месте? Что-то случилось?

2) начало плача:

Аночка! Дочь моя родная! – одышливо дунул он, войдя. – Смотрел и не верил своим глазам! Ты ли это? Пустил слезу! Каюсь! Прошибла! (К. Федин).

3) сам процесс плача:

You are in tears. What's up? Can I help you?

4) завершение плача:

Я не успела утереть слезы, и он засыпал меня вопросами: «Что случилось?», «Кто меня обидел?»

Среди причин, заставляющих человека плакать, важное место занимает некорректное поведение собеседника:

His words and the tone of voice reduced me to tears.

Естественная реакция на слезы человека – это попытка его успокоить. Такое коммуникативное поведение может свидетельствовать об отзывчивости собеседника, умении сопереживать.

Мне было больно видеть, как она плачет, я пытался осушить ее слезы.

Так как слезы вызывают жалость к собеседнику, сочувствие к его горю и желание помочь ему справиться со сложившимися обстоятельствами, они могут иногда использоваться как средство к достижению своей цели. В этом случае человек плачет, пытаясь разжалобить собеседника.

I had to shed crocodile tears in order to make her sympathize with me and

help.

Данный пример иллюстрирует тактику эмоционального воздействия. Коммуникант рассчитывает на то, что, увидев его слезы, собеседник смягчится, попытается его успокоить, постарается войти в его положение и понять его, а самое главное – пойдет на уступки.

Молчание – явление, вызывающее особый интерес у исследователей коммуникации. Молчание может быть рассмотрено как неучастие в процессе произнесения речи, однако оно далеко не всегда означает неучастие в процессе коммуникации. М. Л. Макаров в книге «Основы теории дискурса» употребляет термин коммуникативно значимое молчание [1], т. к. оно может заключать в себе информацию об эмоциональном состоянии человека, его компетентности, уровне воспитания, а также коммуникативной стратегии и тактике, следование которой обеспечивает достижение определенной цели.

В статье «Роль молчания в современной культуре» Е. С. Никитина перечисляет следующие причины молчания во время коммуникации: а) растерянность: собеседник не знает, что сказать или как ответить партнеру по коммуникации; б) выражение презрения или злобы; в) потеря интереса к разговору; г) изумление («вопросительное молчание»); д) высмеивание собеседника, стремление поставить его в неловкое положение («ироническое молчание»); е) нежелание высказывать свое мнение; ж) несогласие с партнером по общению, которое собеседник не хочет показывать («вежливое молчание»); з) согласие с партнером («утвердительное молчание») и др. [2].

Наше исследование показало, что метасообщения, обозначающие молчание, могут содержать информацию о:

- личностных качествах коммуниканта, например, тактичности или застенчивости:

It's like her... She is more nice than wise. Anyone would tell him a word or two in her place.

- умения хранить секреты:

I'm sorry but I can't tell you about it. I promised to keep it close to my chest. It's not my secret.

- стремлении скрыть что-либо:

You never get a word out of him, he always keeps his own counsel.

Ряд метасообщений описывает внезапный выход коммуниканта из разговора, например:

У меня слова застряли в горле, я стояла и растерянно смотрела на них.

В ходе нашего исследования нам также встретились примеры метасообщений, свидетельствующих о попытках коммуниканта заставить замолчать своего партнера по общению:

Придержи язык! Ты сначала подумай, что сказать, а потом говори!

Данное метакоммуникативное высказывание может быть оправдано в тех ситуациях, когда коммуникант позволяет себе говорить на повышенных тонах, употребляет нецензурную лексику, грубит, оскорбляет или унижает своего собеседника. Кроме того, такое поведение коммуниканта наблюдается в тех случаях, когда собеседник перебивает его и не дает обсудить важные дела.

Проанализировав метасообщения, описывающие наступление молчания, мы можем сделать вывод о том, что выход коммуниканта из разговора может произойти в трех случаях:

- 1) внезапно, в силу сильных эмоциональных переживаний;
- 2) намеренно, когда собеседник выбирает наиболее рациональную, на его взгляд, стратегию поведения;
- 3) по принуждению, в тех случаях, когда слова собеседника вызывают у коммуниканта негативную реакцию и могут повлечь за собой нежелательные последствия.

Проведенный анализ показывает, что метасообщения в невербальном поведении человека играют важную роль, поскольку они позволяют регулировать коммуникативный процесс и способствуют достижению взаимопонимания между собеседниками, что является конечной целью любого общения.

Литература

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
2. Никитина Е. С. Роль молчания в современной культуре. Социальная коммуникация в современном мире. Modern Social Communication // Сборник материалов российско-американской научной школы-семинара. – М.: ООО «Принт-Медиа». –

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИМИ АНГЛИЧАН И АМЕРИКАНЦЕВ

Ковылин С. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. Г. Ананьева, к. филол. н., доц.

У каждого народа существуют свои представления об окружающем их мире, о своем и чужих народах. Не секрет, что всю эту информацию мы начинаем получать с рождения, перенимая от родителей и общества, в котором живем, ценности и стереотипы. А на основе этого уже строится наше представление, как о самих себе, так и о других. В данной статье делается попытка проанализировать, как русские воспринимают англичан и американцев, какие стереотипные представления об этих народах в нас заложены с детства либо приобретены нами в результате какого-либо жизненного опыта.

Так что же такое стереотип? По определению Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой, стереотипы – это упрощенные представления о людях, событиях, фактах и отношениях между ними и т.д., служащие когнитивными образцами для категоризации мира и помогающие человеку адаптироваться в мире и обществе. В стереотипах обобщается социальный опыт носителей определенной языковой культуры в отношении не только других культур, но и своей собственной культуры [1, с. 12].

Нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 20 человек (девушки и юноши от 21 до 24 лет). Им предлагалось выполнить 2 задания: 1) оценить 26 качеств, присущих в той или иной степени англичанам и американцам; 2) вписать 5 качеств, наиболее отражающих представителей данных культур.

В первом задании оценивались следующие качества англичан и американцев по 4-хбальной шкале (от 0 до 3-х: 0 – качество не проявлено; 1 – качество проявлено слабо; 2 – качество проявлено средне; 3 – качество проявлено ярко): *ум/интеллект; чувство юмора; вежливость; честность; практичность; уравновешенность; доброжелательность; независимость; открытость; толерантность; терпеливость; трудолюбие; щедрость; патриотизм; доверчивость; гордость; спокойствие; эмоциональность; гостеприимство; любовь к спорту; соблюдение традиций; деловитость; уважение к старшим; самокритичность; тяга к спиртному; воздержанность в еде.*

Проанализировав анкеты, мы получили следующие результаты:

Англичане

Качества, проявленные ярко (в порядке убывания; в одной строке пишутся качества, набравшие равное количество баллов):

- соблюдение традиций;
- вежливость; гордость;
- уравновешенность; спокойствие; деловитость;
- практичность;
- трудолюбие; любовь к спорту.

Остальные качества проявлены не ярко.

Американцы

Качества, проявленные ярко (в порядке убывания):

- невоздержанность в еде;
- гордость;
- независимость;
- деловитость;
- любовь к спорту.

Остальные качества проявлены не ярко.

Проанализировав вторую часть анкеты, мы выписали те качества, которые встречаются два или более раз:

Англичане

Вежливость (12); уважение к традициям (7); сдержанность (6); практичность (6); спокойствие (5); любовь к спорту (4); трудолюбие (4); патриотизм (4); толерантность (4); чувство юмора (3); уравновешенность (3); гордость (3); педантичность (2); доброжелательность (2); уважение к старшим (2).

Американцы

Независимость (10); невоздержанность в еде (8); патриотизм (7); гордость (7); деловитость (7); эмоциональность (6); практичность (4); эгоизм (3); любовь к спорту (2); соблюдение традиций (2); трудолюбие (2); лень (2).

Выделив те качества, которые совпадают в первой и второй частях анкет, мы получили следующую картину:

- англичане: уважают традиции, вежливые, гордые, спокойные, практичные, трудолюбивые.
- американцы: невоздержанные в еде, гордые, независимые, деловитые.

Мы также нашли некоторые сходства в качествах, приписываемых русскими этим народам: это гордость, деловитость, патриотизм, любовь к спорту, трудолюбие, соблюдение традиций.

Можно сказать, что в какой-то мере, американцы и англичане являются родственными народами: их истории переплетаются, они были и являются союзниками (несмотря на колониальные войны), говорят на одном языке и т.д. Однако, сопоставив результаты, мы увидели, что стереотипные представления опрошенных об англичанах несколько лучше, чем об американцах: англичанам приписываются только положительные качества, в то время как американцам и некоторые отрицательные (невоздержанность в еде, эгоизм, лень).

Чтобы лучше осветить данную проблему мы рассмотрим некоторые причины, объясняющие возникновение подобных стереотипов, и приведем результаты некоторых опросов населения и исследований.

Особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации. Возможности формирования стереотипов средствами массовой информации не ограничены как по своему масштабу, так и по своей силе. Для большинства людей пресса, радио и телевидение весьма авторитетны. Мнение средств массовой коммуникации становится мнением людей, вытесняя из мышления их индивидуальные установки. Поэтому, даже не имея личного опыта общения, люди наделяют иностранцев строго фиксированными чертами внешности и особенностями характера [2, с. 207].

Наши представления о других могут зависеть и от политики государства, что несложно проследить.

Во времена холодной войны, например, нашей страной велась активная антиамериканская пропаганда, во время которой американцам приписывались отрицательные качества. Отголоски этой пропаганды дошли и до наших времен, но проявляются уже не так ярко, как раньше. Подобные настроения присущи в основном старшему поколению, однако среди нового поколения также встречаются антиамериканисты. Англия, выступавшая на стороне Америки, отошла на второй план, так как не представляла особой угрозы, в то время как США оставались главным врагом.

В последние годы немалую роль в создании отрицательных стереотипов об американцах сыграл сатирик Михаил Задорнов, рассказывая и высмеивая «американский» образ жизни и их странности, призывая народ не стремиться быть похожими на них.

Помимо России, как утверждают многочисленные источники, антиамериканские настроения присутствуют в Европе и на Ближнем Востоке.

Есть мнение, что антиамериканские настроения в российской действительности не имеют глубоких корней. Большинство россиян до-

вольно восприимчивы к американцам, их образу жизни, их политической и экономической системе [3].

По некоторым исследованиям, русские видят американцев как дружелюбных, гостеприимных, расчетливых, оптимистичных, деловых, высокомерных, уверенных в своей правоте, амбициозных, независимых, энергичных, трудолюбивых, патриотичных [1, с. 164].

Когда дело касается англичан, перед нами предстает другая картина. Результаты совместного социологического опроса британского исследовательского агентства Mori и российского фонда "Общественное мнение" показали, что в целом россияне очень положительно относятся к британцам. Половина опрошенных в ходе исследования, правда, вообще не смогла ответить на вопрос, кто же такой типичный британец. Зато из оставшейся половины 13 % (это самый высокий показатель) считают, что типичный британец – это человек, обладающий, прежде всего, положительными качествами. Джентльмен на третьем месте, а отрицательные черты лишь на четвертом. Однако, как отмечают авторы опроса, даже, казалось бы, отрицательные качества, такие как холодность, чопорность и прагматизм, в отношении британцев у россиян приобретают положительное значение [4].

Согласно статистике сайта lovehate.ru, число русских, «любящих» британцев, в 2 раза больше чем «нелюбящих» [5]. У многих вызывает уважение образ вежливого, сдержанного, уравновешенного англичанина.

Пример влияния средств массовой информации это – образ англичанина, созданный актером Василием Ливановым в фильмах о Шерлоке Холмсе. По фильмам, Холмс – многогранная личность. Он чтит законы, опирается на правила чести и свои жизненные принципы. Его можно считать домоседом, и он выезжает за пределы города (страны) только в случае крайней необходимости.

По мнению русских, англичане – чопорные, с непонятным юмором, педантичные, хорошие спортсмены, спокойные, рассудительные, высокомерные [3].

Сопоставляя результаты нашего опроса с информацией из других источников, мы отметим, что они совпадают в 60 процентах случаев. Среднестатистический русский уважает англичан и приписывает им положительные качества, даже если он не обладает точными сведениями об их культуре. Что касается американцев, то наблюдается тенденция приписывать им нейтральные и иногда отрицательные качества, хотя в среднем отношение русских к американцам довольно терпимое.

В 40 процентах случаев, характеристики англичан и американцев, представленные в данной статье, не совпадают в полной степени между собой и проведенным нами исследованием. Это связано с тем, что у каждой социальной группы существуют свои представления об этих народах и их характере. У каждого человека присутствуют свои собственные стереотипы, которые могут совпадать со стереотипами других только в какой-то определенной степени.

Многие стереотипы не лишены истины. Они подсказывают нам, как вести себя в той или иной ситуации, и на их основе многие строят свои представления о других. Знание и изучение стереотипов облегчает межкультурную коммуникацию и позволяет проследить тенденции в обществе. Для создания успешного диалога мы должны уважать культуру и ценности коммуниканта. Дальнейшее изучение стереотипов даст возможность лучшего понимания не только представителей других культур, но также самих себя. Помимо этого нужно учитывать, что в коммуникации главную роль играет человеческий фактор.

Литература

1. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Москва: Academia, 2007.
2. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
3. Что скрывает наша нелюбовь к американцам [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/News/Detail/420520/>
4. Анна Кочарова Половина британцев не знает, кто президент России [Электронный ресурс]: Би-би-си, Москва. – Режим доступа: [http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_3004000/3004870.:](http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_3004000/3004870.)
5. Про англичан [Электронный ресурс]: Опрос. – Режим доступа: <http://www.lovehate.ru/opinions/6414/2>
6. Англичане глазами русских [Электронный ресурс]: Информационный канал Subscribe.Ru, Выпуск № 27. – Режим доступа: <http://www.Subscribe.Ru>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ТЕОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА

Козлова Е. А.

Волгоградский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О. А. Дмитриева, д.филол.н., проф.

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологии и посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме, относящейся к вышеназванному разделу языкознания, – лингвокультурным типажам, рассмотренным с концептуальной точки зрения, которой придерживается волгоградская лингвистическая школа во главе с В.И Карасиком.

Недостаточная изученность всех аспектов лингвокультурологии делает очевидным факт того, что многие вопросы этой области знания остаются открытыми для дискуссий, в частности и лингвокультурные типы. Типаж «Американский скаут», о котором пойдет речь в данной работе, воплощает в себе национальные особенности американской культуры, но, к сожалению, в лингвистике описание этого типажа отсутствуют, что дает нам возможность, углубленно изучив данную тему, получить новую информацию, которая будет весьма полезной для лингвистики, культурологи, межкультурной коммуникации, базируемой на вышеперечисленных науках.

Согласно В.И.Карасику и О.А.Дмитриевой, под лингвокультурным типажом мы понимаем узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. Рассмотрев лингвокультурный типаж «Американский скаут», мы сможем проследить особенности американского менталитета, складывавшегося столетиями, и проследить его влияние на культуру России и США, нашедшее непосредственное отражение в языке.

Придерживаясь классификации, предложенной В.И.Карасиком и дополненной О.А.Дмитриевой, мы рассмотрим лингвокультурный типаж «Американский скаут» по следующим пунктам:

1. Дефиниционные характеристики
2. Социокультурная справка
3. Паспорт лингвокультурного типажа
4. Ценностные характеристики

Согласно «Толковому словарю современного русского языка, скаут – это представитель скаутского движения, занимающегося воспитанием детей и подростков через познание природы, ремесла и игры. В советское время, этот термин определялся как член детской буржуазной организации, основанной в 19 веке. Словарь Лонгмана представляет более широкую дефиницию:

Scout – 1. a) also boy scout – a member of an association for training boys in various useful skills such as lighting a fire, and for developing their character. Scouts usually carry a penknife and their motto is 'Be Prepared' b) also girl scout also guide 2. a soldier sent out to search the land ahead of any army, especially for information about the enemy.

Из данных характеристик видно, что термин скаут нашел свое отражение в обоих языках, но, в соответствии с особенной интерпретацией каждой нацией и особенностями возникновения и развития этого явления, термины воспринимаются по-разному. Английский язык отражает исходную задачу скаутизма, который воспринимается как осо-

бая игра, позволяющая научить ребенка выжить в сложных походных условиях, – вырастить разведчика. Русский язык углубляет и модифицирует термин, переводя его на базу педагогики. В соответствии со словарным истолкованием, понятие скаут, переложенное на русскую культуру, воплощает в себе идеал воспитания через игру, которое в меньшей мере несет в себе воинственную нагрузку. Так же, мы приходим к выводу, что в английском языке произошло разделение термина на две ветви, характеризующий мальчиков и девочек, причем, со временем герл скауты получили иное название. В русском языке такое подразделение отсутствует. Но в обоих языках это явление отражается положительно.

Рассматривая социокультурную справку данного лингвокультурного типажа, стоит обратить внимание на особенности возникновения такого явления, как скаутизм. Основание этого движения датируется 19 веком, временем англо-бурской войны 1899-1902 гг., когда полковник Баден-Пауэлл со своим полком выдерживал оборону более 9 месяцев. Именно Баден-Пауэлл пришел к выводу, что английские войска нуждаются в новом уставе и режиме, который он предложил назвать скаутизмом. Данная особенность возникновения делает очевидным факт, что скаутизм – английское изобретение, которое было скопировано американцами, настолько точно соблюдавшим все правила, что спустя несколько лет, скаутизм или скаутинг будет восприниматься как чисто американское явление. Что вновь находит подтверждение в языке. Например выражение *The British Scout встречается в литературе реже, чем The American Scout*.

Говоря о паспорте лингвокультурного типажа, мы можем сказать, что он одинаково транслируется как на русское сознание, так и на американское.

Американцы, описывая скаута, представляют мальчика 9-13 лет, одетого в особую униформу бежевого цвета, со шляпой, галстуком, который используется во всех жизненных ситуациях, на поясе которого висит маленький раскладной ножик, а на рукаве- нашивка в форме трехлистника. Именно такую картину можно наблюдать во многих американских фильмах и мультках. Даже племянники дяди Скруджа из Диснеевского мультфильма носили особую скаутскую форму и выполняли скаутские законы, поддерживая скаутскую честь. В английском языке есть фраза ‘Scout honor’, которая используется, чтобы словами подтвердить правдивость чего-то и выполнение обещания. Представители русской нации практически так же воспринимают американских скаутов, хотя он воспринимается как чуждый русской культуре, не смотря на то, что в нашей стране были прототипы скау-

тов «Пионеры», а абсолютные копии скаутов существовали в дореволюционной России и возрождаются сейчас.

Ценностные особенности лингвокультурного типажа «Американский скаут» так же видны в языке. Приведем пример обещания, которые дают мальчики, вступая в это движение.

*On my honor I promise that I will do my best
To do my duty to God and my Country;
To help other people at all times;
To obey the Scout Law.*

Вера в Бога и любовь к своей стране приписываются законом скаутам. Отражений в русском языке, связанных с американским скаутом, не наблюдается. Мы используем перевод, кальку, заимствования, что подтверждает взаимообмен между языками, но, получая новые слова, русский язык получает иностранные значения этих терминов.

Итак, в данной работе мы рассмотрели лингвокультурный типаж «Американский скаут», проанализировав его в соответствии с лингвокультурологическим подходом. Проведенное исследование показывает, что этот типаж нашел свое проявление в русском и английском языках, причем, в обоих он обладает позитивной коннотацией. Но остается очевидным, что лингвокультурный типаж нуждается в более детальном рассмотрении.

Литература

1. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5 – 25
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/В.И.Карасик.- Волгоград, Перемена, 2002.- 477с.

ТЕАТР «ГЛОБУС»

Кудряшова Е. Е.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. Б. Воевода, ст. преподаватель

Театр Шекспира «Глобус» (“Globe”), один из старейших лондонских театров, расположенный на южном берегу Темзы, по праву можно назвать легендарным. За 4 века своего существования он претерпел огромное количество изменений. Его славная история началась в 1599 году, когда в Лондоне, отличавшемся большой любовью к теат-

ральному искусству, один за другим строились здания публичных общедоступных театров.

«Глобус» принадлежал труппе актеров, которые также являлись бывшими акционерами «Lord Chamberlain's Men». При сооружении «Глобуса» были использованы строительные материалы, оставшиеся от разобранного здания самого первого общественного лондонского театра (он так и назывался – «Театр»), построенного еще отцом Ричарда Бербейджа (Richard Burbage), Джеймсом, в 1576 году. Целиком и полностью Бербейджи владели лишь самим зданием театра, но не земель, на которой оно располагалось, хотя им было разрешено пользоваться этой территорией в течение 21 года, пока арендодатель Джильз Аллен не заявил, что раз сооружение находится на его земле, то и театр принадлежит ему. 28 декабря 1598 года, пока Аллен отмечал Рождество у себя на родине, плотник Питер Стрит при помощи актеров и друзей, разобрал дом по кирпичику и перенес его на припортовую территорию рядом с Bridewell. И уже следующей весной, материалы были переправлены через Темзу, чтобы собрать «Глобус» заново в одном из болотистых садов к югу от Maiden Lane [1].

В начале XVII века «Глобус» представлял собой типичное здание общедоступного театра: овальное помещение в форме римского амфитеатра, огороженное высокой стеной, без крыши. Свое название театр получил от украшавшей его вход статуи Атланта, поддерживающего земной шар. Этот земной шар («глобус») был опоясан лентой со знаменитой надписью: «Totus mundus agit histrionem» (дословно «Весь мир лицедействует», более известный перевод: «Весь мир – театр»). Говоря о внутреннем интерьере, стоит сказать следующее. Сцена примыкала к задней части здания; над ней возвышалась верхняя сценическая площадка, так называемая «галерея»; еще выше находился «домик» – строение с одним или двумя окнами. Таким образом, в театре было четыре места действия: просцениум, глубоко вдававшийся в зал и окруженный публикой с трех сторон, на котором и разыгрывалась основная часть действия; затем глубинная часть сцены под галереей, где разыгрывались интерьерные сцены; галерея, которая использовалась для изображения крепостной стены или балкона (здесь появлялся призрак отца Гамлета или шла известная сцена на балконе в «Ромео и Джульетте»); и «домик», в окнах которого тоже могли показываться актеры. Это позволяло выстраивать динамичное зрелище, закладывая уже в драматургию разнообразные места действия и меняя точки зрительского внимания, что помогало поддерживать интерес к происходящему на площадке. Это было чрезвычайно важно: не нужно забывать, что внимание зрительного зала не поддерживалось никаки-

ми вспомогательными средствами – спектакли шли при дневном свете, без занавеса, под непрерывный гул публики, оживленно обменивавшейся впечатлениями в полный голос [2].

Зрительный зал «Глобуса» вмещал, по разным источникам, от 1200 до 3000 зрителей. Точную вместимость зала установить невозможно – сидячие места для основной массы простоллюдинов предусмотрены не были; они теснились в партере, стоя на земляном полу. Привилегированные зрители располагались с большими удобствами: по внутренней стороне стены шли ложи для аристократии, над ними помещалась галерея для зажиточных людей. Самые богатые и знатные сидели по бокам сцены на переносных табуретах. Никаких дополнительных удобств для зрителей (включая туалеты) не было; физиологические нужды при необходимости справлялись запросто, по ходу спектакля – прямо в зрительном зале. Поэтому отсутствие крыши можно было расценивать скорее как благо, нежели как недостаток – приток свежего воздуха не давал задохнуться преданным поклонникам театрального искусства.

Впрочем, подобная простота нравов вполне отвечала тогдашним правилам этикета, и театр «Глобус» очень скоро стал одним из главных культурных центров Англии. На его сцене ставились пьесы не только У.Шекспира, но и других выдающихся драматургов эпохи Возрождения. Однако в 1613 году, во время премьеры шекспировского «Генриха VIII», в театре случился пожар. Искра от сценического пушечного выстрела попала в соломенную крышу над глубинной частью сцены. Очевидцы того события утверждают, что жертв при пожаре не было, но здание сгорело дотла. Конец «первого Глобуса» символически ознаменовал собой смену литературно-театральных эпох: примерно к этому времени У.Шекспир перестал писать пьесы.

Спустя некоторое время здание было отстроено заново, уже из камня, соломенное перекрытие над глубинной частью сцены было заменено черепичным. Труппа Бербейджа продолжала играть во «втором Глобусе» до 1642 года, пока пуританским парламентом и лордом-протектором Кромвелем не был издан указ о закрытии всех театров и запрещении каких бы то ни было театральных увеселений. В 1644 году пустовавший «второй Глобус» был перестроен в помещение под сдачу в аренду. История театра прервалась более чем на три века.

Идея современной реконструкции театра «Глобус» принадлежит, как ни странно, не коренным англичанам, а американскому актеру, режиссеру и продюсеру Сэму Уанамейкеру (Sam Wanamaker). Он приехал в Лондон впервые в 1949 году, и около двадцати лет вместе со своими единомышленниками по крупицам собирал материалы о

театрах Елизаветинской эпохи. К 1970 году Уанамейкер основал Трастовый Фонд Шекспировского Глобуса, предназначенный для реконструкции утраченного театра, создания в нем образовательного центра и постоянной выставочной экспозиции. Работа над этим проектом продолжалась более 25 лет. Сам Уанамейкер умер в 1993 году, почти за четыре года до открытия реконструированного «Глобуса». Ориентиром для воссоздания театра стали раскопанные фрагменты фундамента старого «Глобуса», а также близлежащего театра «Роза» (“Rose”), где ставились шекспировские пьесы в «доглобусовские» времена. Новое здание построено из древесины «зеленого» дуба, обработанного в соответствии с традициями XVI века, и расположено оно почти на том же месте, что и прежде – новый «Глобус» стоит на 300 метров дальше старого. Бережная реконструкция внешнего вида сочетается с современным техническим оснащением здания [3].

Новый «Глобус» был открыт в 1997 году. Поскольку, согласно историческим реалиям, новое здание выстроено без крыши, спектакли в нем проходят только весной и летом. Однако экскурсии в старейшем лондонском театре «Глобус» проводят ежедневно. Уже в нынешнем веке рядом с восстановленным «Глобусом» открыт тематический парк-музей, посвященный Уильяму Шекспиру. Там размещена самая большая в мире выставочная экспозиция, посвященная великому драматургу. Для посетителей организованы разнообразные тематические увеселительные мероприятия: здесь можно попробовать самому написать сонет, посмотреть бой на мечях и даже принять участие в постановке шекспировской пьесы.

Литература

1. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura.html
2. http://ru.wikipedia.org/wiki/Театр_Глобус
3. <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/0/0b/1011781.htm>

МУЖСКИЕ БОЖЕСТВА В ДРЕВНЕМ ГЕРМАНСКОМ ПАНТЕОНЕ

Лихоманова Ю. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. А. Нагорная, к.ф.н. доц.

Древние германцы были сильными и воинственными людьми. «Суровая природа, изнурительная борьба за выживание создали из человека машину-убийцу. Сформировалась философия грабителя, его особый взгляд на мир» [1]. В образах богов-мужчин древних герман-

цев отразились представления германского народа о роли, месте и предназначении мужчины в обществе. Цель данной статьи рассмотреть мужские божества древнегерманского пантеона как воплощение этих древних представлений.

Племенные боги древних германцев – чаще всего боги-воители, поскольку испокон веку германские племена славились своей ратной доблестью и воинственностью. Наиболее почитаемыми и известными богами войны были Один, Тор, и Тюр [2].

Один потеснил Тюра, первоначально бога неба германоскандинавской мифологии. Тюр остался "богом битвы", а Один взял под свое покровительство воинскую элиту. Имя Одина означает шаманский экстаз, одержимость. То, что именно Один занял место верховного бога, показывает, какую важную роль в жизни северян играла война. Следует, однако, отметить, что сам бог не был подвержен воинственному экстазу; он был, скорее всего, сеятелем военных раздоров.

Один был богом неба, а также и богом мертвых. Мореходы и пираты Севера поклонялись богу, любящему битвы [2]. Этот бог был наделен сверхчеловеческими качествами, что не мешало ему продолжать собирать мудрость и знания повсюду. На плечах Одина сидят два ворона: Гугин (мысль) и Мунин (память), а у его ног лежат волки Гери и Фреки. Гугин и Мунин каждый день облетают землю, а Гери и Фреки каждую ночь обегают её и рассказывают своему хозяину обо всем, что они видели и слышали. Конь отца богов, восьминогий серый жеребец Слейпнир, может скакать не только по земле, но и по воздуху. Владыка мира часто объезжает на нем землю [3,с.51].

Тор (Thor) – бог грома. В самом имени бога содержится общий корень со словом thunder – 'гром'. Примечательно, что общегерманское имя этого бога – Доннар. Ср.: немецкое выражение 'гремит гром' звучит 'Es donnert'. Тор – сын Одина и богини земли Ёрд (совр. англ. earth, нем. Erde). Тор высок, мускулист, рыжеволос. Тор считался самым могущественным богом. Он поражал всех своей силой и мощью. В детстве он был веселым и добрым ребенком, но иногда у него были приступы странной ярости – он становился совершенно неуправляемым. Тор покровительствует крестьянам-хлебопашцам и зорко охраняет их дома и поля от нападений злобных великанов. У Тора есть волшебный пояс, который в два раза увеличивает его силу, на руках у него толстые железные рукавицы, а вместо копья, меча или лука он носит тяжелый железный молот Мьёлльнир, разбивающий вдребезги самые толстые и крепкие скалы [2].

Тюр (Tyr) – бог войны, сын Одина и сестры морского великана Хюмира, третий из асов после Одина и храбрейший среди них. Его имя означает просто 'бог'. Он считается германским эквивалентом Зевса и Юпитера, «небесного отца» для индоевропейцев. В древнегерманской мифологии этот бог появляется только в одной мифе о волке Фенрире. У Тюра одна левая рука, так как правую он потерял, спасая богов от молодого свирепого волка Фенрира. Однако отсутствие руки не мешает Тюру быть искусным воином и принимать участие в сражениях [3, с. 40].

Другие боги прямым образом не были связаны с войной и кровопролитием. Вот некоторые из них:

Локи (Loki) – бог огня; побратим Одина. Локи высок ростом, смел и красив, но он очень насмешлив и коварен [2]. Локи – само воплощение двойственности. Являясь всё-таки асом, он умудрился натворить столько же бед своим братьям, сколько и их врагам. Асы не раз попадали из-за него в беду, но часто он же выручал их своей изворотливостью. Существует предположение, что он является многоликим злом под различными масками. Он волшебник, способный менять обличья. Тем не менее, Локи является одним из двенадцати главных (после Одина) богов [3, с. 52]. Возможно, это указание на то, что корень зла всегда внутри нас. Это бог не так почитаем, как другие божеества германского пантеона, однако он наполняет удивительным юмором древнегерманские сказания и мифы.

Фрейр (Frey) (др.-исл. господин) – бог плодородия и растительности, а также бог лета, которому подвластны солнечный свет и дожди. Этому богу подвластен солнечный свет, он прекрасен собой и могущественен, он ван, посылающий богатства. Он не любит войн и ссор и покровительствует миру на земле как между отдельными людьми, так и между целыми народами. В Швеции во время уборки урожая статую Фрейя возили в повозке по всей округе. Крестьяне верили, что так можно обеспечить богатый урожай [3, с. 25].

Бальдр(сканд.) – «господин» – юный прекрасный бог, сын Одина и Фригг, всеобщий любимец, живущий в Асгарде, в чертоге Брейдаблик, где не допускаются дурные поступки. Бальдр – бог интеллекта, набожности, мудрости, а также весны.

Браги древнескандинавский бог поэзии. Браги был так красноречив, что про него говорили, что у него руны вырезаны на языке [2].

Форсети – бог правосудия. Его имя означает «председательствующий». О нем сказано, что это «бог, который разрешает все споры»[2].

Эгир – его имя похоже на древнескандинавское слово, служившее для обозначения воды. Эгир – это персонификация океана. Он извес-

тен своим гостеприимством, чаши в его доме всегда полны, так как они магическим образом наполняются по приказанию.

Хеймдалль, Хеймдалр – сын Одина и девяти матерей, страж богов, обитающий у края мира. Его обязанностью была охрана радужного моста Биврёст, соединявшего Асгард с Мидгардом (небо с землей), от великанов-ётунов. Первоначально он, возможно, являлся всеведущим богом неба, слышал, как растет трава и овечья шерсть, и видел за сотню миль. Звук его рога возвестит о начале Рагнарёка, во время которого Хеймдалль должен погибнуть в поединке с Локи [2].

Хермод ("мужественный") был сыном Одина и братом Бальдра и исполнял обязанности вестника и посланца богов. Кроме того, Хермод, видимо, имел отношение к подземному царству, так как именно ему поручили отправиться к Хель просить о вызволении умершего Бальдра и о возвращении в Асгард чудесного кольца Одина [2].

Мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. Исследователи германской мифологии отмечают, с одной стороны, воинственность, азартность и часто неумеренность в еде богов-мужчин германского пантеона. Но, с другой стороны, это хорошие семьянины, любящие отцы и трудолюбивые главы семейств. Среди мужских божеств германцев вы не найдёте ни одного холостяка. Институт брака и функция продолжения рода высоко ценились древними германцами. Боги-мужчины умели постоять за честь и достоинство любимой жены. Бог грома Тор готов был переломать кости коварному Локи за срезанные белокурые волосы его жены Сиф, и тот, испугавшись, приложил все усилия, чтобы уговорить карликов изготовить для неё золотые волосы, которые росли бы как настоящие.

Для счастья своих детей боги-отцы ничего не жалели. Фрейр, ласковый бог лета, издали увидев лучезарную великаншу Герду, полюбил ее с первого взгляда и, не зная, как добиться расположения девушки, заболел. Его отец Ньёрд, узнав о сердечных страданиях юноши, отправил верного слугу Скирнира ("сияющего") в Ётунхейм, страну великанов, пообещав ему волшебного коня и меч. В дар невесте Скирнир вез молодильные яблоки, умножающее богатство кольцо Драупнир и сверкающий портрет Фрейра на роге, наполненном медом. Ему было велено без Герды в Асгард не возвращаться. Сопровождение девушки было сломлено, но это стоило больших материальных затрат со стороны отца жениха.

Велико было горе Одина, потерявшего сына, если он в порыве отчаяния надел на палец мертвого Бальдра своё чудесное кольцо, кото-

рое потом пришлось с большими трудностями возвращать из царства мёртвых.

Люди чувствовали свою связь с богами. Боги-мужчины давали начала славным человеческим династиям, и это считалось почётным. Хеймдалль, страж богов, обитающий у края мира, мог принимать облик Рига, смертного первопредка трех социальных групп – знати, свободных крестьян и рабов. Под именем Рига бог по очереди посетил три дома в Мидгарде, в царстве людей, и рожденные от него пригожие дети становились конунгами, крепыши – крестьянами, а уродцы – рабами [2]. Необходимо заметить, что внебрачные связи богов не осуждались и их жёны не преследовали ни их любовниц, ни рождённых ими детей.

Свою связь с богами люди ощущали ещё и благодаря эйнхериям. В скандинавской мифологии это – "доблестно павшие" воины, постоянно после своей героической смерти живущие в небесной Вальхалле и составляющие дружину бога Одина. Унесенные с поля боя валькириями, они проводили дни в сражениях, а ночи в пирах, причем раны, полученные ими в дневном бою, к вечеру чудесным образом затягивались. У германцев считалось постыдным для мужчины умереть в своей постели, поэтому они охотно участвовали в битвах, показывая чудеса воинской доблести. Древние германцы знали, что «боги любят только воинов» [1]. В день гибели мира Рагнарёк эйнхерии должны будут принять участие в последней битве богов с великанами и чудовищами.

Война как мифологический сюжет германского эпоса нередко связана с творением Космоса из Хаоса и включает в себя защиту творения. Боги зачастую вмешиваются в дела людей и покровительствуют разным аспектам их жизни, в том числе их интересуют войны между народами, племенами, государствами. Конфликты между богами часто перетекали в наземные войны между людьми. Верховный бог Один часто появлялся в людском обществе в образе старца, высматривал, расспрашивал, слушал и подстрекал людей на военные конфликты [2].

Однако древние боги и покровительствовали людям в их житейских делах и проблемах. О мужестве богов свидетельствует тот факт, что они были смертны и знали, что им суждено погибнуть во время Рагнарёка, германского конца света. Боги-мужчины подавали пример людям своим жизнелюбием, умением справляться с трудностями, готовностью постоять за честь и достоинство любимой женщины. Такой идеал мужчины был сформирован в далёком прошлом тяжёлыми условиями жизни и бытом человека, едва вышедшего из первобытной дикости.

В мужчине ценились не только его сила и ловкость, но и сметливость и жажда знаний. Ради знания, Один неоднократно приносил в жертву собственное тело: первый раз – пожертвовав свой глаз, во второй – распяв себя на стволе Иггдрасилля – мирового дерева [3,с.50]. Таким образом он достиг просветления, добыл и даровал асам, вanam, гномам, великанам и людям смысл рун. Им же рождены многие искусства, включая поэзию.

Следует отметить, что древнегерманские сказания награждали богов-мужчин незаурядными внешними данными: они были не только высоки, статны, сильны и выносливы, но и обладали привлекательной внешностью, а многие из них, такие как Бальдр, Фрейр, считались непревзойдёнными красавцами. Красивыми были бог огня Локи и Хеймдалль, золотозубый хранитель радужного моста Биврёст. Однако их красота сочеталась с силой и выносливостью, которые были необходимы мужчине в далёкие эпохи.

Поскольку многочисленные военные баталии и победы, необходимо было донести до остального населения страны в привлекательной форме, значимость для общества бардов-сказителей находит своё воплощение в образах Одина, покровителя бардов, и Браги, бога-скальда. Самовосхваление – другая сторона военных сказаний. В древнем человеческом обществе, особенно у викингов, «никто не противоречил бахвальству. Проявление силы и ловкости были возможны, выражение же сомнения грозило злобной, кровавой ссорой, а стычка влекла риск наказания смертью, так как вождь не допускал убийства между своими» [1].

В суровых условиях почти первобытной дикости «мужчине не полагалось быть излишне доверчивым – легковерие вызывало обидные насмешки. Викинги были постоянно на стороже, между ними не было братства, товарищества, а только боевое содружество, в котором каждый стоял за себя, а за других лишь по деловой необходимости» [1]. Этот факт находит своё отражение в преданиях Эдды. Боги смеются над Тюром, который потерял руку, спасая богов от свирепого волка Фенрира. Став калекой, Тюр лишается своего титула бога правосудия, поскольку откушенная Фенриром рука была правая, а без правой руки нельзя быть правым.

Коварный Локи, ради своего спасения всегда готов был пожертвовать жизнью любого бога, как в случае с громовником Тором, который считался его другом. Когда Локи заманил безоружного Тора в чертог великана Гейррёда, тот лишь чудом избежал гибели. Локи обманул приятеля единственно потому, что такова была цена, назначенная Гейррёдом за его собственное освобождение. Локи неосмотрит-

тельно убил сына Гейррёда в обличье выдры и пытался умиловить отца убитого юноши.

Древние германские сказания и мифы имеют фантастические сюжеты, в них богам помогают волшебные предметы. Однако эти сказания дают возможность понять психологию людей, едва вышедших из периода дикости. Боги-мужчины у германцев наделены лучшими человеческими и мужскими качествами: они мужественны, покровительствуют и помогают не только друг другу, но и людям. Большинство мужских божеств является прекрасными главами семейств, способными защитить своих жён и детей.

Литература

1. Лимарев В.Н. Мировосприятие ВИКИНГОВ – охотников на китов, потомков Древних Германцев [Электронный ресурс]: Энциклопедия – Режим доступа: <http://frank-history.narod.ru/gi.htm>
2. Планета Gods bay [Электронный ресурс] Энциклопедия мифологии – Режим доступа: <http://godsabay.ru/vikings/index.html>
3. Уингейт Ф., Миллард. Э. Викинги. – М.: Росмэн, 1995.

ОБЪЕКТЫ ВСЕМИРНОГО ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ АВСТРАЛИИ

Маркова О. Ю.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. М. Мартыненко, ст. преподаватель

«Наше Всемирное наследие – это бесценные сокровища прошлого, ценности, которыми мы пользуемся сегодня и которые должны сохранить для будущих поколений. Объекты Всемирного наследия – это территории такого выдающегося значения, что их ценность выходит далеко за пределы национальных границ» [1]. В этих словах бывшего министра окружающей среды и наследия Австралии Дэвида Кемпа отражено отношение страны, её граждан и правительства к феномену Всемирного наследия, их приверженность ответственности за него и стремлению к адекватной национальной политике в сфере наследия. Следует заметить, с 1974 г. Австралия является участницей Конвенции ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» (Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage), принятой в ноябре 1972 г. в Париже на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО [1].

Всемирное наследие (англ. World Heritage) – это природные или созданные человеком объекты, приоритетными задачами по отноше-

нию к которым являются сохранение и популяризация в силу их особой исторической или экологической значимости. По состоянию на конец 2009 г. в Списке Всемирного наследия значилось 17 австралийских объектов из 788 во всем мире. Только 2 из 17 австралийских объектов Всемирного наследия – объекты культурного типа, 15 же принадлежат к природному (11) и смешанному (4) типам [2]. Такое соотношение культурных и природных объектов Всемирного наследия обуславливается сравнительно поздним заселением территории Австралии и образованием на ней государства, в то время как разнообразие природных ресурсов материка, формировавшихся на протяжении тысячелетий, воистину огромно.

Австралия является мировым лидером по насыщенности объектами Всемирного наследия по отношению к численности населения – 1 объект на 1,185 млн. жителей, что приблизительно в 7 раз выше мирового показателя. В то же время по насыщенности объектами Всемирного наследия Австралия занимает последнее место – 1 объект на 481 тыс. кв. км, что почти в 3 раза выше соответствующего показателя для мира в целом [3].

Описания австралийских природных достопримечательностей мирового масштаба широко представлены в современной литературе. Изучение источников, посвящённых данной тематике [3, 4, 5], позволяет дать краткую характеристику объектам Всемирного природного наследия Австралии.

Одна из наиболее известных природных достопримечательностей Пятого континента – Большой Барьерный Риф – представляет собой исключительно живописную и мозаичную местность у северо-восточного побережья Австралии. Это самое крупное в мире скопление коралловых рифов, где отмечено 400 видов кораллов, 1,5 тыс. видов рыб и 4 тыс. видов моллюсков. Данный район представляет собой большой научный интерес и в качестве местообитания дюгоня и зелёной черепахи – видов, находящихся на грани исчезновения.

Национальный парк Какаду, находящийся в районе Северной Территории Австралии, где ныне располагается уникальный археологический и этнографический резерват, был заселен более 40 тыс. лет назад. Археологические находки и наскальные рисунки иллюстрируют жизнедеятельность коренных жителей: от доисторического сообщества охотников-собирателей до аборигенов, живущих здесь в наше время. Парк включает уникальное сочетание природных комплексов (включая водно-болотные угодья, заливаемые во время морских приливов, холмистые равнины и плато), которые служат местообитанием для множества редких и эндемических видов растений и животных.

Окаменелости и другие археологические находки озерного района Уилландра, датируемые плейстоценом, обнаруженные в песках и на высохших озерах, свидетельствуют о заселении этого района 45-60 тыс. лет назад. С точки зрения изучения эволюции человека на австралийском материке район Уилландра является поистине уникальным местом. Здесь также найдены хорошо сохранившиеся ископаемые останки гигантских сумчатых животных.

Район острова Лорд-Хау включает в себя удаленные острова, возникшие в результате подводных вулканических извержений, произошедших на глубине более 2 тыс. м, отличаются живописным скалистым рельефом и служат убежищем для многочисленных эндемических живых организмов, особенно птиц.

Территории парков и резерватов Западной Тасмании, изобилующие ныне глубокими ущельями, а в прошлом подвергавшиеся серьезному оледенению, покрывают площадь более 1 млн. га. Это один из последних на планете районов произрастания влажных умеренных лесов. Археологические находки, обнаруженные в пещерах, свидетельствуют о заселении этой местности более 20 тыс. лет назад.

Дождевые леса восточного побережья – объект наследия, состоящий из целого ряда парков и резерватов, располагается вдоль обрывов Большого Водораздельного хребта на востоке Австралии. Для мировой науки особое значение имеют геологические объекты вулканического происхождения, а также редкие и исчезающие виды животных и растений, которые населяют дождевые леса.

В национальном парке Улуру-Катаjuta (Айерс-Рок – Маунт-Олга) располагаются грандиозные геологические образования, возвышающиеся посреди обширных песчаных пустынь в центральной части Австралии. Это гигантский монолит Улуру, а также расположенный немного западнее массив Катаjuta, представляют собой нагромождение скал с округлыми вершинами. Монолит и скалы являются священными для аборигенного племени анангу, проживающего в этих местах и признанного одним из самых древних на земле человеческих сообществ.

Полоса влажных тропических лесов Квинсленда протягивается вдоль северо-восточного побережья Австралии примерно на 450 км. В этих лесах отмечено огромное разнообразие растений, сумчатых животных и певчих птиц, включая редкие и исчезающие виды.

Залив Шарк, с прилегающими островами и береговой зоной на западном побережье Австралии, знаменит тремя феноменами: заросли донных водорослей (самые обширные и богатые в мире, покрывающие площадь 480 тыс. га); крупная популяция дюгоня (более 10 тыс.

особей); и строматолиты (известковые образования с округлой вершиной, образованные в результате жизнедеятельности колониальных водорослей и являющиеся одной из древнейших на Земле форм жизни). В районе залива Шарк отмечено также пять редких видов млекопитающих.

Фрейзер, остров длиной 122 км, лежащий вблизи восточного побережья Австралии, является самым большим песчаным островом в мире. Здесь можно увидеть остатки величественных влажных высокоствольных лесов, произрастающих на песках, а также пресноводные «висячие озера», расположенные посреди дюн (половина таких озер в мире приходится именно на остров Фрейзер). Сочетание движущихся песчаных дюн, влажных лесов и «висячих озер» делает это место уникальным.

Риверслей и Наракорт, расположенные на северо-востоке и на юго-востоке материка, входят в мировую десятку важнейших местонахождений окаменелостей. Именно там находятся уникальные ископаемые остатки австралийских млекопитающих. Это прекрасная иллюстрация основных этапов эволюции уникальной австралийской фауны.

Острова Херд и Макдональд лежат в южной части Индийского океана. Эти единственные в зоне Субантарктики острова, на которых расположены действующие вулканы, выступают в роли «открытого окна вглубь Земли», и предоставляют редкую возможность наблюдения за современными геоморфологическими и ледниковыми процессами. С природоохранной точки зрения острова особенно ценны тем, что они никогда не испытывали серьезных воздействий со стороны человека, и что здесь не отмечено чуждых видов растений или животных. Это одна из самых сохранных островных экосистем на планете.

Остров Маккуори, размерами 34x5 км, лежит в субантарктических водах к юго-востоку от Тасмании. Остров, возникший в результате столкновения Индо-Австралийской и Тихоокеанской литосферных плит, является выходом на поверхность подводного хребта Маккуори. Это место имеет огромное геологическое значение, так как только здесь, и более нигде в мире, можно обнаружить породы (базальты и др.), вынесенные на поверхность Земли из ее мантии, т.е. с глубины 6 км.

Горный район Блу-Маунтинс – ещё один уникальный феномен, имеющий место на территории Австралии. Этот объект наследия общей площадью 1,03 млн. га включает восемь различных охраняемых территорий, главная ценность которых состоит в том, что они демонстрируют эволюционное развитие и многообразие эвкалиптовых ле-

сов Австралии как континента, находившегося в изолированном положении со времени распада древнего материка Гондвана. В районе Блу-Маунтинс обнаружен 91 вид эвкалиптов, крайне многообразны и экосистемы, где произрастают эти деревья. Район является исключительно репрезентативным для всей Австралии: здесь отмечено порядка 10% всех сосудистых растений материка, среди которых – целый ряд редких и исчезающих видов, а также эндемиков и реликтов, включая сосну Воллеми, уцелевшую лишь на отдельных участках.

Национальный парк Пурнулулу, площадью 239,7 тыс. га, располагается на севере штата Западная Австралия. За последние 20 млн. лет этот песчаниковый массив под воздействием сил эрозии приобрел вид причудливых конических останцев, островных элементов рельефа. На крутых бортах четко видны темные горизонтальные слои – результат жизнедеятельности цианобактерий. Этот феномен возник благодаря редкому сочетанию геологических, биологических и климатических факторов [5].

Потенциал участия Австралии во Всемирном наследии далеко не исчерпан современными 17 объектами. Из объектов природного наследия, потенциально претендующих на участие во Всемирном наследии, можно назвать давний объект паломничества туристов со всего мира, уникальный феномен – Двенадцать апостолов в национальном морском парке с одноименным названием в Южной Австралии. Не меньшую привлекательность в рассматриваемом отношении представляет и один из старейших в стране национальных парков – Охотничий парк Флиндерса на острове Кенгуру, сохранившем на практически всей своей территории богатую и уникальную первозданную природу.

Правительством Австралии проводится активная политика по пропаганде своих объектов Всемирного наследия. В результате, большинство из них достаточно хорошо известны и популярны в мире, несмотря на территориальную удалённость страны от Старого света и большей части Нового света. Объявив их объектами Всемирного наследия, Австралия много делает не только для их охраны, но для широкой популяризации в мире. Так, в настоящее время Австралия – один из признанных мировых лидеров сферы туризма, география туристических потоков имеет четко выраженную ориентацию именно на объекты Всемирного наследия.

1. Мазуров Ю.Л. Австралия во Всемирном наследии [Электронный ресурс]: Портал Национального Центра Опеки Наследия – Режим доступа: <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=690445>
2. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Австралии [Электронный ресурс]: Википедия свободная энциклопедия – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_объектов_Всемирного_наследия_ЮНЕСКО_в_Австралии
3. Вагнер Б.Б. Энциклопедия заповедных мест мира. – М.: Вече, 2006.
4. Список объектов Всемирного Наследия [Электронный ресурс]: Портал «ЮНЕСКО – Наследие» – Режим доступа: <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=30&L=9>
5. Максаковский Н.В. Всемирное природное наследие. – М.: Просвещение, 2005.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЮМОРА

Мишина И. К.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. М. Саржина, доц.

Юмор является неотъемлемой частью культуры любого народа. Большая советская Энциклопедия предлагает следующие определения: «**Юмор** (англ. *humour* – нравственное настроение, от лат. *humor* – жидкость: согласно античному учению о соотношении четырёх телесных жидкостей, определяющем четыре *темперамента*, или характера), особый вид *комического*; отношение сознания к объекту, к отдельным явлениям и к миру в целом, сочетающее внешне комическую трактовку с внутренней серьёзностью. В согласии с этимологией слова, **Юмор** заведомо «своенравен», «субъективен», личностно обусловлен, отмечен отпечатком «странного» умонастроения самого «юмориста». В отличие от собственно комической трактовки, **Юмор**, рефлектируя, настраивает на более вдумчивое, серьёзное отношение к предмету смеха, на постижение его правды, несмотря на смешные странности, – в этом **Юмор** противоположен осмеивающим, разрушительным видам смеха» [1]. В зависимости от эмоций собеседников и их общего культурного уровня, юмор может быть самым разным: добродушным, грубым, жестоким, мягким, печальным, трогательным и пр. Необходимо отличать юмор от иронии.

С иронией юмор сходен и по составу элементов, и по их противоположности, но отличается «правилами» комической игры, а также целью, эффектом. В иронии смешное скрывается под маской серьёзности – с преобладанием отрицательного (насмешливого) отношения

к предмету; в юморе серьёзное – под маской смешного, обычно с преобладанием положительного отношения.

Что же касается национального юмора, он сохраняет в себе все культурные черты. Каждый не раз слышал выражение «чисто английский юмор», но достаточно сложно объяснить, что это такое. Хороший английский юмор не содержит пошлостей, хотя тема для юмора может быть фривольной, и это вызывает у слушателей улыбку. Английский юмор имеет свои разновидности. Особенно глупые шутки называются the elephant jokes – «слоновые шутки». Другие разновидности английского юмора: dry sense of humour («сухое чувство юмора») – ирония, banana skin sense of humour («юмор с банановой кожурой») – достаточно примитивные шутки, когда кто-то поскользнется на банановой корке и всем смешно, shaggy-dog stories, в которых смешное основывается на алогичности высказывания.

Юмор у англичан служит для выражения самых сильных эмоций. Яркими примерами искрометного юмора в литературе являются произведения Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. Многих английское чувство юмора пугает или даже раздражает, но ни в одной стране не умеют так смеяться над собой, как в Англии. Англичане смеются над всем, что может вызвать улыбку, в том числе и над тем, что у нас испокон веков считалось священным, над сильными мира сего, правительством и даже членами королевской семьи. Английский юмор – это юмор «полифонический». В каждом его проявлении отзывается сразу несколько фактов, обстоятельств, не зная которых, трудно насладиться всем блеском и остротой мысли. Такое пристрастие к творчески выстроенному, слегка «аналитическому» юмору как раз и свойственно англичанам. Хорошая шутка – чаще всего экспромт. Вы заходите в центральный магазин на Оксфорд-стрит, и слышите, как продавец, с энтузиазмом рекламирующий свой товар, вынужден несколько раз обращаться к покупателям с просьбой не толпиться у входа. Видя, что на его призывы никто не реагирует, он прерывает свою речь и говорит очень деловым тоном: *Excuse me, are you stupid or are you not English?* – Простите, вы идиоты или вы не англичане? Носителями языка он уже не ощущается так остро, это – способ мышления, к которому надо приспособиться и адекватно реагировать, всегда быть готовым ответить на шутку в самых неожиданных обстоятельствах. Все нации наслышаны об английском юморе, который уже считается национальной чертой. Точно также как чопорность и высокомерие [2]. Вот еще один пример английского юмора:

В одном английском клубе за столом сидят трое джентльменов и молчат уже битый час. Наконец один вздыхает. Другой вздыхает еще глубже. Третий вскакивает и кричит: *«Перестаньте же, наконец, говорить о политике!»*

Основная особенность английского юмора в том, что он построен практически всегда на игре слов. Ситуация, когда одна и та же фраза имеет два смысла, встречается в Англии повсюду: в названиях музыкальных групп, тех же Beatles (аналогия со словами beat – ритм, и Beetles, жуки), в названиях фирм и компаний, клубов и журналов, фильмов и таверен. Вот хороший пример, когда красивое название харчевни «DEW DROP INN» – «Харчевня Капли Росы» звучит точно также как и выражение «Do Drop In» – «зайди, заскочи». Широко известна способность англичанин сохранять невозмутимость в самых абсурдных ситуациях и удивляться мелочам на этом фоне. Эта английская невозмутимость и медлительность стала «притчей во языцех», даже сами британцы с удовольствием подшучивают над своими «отличительными чертами».

Погода – это отдельная тема для шуток англичан. Свой почти вечный смог и частые осенние туманы они высмеивают очень ласково и необидно.

Американец, спускающийся с трапа самолета в Хитроу, при виде тумана говорит: *«Фи, какая мерзкая погода! И долго здесь это еще будет продолжаться, вы не знаете?»* На это лондонец отвечает: *«Увы, сэр, ничего не могу сказать определенного. Я живу здесь только тридцать пять лет».*

Высший пилотаж английского юмора – умение вышутить нечто сакральное и неприкосновенное, не впадая при этом в кощунство и примитивное ерничество.

Священник едет в коляске вдоль прекрасно возделанного ржаного поля. На краю поля, опершись на изгородь, стоит фермер и курит трубку. Между ними происходит такой диалог: «Добрый день, сын мой! Это ваше поле?» – «Мое». – «Замечательно!» – «Что замечательно?» – «Замечательно, когда соединяются усилия Господа и человека». – «Может оно и так. Только поглядели бы вы, преподобный, на это поле, когда Господь хозяйничал здесь в одиночку».

А еще для англичан смех – способ собрать средства на нужды благотворительности. Одно из самых крупных общенациональных благотворительных мероприятий в Великобритании – это Комический фестиваль, или День красных носов, который проводится раз в два года в марте. Задолго до самого дня по всей Великобритании начинают продавать самый главный аксессуар фестиваля – красный нос. В день

фестиваля веселые мероприятия проводят в каждой школе, конторе, на улицах городов. Ну а Би-Би-Си весь вечер показывает специально подготовленные комедии, капустники, выступления самых популярных певцов и юмористов, перемежающиеся очень серьезным разъяснением целей фестиваля, показом, на что идут деньги, собранные ранее, рассказом о том, чего удалось достигнуть и что запланировано [3].

Про японский юмор не настолько широко известно уже по причине того, что это достаточно закрытая страна. Встречаются даже мнения, что в Японии нет юмора. Но это вовсе не так – японцы ценят юмор достаточно высоко, хотя сами используют его в своей речи достаточно редко. Японцы могут смеяться от души, чувствуя себя комфортно, только тогда, когда они валяют дурака с такими же, как они. Они ожидают, что партнеры из ближнего круга будут делать то же самое и чувствовать то же самое. Потому-то так популярны телеигры, во время которых участники – рядовые японцы – охотно выполняют то, что можно без преувеличения назвать самоистязанием. Крайне редко они рискнут рассказать анекдот. Причем рассказ непременно будет начинаться со слов: «А сейчас я вам расскажу анекдот», – чтобы вы не забыли посмеяться в конце. Отвращение к риску удерживает японцев от иронии, фривольностей и бытовых шуток. Сарказм же их просто убивает. Но если вам повезет, и вы увидите их в расслабленном состоянии, в абсолютно неформальной, почти секретной обстановке, чаще всего подвыпившими и беззаботными – тогда вы убедитесь: они могут быть очень и очень смешными [4].

Можно обнаружить потрясающе тонкий и артистичный юмор в традиционном мире ракуго (комический эстрадный рассказ). Рассказчики жанра ракуго – комедианты высшего класса. Они рассказывают свои забавные истории, сидя на специальных подушках и облачившись в кимоно. В руках у них только веер, но он заменяет все возможные декорации, увлекая зрителей в ушедший мир бродячих самураев, острых на язык горожан, деревенских дурачков и брюзгливых жен. Это одноактный моноспектакль редкостного совершенства. Только что веер изображал палочки для еды, а через секунду это чарка сакэ или шест, с которого свисают товары уличного торговца.

Еще один источник веселья, как и у англичан, – игра слов. Например, «развод» по-японски будет – «рикон». В последнее время немало молодых пар распадается сразу же после медового месяца, проведенного за границей. Как правило, невеста разочаровывается в молодом супруге. За пределами Японии он превратился в потерянного, робкого человечка, не способного даже объяснить официанту элементарную просьбу. Все, что остается – получить «рикон», то есть развод. А по-

сколько молодожены прилетают в токийский аэропорт Нарита, то для скоропалительного развода придумали словечко «нарикон». В целом, однако, японцы предоставляют шутить профессионалам. Веселье вызывают комические происшествия повседневности (в прошлом и настоящем, реальной и вымышленной, но вероятной), их юмор ситуативен и проявляется в развитии действия. В Японии – смеются над человеком, попавшим в комичную ситуацию, над правительством. Шутки прямые, «в лоб». Если уж кто шутит, то это надолго, коротких однострочных шуток здесь нет, есть притчи и байки. И попробуйте не хихикнуть – обидите японца. Во время смеха зубы, как правило, прикрывают ладошкой. Вот чего не стоит делать в их присутствии, так это кого – либо оскорблять. Да и европеец не увидит намека там, где он есть в речи японца, и который легко поймут другие японцы. Изысканная похвала дочери соседа, которая начала заниматься музыкой, слова о том, что такая талантливая девочка, несомненно, многого добьется как пианистка в будущем, на деле является понятной каждому японцу жалобой на то, что всем соседям нет покоя от ее игры.

Для иллюстрации склонности японцев к иносказаниям наш известный японист профессор С.В. Неверов приводит рассказ американской студентки, стажировавшейся в Японии и жившей в доме своей подруги-японки. Обе девушки увлекались японским театром и регулярно посещали спектакли традиционного театра Кабуки, а затем горячо обсуждали увиденное. При тесной застройке японских домов и открытых летом настежь раздвижных дверях эмоциональная речь американки разносилась весьма далеко и нарушала покой соседей. Одна из соседок, решившись наконец высказать общие претензии, однажды обратилась к американке, сказав: "Как хорошо, что у Вас есть такая подруга, можно только позавидовать тому, как Вы охотно до позднего времени беседуете, обмениваясь впечатлениями, которые у Вас накопились". Все это было сказано с улыбкой, самым благожелательным тоном. Американка, восприняв это как высокую оценку их дружбы, принялась чистосердечно расхваливать свою подругу. Соседке же стало ясно, что ее слова не достигли цели. Когда американке растолковали истинный смысл этого разговора, она была ошеломлена, сказав только: "Сколько лет изучаю Японию и японский язык, но как же трудно понять душу японца! " [5].

Литература

1. Юмор [Электронный ресурс]: Большая Советская Энциклопедия – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article127761.html>

2. Москалец А. Английский юмор [Электронный ресурс]: Английский юмор как терапия души – Режим доступа: <http://www.zn.ua/3000/3680/52325/>
3. Лавыш Т.А., Русяев А.Л., Шахлай В.С. Английский юмор [Электронный ресурс]: В Англию, с любовью – Режим доступа: http://www.abroad.ru/library/eng_love/1.php
4. Кальчева А. Японский юмор [Электронный ресурс]: Культура Японии – Режим доступа: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=29>
5. Японский юмор [Электронный ресурс]: Япония – Режим доступа: <http://my.opera.com/Shinigami17/blog/show.dml/9217341>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООНИМОВ ДЛЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Низамова И. И.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. А. Нагорная, к.филол.н., доц.

Развитие любого языка самым тесным образом связано с развитием национально-культурного сознания носителей этого языка. Прямые свидетельства этому можно найти при исследовании истории развития многих слов, составляющих лексическое ядро языка. Цель этой статьи – рассмотреть место и роль зоонимов в номинации цветов спектра в языке.

Как известно, после появления названий для основных 11 цветов (white, black – red – green, yellow – blue – brown – purple, pink, orange, grey) в языках начали появляться слова, обозначающие различные оттенки цвета. Лингвисты в своих исследованиях выделяют 10 основных категорий групп слов, от которых появились цветотермины, не вошедшие в «основной» ряд цветоименований. В общей сложности удалось выделить 300 разных предметов, давших примерно полторы тысячи названий цвета в 14 языках. Некоторые из предметов определяют название цветоименований во всех или почти всех языках, т.е. носят как бы универсальный характер [1, с. 41]. Среди них присутствуют группы слов, образованных от названий животных.

Развитие лексики, обозначающей коричневый цвет в русском языке, было весьма своеобразно. Изначально число таких цветообозначений было невелико: *гнедой*, *смаглый*, *бурый*, *карий* и некоторые другие. Большая часть этих слов использовалась для обозначения масти лошадей. Достоверной этимологии слова *гнедой* нет. В украинском языке есть слово *гнідий*, а в словенском *gnêd*, означающие «сорт винограда с сине-красными ягодами». В то же время украинское слово *гнітити* означает «подрумянивать в печи хлеб, придавать ему красно-коричневый цвет» [2, с. 84]. Некоторые лингвисты думали о связи со

словом «гнида», допуская первоначальное значение со славянским словом *gnědъ* – «цвет вишн» [3, с. 420].

Наиболее распространенным было слово *бурый*. По данным этимологического словаря Фасмера это слово пришло в русский (как и в другие славянские языки) как название масти лошади: украинский язык – *бурий*, польский язык – *bury*, турецкий – *bur* (*рыжей масти*), персидский – *bōr* (*гнедой, рыжей масти*). Слова от этого же корня присутствовали и в других языках: чешское слово *brůna* означает «белая лошадь», польское слово *brony* – «гнедой» [1, с. 13].

Таким образом, связь цветообозначений для коричневого цвета и его оттенков прослеживается в основном в области названий мастей лошадей. Хотя лингвисты так же прослеживают связь названий оттенков коричневого цвета с названиями животных с характерным бурым мехом: медведя (древний немецкий – *Bēro*, немецкий – *Bär*; древний английский – *bera*, современный английский – *bear*) и бобра (древний немецкий – *Bibar*, современный немецкий – *Biber*, древний английский – *beofor*, современный английский – *beaver*) [1, с. 12].

Современное слово *вороной* развилось из древнерусского слова *вороний* вследствие изменения *-ий* на ударный *-ой*. В польском языке есть сходное слово *wrony*, в украинском *вороний*. Существует мнение, что в данном случае изначально появилось не название птицы, а уж потом цветотермин, а наоборот. В праславянском языке было слово *vorŋь*, которое значило *черный*. Оно и дало название птице. В этимологическом словаре *вороной* определяется как «черный, как крыло ворона» [3, с. 167], и в то же время приводится среднелитовское слово *varnas* со значением «черный, как уголь».

Еще одно цветонаименование имеет несколько версий толкования. В русском языке есть такое название цвета как лососевый или лососинный, обозначающее один из оттенков розового цвета. На первый взгляд, это цветонаименование явно было образованно от названия рыбы. В других языках так же есть сходные слова: в чешском – *losos-ovу*, обозначающее розовый цвет, в польском языке – *łososiwy*, т.е. лососевый или желтовато-розовый. По другой версии это слово не праевропейское. А лосось был назван так индоевропейцами по черным пятнышкам, крапинкам на боках: литовское слово *lãšas* – «крапинка, капля» [3, с. 491].

Слово *мышиный* встречается в русских словарях с 1858 г. Существует мнение, что оно произошло от индоевропейского табуистического названия животного. Кроме того, есть так же сходное слову «мышь» слово *mūs* со значением «серый» [4, с. 28]. В древнеанглийском языке так же существовало слово *mūs* (современное английское

mouse), а в качестве цветообозначения слово *mūs-fealu* («мышинный цвет») начало использоваться примерно с середины VII века.

Не вызывает сомнения то факт, что слово *лисий* произошло от названия животного. В словарях также это слово толкуется, как «желтоватый». В русском языке присутствуют слова, образованные от этого цветотермина: «залисеть» – значит приобрести желтый оттенок, пожелтеть [4, с. 500]. Слово «лисичка» или «рыжик» так же получило свое название благодаря желто-оранжевому цвету, напоминающему окрас лисы.

Слово *голубой* у многих людей вызывает ассоциацию с голубями. Хотя в этимологических словарях оно толкуется как «цвет ясного неба». В восточнославянских языках оно известно с XIII века и было образовано от корня *голуб-*, т.е. «похожий на цвет оперения шейки голубя» [3, с. 87]. В старопольском языке есть слово *golebi*, со значением «голубиный», хотя очень похожее слово *gulbe* (индоевропейского происхождения) значит «желтый».

Практически все рассмотренные нами цветотермины в русском языке имеют несколько источников происхождения. Можно проследить, когда появились те или иные номинанты цвета, но далеко не всегда можно объяснить, почему и при каких обстоятельствах.

В компаративных конструкциях, репрезентирующих цвет в русском языке, зоонимы встречаются довольно часто, например: *белый как лунь*; *белый как заяц*; *жёлтый как цыплёнок*; *жёлтый как канарейка*; *чёрный как ворон*; *бурый как медведь*; *серый какмышь*; *серый как заяц*; *красный как рак*; *красный, как индюк*; *зелёный как лягушка*; *пёстрый как попугай*.

Прилагательные, образованные от зоонимов и служащие для цветоименования в русском языке более редки: *канареечный* – *имеющий цвет оперения канарейки*; *ярко-желтый*; *мышинный* или *мышастый* – *имеющий цвет шерсти мыши*, *серый* или *светло-серый*; *верблюжий* – *имеющий цвет шерсти верблюда*; *серовато-желтый*, *лисий* – *желтоватый* [5].

В английском языке цветотермины, образованные от зоонимов, довольно немногочисленны по сравнению с рядом подобных слов, образованных от названий цветущих растений и фруктов. Мы смогли проследить лишь немногие примеры, лексическая форма которых прямым образом демонстрирует связь с зоонимом. Однако если бы представлялось возможным выяснить этимологию большего числа английских слов-номинантов цветов спектра, этот ряд мог бы быть более широким. В ходе исследования были выявлены следующие модели образования слов цветоименования:

1. Слова-номинанты животных по конверсии, т.е. без изменения формы слова, становятся прилагательными, обозначающими цвет, характерный для данного животного, например:

В своём первом значении слово *'raven'* имеет значение 'ворон'. Благодаря характерному для этой породы птиц окрасу оперения, эта лексическая единица приобретает вторичное значение – «иссиня-чёрный; цвета воронова крыла». Подобным образом закрепилось в английском языке вторичное значение слова *'fawn'* 'светлый желтовато-коричневый оттенок', изначально означающее оленёнка в возрасте до года [6]. Слово *'mole'* репрезентирует одновременно крота и характерный для него серый цвет, слово *'sorrel'* – гнедую лошадь и красновато-коричневый или красно-бурый цвет, а *'gizzle'* – тоже лошадь, но серую, а также серый цвет.

2. От существительных-номинантов животных образуется прилагательное со значением цвета при помощи суффикса, в данном случае *'-y'*, например: *mousy* – светло-коричневый или сероватый цвет, характерный для мыши; *foxy* – желтоватый или красновато-коричневый цвет, типичный для лисы обыкновенной.

3. Слова-номинанты животных выступают первой частью сложных прилагательных, указывающих на оттенки цвета, например: *ermine-white* – белоснежный, [6]; *raven black* – иссиня чёрный [1, с. 129]; *seal brown* – насыщенный тёмно-коричневый [5]; *peacock blue* – переливчато-синий цвет; *dove-grey* – серый цвет с голубоватым или розоватым отливом; *canary-yellow* – канареечный, ярко-жёлтый [6]; *parrot-green* и *parrot-blue* – ярко зелёный и ярко синий цвет соответственно [1, с. 130].

Последние три слова помогают составить представление о ярком оттенке, благодаря тому, что в их составе выделяется лексический компонент, репрезентирующий тропическую птицу с ярким и пестрым оперением.

4. Цвет выражается фразой, содержащей зооним, например: *pigeon's blood* или *ox blood* – насыщенный красный цвет (особенно ценится в рубинах), в том числе и преимущественно компаративным фразеологизмом: *as red as a turkey cock* – красный, как индюк [5]; *as red as a lobster* – красный как рак [6]; *as black as a crow* – чернее ночи [5]; *as grey as a badger* – белый как лунь [5]. Последний из приведённых примеров относится к седым волосам, но в английском языке цвет подчёркивается при помощи зоонима *'badger'* – барсук, а в русском с помощью слова «лунь», обозначающего хищную птицу семейства ястребиных с серовато-белым оперением у самцов.

Итак, зоонимы в русском и английском языках нередко участвуют в цветонаименовании. Некоторые языковые модели аналогичны в обоих языках, например, компаративные фразеологизмы и суффиксальные словообразовательные модели. Однако способы цветообозначения в обоих языках имеют и свои характерные национальные особенности и различаются зоонимом, участвующим в их образовании.

Литература

1. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. – М.: Наука, 1987.
2. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов – 2-е изд., перераб. и доп. – К.:Рад. шк., 1989.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка – М.: Русский язык, 1993.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.1: А-Сят: Ок. 4000 слов; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Издательство «Аст-рель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. ABBYY Linguo 12
6. Deluxe – The 1999 World Book (Deluxe) Encyclopedia – <http://www.wordbook.com>

ФУТБОЛЬНЫЕ ФАНАТЫ АНГЛИИ

Сюмко Е. О.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Лисицина, доц.

Фанат – это человек, который питает продолжительное, преувеличенное влечение к определённом предмету. Предмет влечения может представлять собой человека (или группу людей), спортивные клубы, предметы искусства, идеи и т. д. Фанат нетерпим к другим взглядам и, как правило, агрессивно отстаивает свою точку зрения. Среди футбольных фанатов это называется «отстаивать цвета», «бороться за цвета» и т. д. Фанаты – это люди, видящие и думающие лишь об их кумире, обожающие его. Они организуют встречи, во время которых обсуждают последние новости в жизни их кумира [1].

Футбольные хулиганы – это лица, нарушающие общественный порядок, связывая свои действия с футбольными пристрастиями и обосновывая их ими. Сами футбольные хулиганы расценивают своё движение как субкультуру. Как правило, преступления на почве футбольного хулиганства совершаются до или после футбольных матчей, а также в местах больших скоплений футбольных болельщиков [2].

Как и сам футбол, истоки околофутбольного насилия берут своё начало в Британии. Английский футбол знаком с инцидентами, свя-

занными с футбольными беспорядками, начиная с XIX века. Уже в те далёкие времена поклонники команд, да и сами игроки нередко сходились «стенка на стенку» после финального свистка арбитра. Однако футбольное хулиганство в том виде, в котором оно существует сейчас, начало зарождаться на берегах Туманного Альбиона в конце 1950-х годов.

Рабочая молодёжь окраин больших городов Англии, не имея средств на дорогие развлечения, выбрала вполне доступный футбол. Постепенно им стало недостаточно поддержки команды на домашних матчах, а с началом поддержки своих клубов на гостевых поединках возникли первые проблемы.

В середине 1960-х годов трибуны английских стадионов примерно на 70 % состояли из тех, кто отождествлял себя с футбольным насилием. Каждый второй матч заканчивался серьёзными потасовками, некоторые районы городов на время матчей превращались в запретные зоны. Из одного города в другой с чётко определённой целью выявить сильнейшего выезжало от 400 до 7000 человек [3]. Вследствие этого тысячи обычных поклонников игры стали держаться подальше от стадионов, а телетрансляции стали для них единственной альтернативой посещению матчей [2].

Ситуация не улучшилась, когда телевидение, помимо самой игры, стало демонстрировать массовые драки с участием болельщиков. Это не только воодушевляло хулиганов, но и являлось новым средством общественной огласки и саморекламы. Аналогичная ситуация наблюдалась и в прессе — коллекционирование газетных заметок стало настоящим увлечением для многих фанатов [4].

Ситуация требовала вмешательства властей, и реакция последовала. Были значительно ужесточены законы, регулирующие правопорядок: на самых отъявленных и опасных для общества хулиганов заводились специальные картотеки. Многие из хулиганов оказались за решёткой, другие отделались пожизненными запретами на посещение футбольных матчей. Полиция внедряла своих людей в фанатскую среду, выявляя лидеров и предотвращая возможные пересечения враждующих группировок на корню. Наконец, развивающиеся технологии позволили оборудовать стадионы и прилежащие к ним территории камерами видеонаблюдения, что в значительной степени повышало вероятность хулиганов быть опознанными и впоследствии арестованными.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов внутренняя проблема Англии переступила границы и приняла общеевропейский масштаб. Довольно успешная игра английских клубов в Еврокубковых турнирах

раз за разом привлекала все большее и большее количество британцев, желавших посмотреть игру своих земляков на выезде. Флагманами английского выездного движения стали фанаты «Ливерпуля», которые постепенно стали прививать европейцам свой «стиль поддержки клуба», включая побоища и погромы во всех городах, где волей жребия выпадало играть их клубу [3]

Дело дошло до того, что после трагических событий, произошедших в 1985 году на бельгийском стадионе «Эйзель», где на финальном матче Кубка Европейских Чемпионов между клубами «Ювентус» и «Ливерпуль» в результате футбольных беспорядков погибло 39 болельщиков, УЕФА отстранила на 3 года все английские клубы от участия в еврокубках, а «Ливерпуль» был отстранён на 5 лет [4]. Многие фанаты «Манчестер Юнайтед» проявили своё сочувствие, говорилось даже о случаях, когда фанаты двух непримиримых команд обнимались. Вышли номера «The Independent» с заголовком «Старая вражда забыта, фанаты объединены общей скорбью» [1].

Так как игра транслировалась в прямом эфире, картина разыгравшейся трагедии обошла практически весь мир. В результате жесточайших мер, принятых властями Англии, многие хулиганские группы прекратили своё существование, другие же, придя в шок от увиденного на экранах, сами вернулись к нормальной жизни.

Постепенно движение затухало, и причин этому было несколько. Первой и, наверное, самой главной являлась социальная переориентация молодёжи. В начале 1990-х годов Британию захватила танцевальная рейв-культура с обилием наркотиков, которая вывела хулиганское движение из моды. Немаловажную роль в постепенном остывании движения сыграла и трагедия, произошедшая на шеффилдском стадионе «Хиллсборо» 15 апреля 1989 года, где в результате давки погибло 96 ливерпульских болельщиков [4]. Англия пережила шок, некоторое время люди попросту боялись ходить на стадионы.

На современном этапе английский «околофутбол» приобрёл отчётливые черты так называемого стиля «Casual» (то есть обычный). Основным принципом любого английского фаната является незаметность, отсутствие клубных цветов в одежде, символики, выделяющей из общей массы внешности. Пересечения враждующих группировок проходят вдали от стадионов и в большинстве случаев заранее оговариваются в Интернете или же по телефону. Фанаты стали мобильнее и бдительнее. Изменения в структуре английского общества привели в движение большее количество довольно состоятельных и образованных молодых людей, которые придали ему большую закрытость и расчётливость. Проводимые акции планируются неделями и

просчитываются до каждой детали, ведутся информационные войны, проводятся отвлекающие манёвры. Учитывая современные технические возможности английской полиции, до сих пор считающей одним из приоритетных направлений борьбу с околофутбольным насилием, эти меры в той или иной степени просто помогают английским хулиганам выжить [2].

Отличительной чертой футбольных фанатов является то, что у них имеется собственный сленг. Сленг футбольных хулиганов в настоящий момент окончательно не сформировался и находится в процессе создания. С другой стороны, словарный запас находится в таком состоянии, что незнакомому с данной субкультурой и её языком человеку будет крайне затруднительно понять смысл разговора на данном сленге – по причине наличия у многих слов дополнительной смысловой нагрузки и из-за отсутствия знания точной ситуации в мире данной субкультуры.

Первые попытки анализа и систематизирования сленга футбольных хулиганов появились в начале 1998 года, привлекая внимание определённой части общественности к данному аспекту субкультуры футбольных фанатов. Сленг футбольных хулиганов развивался как форма противостояния официальной культуре, равно как и вся молодежная субкультура является протестом официальной идеологии, нормам поведения, одежды и речи [1]. Как правило, создание новых слов не происходит, а расширение словарного запаса происходит за счет появления у тех или иных единиц речи нового смысла, часто варьирующегося в зависимости от ситуации.

Целью появления фанатского сленга можно обозначить следующее: выделить и обособить фан-движение от остального мира и установить некоторый критерий деления на «своих» и «чужих» [2]. Развитие данного элемента субкультуры, однако же, может повлечь за собой появление дополнительных проблем и нежелательных последствий в виде затруднений социальной акклиматизации в субкультуре новых участников из-за сложности общения. Поэтому в разговоре активно используется то, что можно назвать «языком улиц» – жаргонным языком общения, распространенным гораздо шире в данной социальной среде [1].

Как и во всех других течениях, в «околофутболе» тоже есть лучшие из лучших, чьи имена останутся в истории. Примером может служить Inter City Firm (ИСФ) – самая известная хулиганская футбольная группировка, основанная болельщиками футбольного клуба «Вест Хэм Юнайтед» в конце 1970-х годов.

Группировка преимущественно состояла из неблагоприятных слоёв населения восточного района Лондона Ист Энда. Одним из организаторов считается Кэррол «Касс» Пеннант, чернокожий выходец из Нигерии. Своё название группировка взяла из названия железнодорожного сообщения Англии. Основным костяк фирмы был из также не менее знаменитой группировки «Отряд смертников Милли Энда». Участники группировки катались по всей Англии, поддерживая «Вест Хэм» и вступая в силовые столкновения со всеми представителями других футбольных клубов [4].

Конец 1960-х – середина 1980-х считаются пиком футбольного хулиганства в Англии. Принимаемые кабинетом Маргарет Тэтчер меры не приводили к желаемому результату [3]. Ходить на футбол стало опасным действием. После каждого матча заголовки всех газет пестрили заголовками о том или ином побоище. Именно представители ИСФ после очередных драк оставляли карточки – «визитки», приблизительный текст которых в переводе на русский означал «Поздравляем! Вы имели дело с Inter City Firm». Именно такая визитка была оставлена на трупе убитого болельщика «Арсенала» в 1982 году [2].

ИСФ имело строгую иерархию: разведку – так называемых «скаутов», задача которых была в составлении полной картины о сопернике, месте его сбора, в каком пабе, составе и лидерах; контрразведку – лиц, отвечающих за безопасность главарей, вычисление сотрудников полиции, журналистов и «скаутов» других клубов. Примерный состав ИСФ более 1000 человек. Основными врагами были и есть фанаты «Миллуол» и «Бирмингем Сити» не менее знаменитые «Воины Зулу» (Zulu warriors). Членов ИСФ многие называют законодателями моды в футболе. Именно они одними из первых перестали носить клубные цвета, и взяли на вооружение стиль «casual», после чего полиции стало труднее с ними бороться [4].

Ни одна из футбольных группировок не имела такого успеха как Inter City Firm. В 1985 году BBC сняло документальный фильм об ИСФ, взяв интервью у лидеров и самого Касса Пеннанта, который к тому времени уже был самой легендарной околофутбольной личностью, отбыв наказание в тюрьме 3 года. Англию потрясло увиденное. Гролом среди ясного неба стали события на стадионе «Эйзель» во время матча «Ювентус» – «Ливерпуль» и погибшие 39 итальянца. Как ни парадоксально, но именно болельщики Ливерпуля всегда считались в Англии самыми дисциплинированными [3]. В конце 1980-х годов на экраны вышел фильм «Фирма». В самом фильме мало упоминается об ИСФ, но все прекрасно понимают, что фильм именно об ИСФ. Известный английский писатель в области околофутбольных

тем Дуги Бримсон в своих книгах «Убийцы футбола» и «Фанаты» отводит главы, посвящённые футбольным группировкам и ИСФ соответственно. Сам Пеннант написал книгу «Top Boys», где описывает историю Inter City Firm [4].

Среди футбольных фанатов много знаменитостей. Братья Чакл – почетные президенты клуба. Джейми Оливер и басист группы «Muse» Крис Уолстенхом являются поклонниками «мельников», так же как и актёр Дин Эндриус. Говард Вебб известный судья также известен как фанат «Роттерхэма». Кроме того, барабанщик «Bring Me the Horizon» Мэтт Николлс – поклонник, и даже «забил гол» для клуба [4].

Таким образом, футбольных фанатов можно оценить как полноценную, состоящую субкультуру со своими традициями и сленгом. Но выделяет ее из остальных направлений и субкультур то, что она получила непомерно огромное распространение, начавшись с Великобритании. И с каждым днем околофутбол пополняется все большим количеством новых лиц, жаждущих беспорядков, агрессии, драк и крови. Но действительно пугающим является факт того, что остается неизвестным, сколько еще людей могут погибнуть по причине этого развлечения.

Литература

1. Фанаты. Режим доступа: <http://wikipedia.tomsk.ru>
2. Футбольные хулиганы. Режим доступа: <http://subculture.narod.ru>
3. Футбольные фанаты. Режим доступа: <http://socioforum.su>
4. Футбольные группировки. Режим доступа: <http://okolofootball.info>

АЙСЕДОРА ДУНКАН – ОСНОВОПОЛОЖНИЦА СОВРЕМЕННОГО СВОБОДНОГО ТАНЦА

Терещенко А. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. Б. Петрова, ст. преподаватель

Искусство танца Айседоры Дункан пришло из античных времён, неся современникам грацию движения, гибкость тела, очарование и ловкость одежды – всё то, что долгие века было скрыто в греческих скульптурах [1,2,3].

Танец Айседоры Дункан описывали художники, хвалили и объясняли на всех языках, и каждый вкладывал в него своё понимание, раскрывая то вдохновение, которое они черпали из этого чудесного источника.

Сложно подражать искусству Айседоры Дункан, потому что нет других танцовщиц, которые посвятили бы всю свою жизнь тому, чтобы ясно представить, что же такое красота, искренне бы её искали и отбрасывали бы всё, что не находится в гармонии с простотой и совершенством природы. Айседора Дункан танцевала так, как чувствовала, и, чтобы имитировать её танец, требовались бы много усилий, которые дали бы возможность достичь высоты её спокойной ясной мысли и чистого духа [4].

Айседора Дункан была не просто артисткой и танцовщицей. Её стремления шли намного дальше простого совершенствования исполнительского мастерства. Она, как и её единомышленницы, мечтала о создании нового человека, для которого танец будет более чем естественным делом. Айседора Дункан всегда настаивала на том, что танец должен быть естественным продолжением человеческого движения, отражать эмоции и характер исполнителя, импульсом для появления танца должен стать язык души. Все эти идеи, новаторские по своему характеру, вступали в противоречие с балетной школой того времени.

Особое влияние на Айседору Дункан, как и на всё её поколение, оказал Фридрих Ницше. Ответом на философию сверхчеловека была её статья-манифест «Танец будущего» и, в целом, вся её жизнь. Она восприняла идею Ницше о танце как метафоре свободы и танцоре как воплощении раскрепощённого и творческого духа. Устами Заратустры Ницше пророчествовал о рождении нового человека – того, кто будет неизмеримо сильнее, мудрее и прекраснее человека нынешнего. Книга Ницше «Так говорил Заратустра» стала самой популярной работой, когда-либо вышедшей из-под пера философа. Для самого Ницше эффект, который вызвали его работы у читателей, был неожиданным, ведь он советовал, входя к женщине, брать с собою плётку. Но многие, в том числе и Айседора Дункан, услышали в ницшеанстве призыв к собственному освобождению. Подобно ницшеанскому Заратустре, новая гармоничная личность должна была стать пророком будущего, а само это будущее Айседора Дункан видела таким же лёгким и радостным, как античный танец.

Для основателей свободного танца сам танец стал особой философией, от которой они ожидали трансформации жизни. Танец для женщины, как считала Айседора Дункан, должен быть столь же органичным и свободным, как и глоток воды. Айседора Дункан писала, что новая женщина будет обладать «самым возвышенным разумом в самом свободном теле» [4, с.50]. Сама она и была таковой – свободной и в танце, и в одежде, и в жизни. Она танцевала босой, без лифа и трико, одетая в одну только развивающуюся тунику, никогда не носи-

ла корсетов и этим произвела революцию в дамской моде. Считали, что Айседора Дункан выражала протест против серости и обыденности, бросала вызов пуританству своим стремительным и эмоциональным танцем. Следует отметить, в то время пуританство было не просто словом, а неукосным законом жизни. Женщины не могли выйти из дома без корсета. Слово «ноги» в пуританском обществе было неприличным, и вместо этого говорили «нижние конечности». В особенно строгих домах даже на ножки рояля надевали чехлы, дабы не вызывать непристойных ассоциаций. Девочкам из хороших семей запрещали выступать на публике, даже если это был концерт в музыкальной школе, не говоря уже об исполнении танцев. Женщина из приличного общества, хотя бы одетой с головы до ног, не могла исполнять танец перед зрителями, если только она не была безумной. Хореографические школы отличались строгим, подобно монастырскому, уставом. Ученикам не разрешалось покидать стены школы, они носили униформу, девочки и мальчики обучались отдельно.²

Идеи Айседоры Дункан встречали восторженный отзыв в Европе, в России и во всём мире. В России у неё нашлись последователи – так называемые, «пластички» или «босоножки», «дунканистки». Особо талантливые из них создали собственные студии пластики и музыкального движения.

С момента рождения свободного танца прошло более века. Ни Айседора Дункан, ни другие создатели свободного танца никогда не считали себя просто танцорами или исполнителями. Стремления Айседоры Дункан и её последовательниц были гораздо более амбициозны. Они хотели воспитать нового человека, для которого танец будет также органичен, как и другие повседневные дела. Они ощущали себя пророками будущего, которое воображали таким же лёгким и радостным, как античная пляска. Одним из идейных источников свободного танца стало движение за физическое совершенствование, раскрепощение тела.

На рубеже XIX-XX веков Айседора Дункан выступила и как крупнейший реформатор балетной традиции, и один из основоположников танца модерн, основанного на лозунге: «свобода тела и духа рождает творческую мысль» [4, с.51].

Искусство Айседоры Дункан черпало вдохновение не только в классической античности, но и в искусстве итальянского Возрождения. Она во Флоренции часами просиживала перед картиной Боттичелли «Весна», под впечатлением которой создала танец, передающий нежные и удивительные движения. Кроме того, в основанной ею школе в Берлине висели барельефы Луки дель Робия и пляшущих детей

Донателло, а в детской спальне «Мадонна с младенцем». Вместе с тем Айседора Дункан не ограничивалась лишь богатыми зрительными впечатлениями при сочинении своих танцев, но и активно опиралась на философские трактаты и литературные произведения. Проведя много часов в библиотеке при Парижской опере, она пришла к выводу, что её единственными учителями танцев могут быть Жан-Жак Руссо, Уотт Уитман и Ницше, а во время многочисленных концертов в Берлине она неожиданно увлекалась Кантом, в книге которого «Критика чистого разума», она черпала вдохновение для движений чистой красоты.

Правда, критики часто упрекали и Айседору Дункан, и особенно её подражателей за отсутствие профессионализма, а именно за плохое владение телом, слабую технику и недостаточную хореографическую работу. Дело дошло до того, что само слово «босоножка» превратилось в ругательное, за то, что в нём находит пристанище любительское полуискусство, забывающее о высокой ответственности артиста перед искусством и публикой [5].

Несмотря на то, что гениально реализованная самой Айседорой Дункан её танцевальная система с точки зрения объективной логики развития балета имела некоторые неизбежные ограничения (она отрицала академическую балетную школу, технику, стилевое соответствие танца изображаемому им периоду), её искусство оказалось мощным творческим стимулом для работы целого ряда зарубежных и русских мастеров. Целый ряд выдающихся скульпторов и художников изображали образы Айседоры Дункан в танце. Среди них можно назвать такие известные имена, как Огюст Роден, Гордон Крэг, Эжен Карьер, Хосе Клара, Лев Бакст, Сергей Коненков. Русский скульптор и график Василий Ватагин в 1920-е годы создал графическую серию танцевальных импровизаций Айседоры Дункан. Для заслуженного русского графика Матвея Доброго тема творчества Айседоры Дункан стала одним из значимых разделов его искусства. Ему удалось великолепно уловить и передать не только античные, «вазовые» профили танцевальных поз Айседоры Дункан, но и особый психологический драматизм её танца. В танце Айседора Дункан показывала всю гамму человеческих переживаний, выявление психологии в хореографии было новым открытием жанра камерного танца. Красота естественных движений, красота обнажённого тела были основой танца Айседоры Дункан. Она владела удивительным мастерством жеста, который, как стрела, выпущенная из души, был настолько правдив и красноречив, что имел большое значение в танце.

В погоне за профессионализмом критики упускали смысл свободного танца, который заключался в свободном развитии человека, а ведь именно эта гуманистическая цель воодушевляла многие проекты начала XX века. Для достижения этой далёкой цели в Европе строились города нового быта, основывались коммуны, совершались революции. Например, в Германии, недалеко от Дрездена, предприниматель Вольф Дорн построил первый город-сад. Все обитатели Хеллерау работали на фабрике художественных изделий, жили в домах прекрасной архитектуры, а их дети учились в необыкновенной школе. В ней, кроме обычных предметов преподавали ритмику – новую дисциплину, в которой соединились музыка и танец. Создателем её был швейцарец Эмиль Жак-Далькроз. Ритмику пропагандировали как способ воспитания воли, укрепления физического и душевного здоровья, гармонического развития воли человека, способ усовершенствования не только своего физического аппарата, но и своих человеческих качеств. Подобные идеи претворяла в жизнь и Айседора Дункан. В школе Далькроза в Хеллерау было пятьсот учеников – многонациональная молодёжь; говоря на разных языках, все они понимали друг друга. В эпоху, когда набирал силу национализм, эти люди мечтали о единении людей, о воспитании с помощью танца и музыки нового гармоничного человека.

Одним из продолжателей идей Айседоры Дункан был Рудольф Штайнер. Он изобрёл свою систему движений – эвритмию – наполненный символическим значением танец не только под музыку, но и под слово или стихи. Эвритмия – полные символического смысла движения, которые сопровождают пение, музыку или поэтическое слово. В деревушке Дорнах недалеко от Базеля Штайнер создал коммуну-мастерскую-храм Гётеанум, в который съезжались паломники-интеллектуалы, продолжатели дела Айседоры Дункан со всего мира, в том числе из России.

Как и Айседора Дункан Рудольф Лабан, которого считают одним из отцов-основателей танца модерн, осознавал себя не просто танцором, а строителем новой культуры. Этот сын генерала Австро-Венгерской империи мечтал о новых формах коллективной жизни – коммунах, в которых на праздниках все жители будут собираться в огромные танцующие хоры, где танец станет частью повседневной жизни. Он сам основал такую коммуну в местечке Монте Верита в итальянской Швейцарии.

Прорыв, совершённый Айседорой Дункан, мгновенно нашёл отклик у миллионов людей. Её называли первой женщиной – гением. Раньше этот титул давался только мужчинам. Она танцевала на самых

престижных концертных площадках Европы, в оперных театрах и консерваториях. Увидев танец Айседоры Дункан, семеро бестужевков создали в Петербурге свою собственную студию свободного танца. Имя ей – Гептахор, по-гречески – танец семерых. Одна из продолжательниц традиций Айседоры его участники жили коммуной, организовав жизнь в соответствии со своими идеалами, а затем посвятили себя детям, создав уникальные методики для развития личности ребёнка Дункан в нашей стране С.Д. Руднева разработала уникальный метод пластического прочтения музыки – музыкальное движение. В трудные двадцатые годы его участники жили коммуной, организовав жизнь в соответствии со своими идеалами, а затем посвятили себя детям, создав уникальные методики для развития личности ребёнка.

Профессиональные балетмейстеры также вдохновлялись свободным танцем Айседоры Дункан. Солист Мариинского театра и хореограф «Русских сезонов» в Париже, Михаил Фокин заставил танцоров сойти с пуантов, балетных туфель с твёрдым носком. Прославившиеся своей виртуозной техникой в балетах М.Петипа, А.Павлова, Т.Карсавина, М.Нижинский танцевали теперь в спектаклях на античные сюжеты – «Евнике», «Дафнисе и Хлое». Творческие представители классического балета – Михаил Фокин, Джордж Баланчин, Морис Бежар – продолжая искусство Айседоры Дункан, поднимали сценический танец на ту высоту, на которой до этого находились только изобразительные и словесные искусства.

Ставший в наши дни одним из самых влиятельных направлений в пластическом искусстве, современный танец тесно связан с движением за женскую независимость. Вряд ли он мог бы реализоваться без этого движения. Его создателями были выдающиеся женщины – Айседора Дункан, Мэри Вигман, Марта Грэхем [6]. Они были признаны борцами за освобождение женщин. Делали они это не через политику, а через танец.

Айседора Дункан в глазах современников соответствовала идеалу женственности, сочетая такие качества, как чистота, непорочность и материнство. Именно в танце Айседоры Дункан, во всей её независимой жизни была непобедимая сила, которая взломала лёд патриархального пуританского общества. Свободный танец явился искусством для всех, кто чувствует себя свободным. Основатели свободного танца считали, что танцевать может и должен каждый, и что танец поможет каждому развиваться и менять свою жизнь.

Литература

1. Левер М. Айседора Дункан. – М., 2006.

2. Руднев С.Д. Айседора Дункан. – М., 2006.
3. Суриц Е.Я. Начало пути Айседоры Дункан. – М., 1996.
4. Алексеева Л.Н. Жизнь Айседоры Дункан. – М., 2005.
5. Белый А. Луг зелёный. – М., 2003.
6. Кляйн Г. Свободный танец. – М., 2004.

МОЛОДЕЖНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Чебан Л. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Лисицина, доц.

Согласно русскому толковому словарю, неформал – это член неформальной, официально не утвержденной организации, группы. В неформальной среде существует множество неформальных движений: хиппи, панки, рокеры, моды, готы, эмо, скинхеды и др.

Хиппи – молодёжная субкультура, возникшая в США в 1960-х. Расцвет движения пришелся на конец 1960-х – начало 1970-х годов. Первоначально хиппи протестовали против пуританской морали некоторых протестантских церквей, а также пропагандировали стремление вернуться к природной чистоте через любовь и пацифизм.

В 40-х – 50-х годах XX века в США среди представителей «бит-поколения» существовал термин хипстеры, обозначающий джазовых музыкантов, а затем и богемную контркультуру, которая формировалась вокруг них. Культура хиппи 60-х развилась из бит-культуры 50-х параллельно развитию рок-н-ролла из джаза [1].

Началом движения хиппи можно считать 1965 год в США. Основным принципом субкультуры являлось ненасилие (ахимса). Хиппи носили длинные волосы, слушали рок-н-ролл, употребляли наркотики (марихуану, гашиш и ЛСД), жили в коммунах, путешествовали автостопом, увлекались медитацией и восточной мистикой и религиями, главным образом дзэн-буддизмом, индуизмом и даосизмом, многие из них были вегетарианцами. Поскольку хиппи часто вплетали цветы в волосы, раздавали цветы прохожим и вставляли их в оружейные дула полицейских и солдат, их стали называть «детьми цветов».

Пик популярности движения пришёлся на 1967 год. Музыкальной проекцией движения стала психоделическая музыка. В 1967 году в Нью-Йорке состоялась премьера психоделического мюзикла «Волосы», участники которого появлялись на сцене обнажёнными: с движением хиппи связана популяризация нудизма.

Панки – молодёжная субкультура, возникшая в середине 60-х годов в Великобритании, характерными особенностями которой явля-

ются критическое отношение к обществу и политике. С панк-роком тесно связано имя известного американского художника Энди Уорхола и продюсированной им группой Velvet Underground. Их солист Лу Рид считается отцом-основателем альтернативного рока, течения, которое тесно связано с панк-роком.

Панк берёт своё начало в 60-х годах, когда под влиянием Beatles и Rolling Stones стали появляться много молодёжных команд, исполняющих рок-н-ролл.

Относительно сырой и грубый звук, основанный всего лишь на нескольких аккордах, можно обнаружить в таких классических вещах того времени, как «You Really Got Me» группы The Kinks. К концу 1960-х вызывающе примитивное звучание, в соединении с вульгарной манерой поведения на сцене, стала культивировать американская команда The Stooges.

Панки придерживаются различных политических взглядов, но в большинстве своём они являются приверженцами социально направленных идеологий и прогрессивизма. Распространёнными воззрениями являются стремление к личной свободе и полной независимости, нонконформизм, и принцип «прямого действия» [1].

Панки отличаются пёстрым эпатажным имиджем. Многие панки красят волосы в яркие неестественные цвета, начёсывают и фиксируют их лаком, гелем или пивом, чтобы они стояли торчком. В 80-х у панков стала модной причёска «ирокез». Носят заправленные в тяжёлые ботинки джинсы или подвёрнутые под короткие тяжёлые ботинки, некоторые предварительно вымачивают джинсы в растворе отбеливателя, чтобы те пошли рыжими разводами. Носят тяжёлые ботинки, а также кеды. Манеру носить кеды начали группа Ramones, а саму эту манеру они переняли у мексиканской шпаны. Куртка-косуха – была перенята, как рок-н-рольный атрибут из 50-х, когда мотоцикл и рок-н-ролл были неотделимыми компонентами. Панки первой волны стремились вернуть рок-музыке ту же нарочитую задиристость и драйв, которые со временем отняла массовая коммерциализация музыки. В одежде преобладает стиль «DEAD» то есть «мёртвый стиль». Панки наносят черепа и знаки на одежду и аксессуары. Носят напульсники и ошейники из кожи с шипами, заклёпками и цепями. Многие панки делают татуировки. Также носят рваные протёртые джинсы. Цепи от собачьих поводков прицепляют к джинсам. Часто носят сумки-торбы.

Рокеры – это наименование им присвоено в 60-е годы за пристрастие к рок-музыке, особенно к рок-н-роллу. Иногда говорят просто "байкеры". Рокеры – закономерный продукт научно-технической ре-

волюции и ее социальных последствий. Внешний вид, название, причины появления этих объединений неформалов – все это неотделимо от достижений и проблем середины нашего века. Мотоцикл – основной атрибут рокера – в 50-е годы был доступен лишь подросткам из обеспеченных семей или тем, чьи родители были связаны с автотехникой, однако уже в 60-е он оказался по карману многим.

Рокеры появились в середине 60-х годов и достигли своего расцвета в конце 60-х – начале 70-х годов, как в Англии, так и на континенте. Рокеры – выходцы преимущественно из семей неквалифицированных рабочих, без образования и часто из неполных и "проблемных" семей.

Одежды рокера – кожаная куртка, поношенные джинсы, грубые большие башмаки, длинные волосы зачесаны назад, иногда татуировки. Куртка, как правило, украшена значками и надписями. Основным элементом субкультуры рокеров – мотоцикл, также украшается надписями, символами и изображениями. Мотоцикл – символ свободы, власти и устрашения, основной источник получения сильных ощущений. При этом у рокеров высоко ценятся технические знания и навыки вождения. При вождении широко используются особые приемы управления мотоциклом – езда на заднем колесе или без рук, часто устраиваются групповые гонки на высокой скорости. [2].

Субъективный мир рокера – конкретный, в нем нет места сомнению, и чувствам вины, абстрактные понятия и отвлеченные рассуждения не свойственны этому стилю, а межличностным контактам присущи прямота, открытость и простота.

Готы – представители молодёжной субкультуры, зародившейся в конце 70-х годов XX-го века на волне пост-панка. Готическая субкультура достаточно разнообразна и неоднородна, однако для неё в той или иной степени характерны общие черты: специфический мрачный имидж, а также интерес к готической музыке, horror literature и фильмам, декадансу и мистике. [1].

У готы за два десятилетия сложился достаточно узнаваемый имидж. Хотя внутри готической моды существуют многочисленные направления, их объединяют общие черты. Основные элементы готического имиджа – преобладание чёрного цвета в одежде, использование металлических украшений с символикой готической субкультуры, и характерный макияж. Типичная атрибутика, используемая готами – анкх (древнеегипетский символ жизни), черепа, кресты, прямые и перевернутые пентаграммы, летучие мыши. Макияж используется и мужчинами, и женщинами. Он не является повседневным атрибутом, и, как правило, наносится перед посещением концертов и готических

клубов. Макияж обычно состоит из двух элементов: белой пудры для лица и тёмной подводки вокруг глаз. Прически в готической моде достаточно разнообразны. В эпоху пост-панка основным видом причёски были средней длины растрепанные волосы. Но в современной субкультуре многие носят длинные волосы, или даже ирокезы. Для готов характерно красить волосы в чёрный или рыжий цвет.

Некоторые готы предпочитают одежду, стилизованную под моду XVIII—XIX вв. с соответствующими атрибутами: кружева, длинные перчатки и длинные платья у женщин, фраки и цилиндры у мужчин. Встречаются также общие атрибуты с модой металлистов – частое использование кожаной одежды, цепей и металлических аксессуаров. Иногда используются садомазохистские атрибуты, такие как ошейники и браслеты с шипами. Стил «вамп» особенно характерен для готов.

Субкультура готов сформировалась вокруг жанра готик-рок, одного из ответвлений новой волны. Основные группы этого жанра сформировались в конце 70-х – начале 80-х. Со временем влияние готик-рока распространилось на другие жанры. Сейчас в разряд музыки, теми или иными критиками относимой к «готической», входят несколько достаточно разных стилей, пользующихся популярностью в готической субкультуре.

Хотя готическая субкультура образовалась в первую очередь, как музыкальная, на ее развитие оказали влияние также литература и кинематограф. Готическим романом в XIX веке называли романтические и мистические «ужасы». Этот жанр был в основном распространён в англоязычной литературе. Ключевые авторы готических романов – Эдгара По, Мэри Шелли, Брэм Стокер. К поздним относят представителей готического романа Говарда Лавкрафта и Энн Райс. Готические романы ужасов были экранизированы в таких известных чёрно-белых фильмах, как «Дракула», «Носферату. Симфония ужаса», «Франкенштейн». К концу XX века эстетика готического романа настолько вошла в популярную культуру, что стала постоянным предметом пародий, одна из самых известных – телесериал «Семейка Аддамс».

Готическая субкультура постоянно попадает под огонь критики со стороны консервативной общественности. Отчасти это связано с мифами о готах, распространяемыми прессой, отчасти – с конфликтом «отцов и детей», отчасти – с неприятием обществом отдельных элементов готической культуры. Готику обвиняли в пропаганде суицида, депрессии, сатанизма, вандализма и прочем вредном влиянии. Одно из распространённых обвинений в адрес готики – пропаганда суицида. В текстах некоторых готик-групп тема депрессии, смерти, загробной

жизни встречается достаточно часто, и некоторые из текстов можно трактовать как одобрительно отзывающиеся о самоубийстве. Другой причиной такого обвинения стала привычка некоторых готов инсценировать попытку самоубийства, например, надрезая вены.

Скинхеды – собирательное название представителей одной из молодёжных субкультур. Считается, что 1969 год был пиком популярности этой субкультуры.

Возникновение субкультуры произошло в Англии, в конце 60-х годов XX века, и тесно связано с другой английской субкультурой этого периода – модами, а так же с ямайской эмигрантской молодёжью и популярной в их среде музыкой того времени – реггей.

Различные источники дают противоречивые данные о том, как возникла субкультура скинхедов. Можно точно заключить лишь, что данная субкультура была распространена в Англии в конце 60-х и музыкальные предпочтения этой субкультуры были отданы музыке реггей [2].

Внешний вид скинхедов во многом повторяет внешний вид модов, но кроме этого имеет и свои особенности. В основном, внешний вид скинхедов можно охарактеризовать, как «ботинки и подтяжки» – одни из основных элементов повседневного стиля скинхедов. Элементы одежды перечислены в песне «Skinhead Jamboree» группы Symarip, записанной в 1969 году. Подробное описание внешнего вида можно найти в книге Ника Найта – Skinhead.

Все они были одеты в отбеленные Левайс, Dr. Martens, короткий шарф, завязанный на манер галстука, коротко стриженные волосы. Короткая стрижка – ещё одна часть внешнего вида.

В настоящее время имеется несколько групп молодёжи, которые называют себя «скинхедами»:

* Традиционные скинхеды – возникли как реакция на появление прополитических ответвлений от первоначальной субкультуры. Следуют образу первых скинхедов – преданность субкультуре, память о корнях, антирасизм и аполитичность. Неофициальный лозунг – «Remember the Spirit of 69», так как считается, что в 1969 году движение скинхедов было на пике развития. Тесно связаны с музыкой ска, регги и современной музыкой Oi.

* S.N.A.R.P. (англ. Skinheads Against Racial Prejudices) – «Скинхеды против расовых предрассудков». Появились в Америке 1980-х как противоположность НС-скинхедам, но остались аполитичными. «Отряды мщения, справедливости и братства». В среде неонацистов часто приравниваются к R.A.S.H., очевидно из-за схожести аббревиатур.

* R.A.S.H. (англ. Red & Anarchist Skinheads) – «Красные» и анархо-скинхеды, унаследовавшие от «родного» рабочего класса идеи социализма, коммунизма, анархизма. Прополитичное движение.

* НС-скинхеды (англ. Nazi skinheads или англ. National Socialist skinheads) – придерживаются национал-социалистической идеологии, радикальные националисты и расисты, выступают за идею расового сепаратизма и превосходства белой расы (White Power). Деятельность НС-скинхедов часто носит экстремистский характер, нередко террористический.

В заключение, хотелось бы сказать, что различные субкультуры существуют на всем земном шаре. Каждый год мы узнаем о каком-то новом молодежном движении и не нам судить, плохо это или хорошо. Каждый человек подчеркивает свою индивидуальность разными способами, и, если некоторые из нас считают верным сделать это, 'влившись' в одно из течений, значит – это его личный выбор.

Литература

1. Скинхеды. Режим доступа: <http://www.google.ru>
2. Субкультуры Великобритании и США. Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru>

ОРКСКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА

Чулков Г. О.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.А. Нагорная, к.филол.н., доц.

Джон Рональд Руэл Толкин (John Ronald Reuel Tolkien, 1892-1973) является одной из выдающихся фигур в английской и мировой литературе прошлого века. Мировому читательскому сообществу он хорошо известен в первую очередь как автор эпической трилогии "Властелин Колец" и серии историй в жанре фэнтези [1].

Однако Дж.Р.Р. Толкин был не только писателем, но и талантливым учёным-лингвистом, увлечённым мифологией не меньше, чем языками. Созданные им языки дополняли и укрепляли разработанный сказочный мир Средиземья, наполняли его жизнью так же, как и этот мир дарил языкам возможность жить и развиваться. Созданные профессором языки неотделимы от сюжета. Речь часто является одной из главных характеристик героя, язык, на котором он говорит, способствует созданию запоминающегося художественного образа наравне со стилистическими средствами.

Оркский язык в работах Профессора Толкина практически не разработан. Вернее было бы говорить о Чёрной Речи, которая, согласно истории Средиземья, была создана чёрным повелителем Сауроном для эффективного управления своим войском, состоявшего из множества племён орков, троллей и других злых и сказочных созданий. Однако на Чёрной Речи в её изначальном варианте говорили в итоге только сам Саурон и его ближайшие подручные – назгулы [2], хорошо известные российскому зрителю после выхода на телеэкраны фильма Питера Джексона «Властелин Колец».

Язык орков – это неразработанная самим автором «Властелина колец» языковая система, которая к тому же не была принята повсеместно языковым сообществом. Фактически, оркского языка как такового не существует. Есть только Чёрная Речь, которая, по сути, является литературным языком всех злых и плохих, и множество её вариаций, на которых в действительности все эти злые и плохие, и необразованные, говорили.

Итак, для проведения исследования по данной тематике в нашем распоряжении имеется довольно скудное количество источников, а именно: фраза на Чёрной Речи, начертанная Сауроном на Кольце Всевластья, имена самих орков, а также несколько фраз их авторства.

Разберём сначала пример той литературной речи, на которой каждому злому и плохому должно было говорить:

*Ash nazg durbatulûk, ash nazg gimbatul,
Ash nazg thrakatulûk agh burzum-ishi krimpatul.*

Приводим перевод фразы, выполненный самим Профессором:

*One Ring to rule them all, One Ring to find them,
One Ring to bring them all and in the darkness bind them.*

Вот как она выглядит в оригинальном написании:

Проанализируем следующий отрывок с точки зрения его фонетического состава и эстетического или точнее крайне неэстетического эффекта, производимого на читателя или слушателя.

Из 69 звуков, составляющих фразу, 44 звука являются согласными, из них 9 – свистящие и шипящие, 17 – взрывные, 8 – сонанты. К тому же, сочетания согласных звучат непривычно и пугающе для европейца. Гласных в приведённой фразе – 25, при этом звуки *o* и *e* не встретились ни разу. Фраза не содержит ни одного дифтонга. Итого, приведённый текст на 63,8% состоит из согласных звуков, придающих резкое и грубое звучание всему отрывку. Отвлекаясь от рассматриваемого отрывка, можно добавить, что в Чёрной речи и её вариантах отсутствует привычный для европейца тёплый звук «е» [3].

На основе анализе грамматической структуры фразы и способов словообразования можно сделать вывод, что Чёрная Речь является языком агглютинативным, то есть глагольные формы Черной речи строятся путём присоединением к основе цепочки показателей в строгом, одном и том же для всех форм порядке, при этом каждый показатель несет только одно грамматическое значение.

Прочитав фразу и оформив её фонетически должным образом, можно почувствовать действительное назначение этого языка: подчинять слуг и устрашать врагов. Чёрная Речь звучит чуждо для европейца, обилие шипящих, сложных для произнесения сочетаний согласных, малое количество гласных, почти полное отсутствие дифтонгов – всё это отталкивает, вызывает целый спектр неприятных ощущений. Конечно, все психические реакции очень субъективны, но если живо представить, в какой ситуации и кем используется этот язык, то субъективное становится объективным.

Примерно тот же негативный эффект создаёт и текст на искажённой Чёрной Речи: *Ughúk u bagronk sha pushdug Saruman-glob búbhosh skai*.

Фраза содержит 42 звука, из них 26 – согласные (6 – свистящие и шипящие; 13 – взрывные; 7- сонанты, 2 из которых – *r*). В тексте присутствуют непривычные и неприятные для англичан сочетания согласных, такие как: *bh* и *shd*. Фраза содержит 15 гласных: *u*, *a*, *o* и один дифтонг – *ai*. Итого, в данном тексте 61,2% общего числа звуков – согласные. Обилие шипящих звуков, малое количество и разнообразие гласных и почти полное отсутствие дифтонгов вызывает негативные эмоции у читателей по отношению к героям, говорящим на этих наречиях. Орки использовали увулярный /r/, характерный для французского и немецкого языков, который считался хорошими и добрыми эльфами некрасивым и неприятным для слуха звуком. Сами эльфы произносили /r/ раскатисто, подобно тому, как этот звук звучит в русском языке [2].

Поскольку, текстовой материал на орочьих наречиях представлен крайне скудно, дальнейшее исследование будет проводиться на именах орков, встретившихся в трилогии Толкина.

Хорошо известно, что «в ономастиконе художественного произведения наибольшую смысловую нагрузку несут на себе антропонимы, являющиеся неотъемлемым компонентом в системе средств художественной выразительности. Естественно, что каждый писатель при выборе имен персонажей в произведении обращает особое внимание на их фонетику, морфетику, которые способствуют передаче экспрессивных оттенков. Подбирая имена, ориентируется на реальный именник, общепринятую формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном положении героя. Кроме того, состав и сочетание антропонимов зависит от социальной, эстетической позиции автора художественного произведения, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живет персонаж» [4, с.416].

Имена орков – существ, населявших страну Средиземье, полностью созданы фантазией Толкина и являются искусственными именами, хотя они и имеют свои особенные словообразовательные модели. Такие имена, как *Grishmakh*, *Lugdush*, *Shagrat*, обращают на себя внимание, прежде всего, наличием шипящих фонем, которые как нельзя лучше отражают их внутреннюю сущность: что-то отпугивающее (например, шипение змеи или кошки, когда она обороняется или злится), отталкивающее или злобное. Сочетание согласных звуков 'rb', "gr", "gd", "kh", "gl" в именах орков (*Gorbag*, *Grishnakh*, *Lugdush*, *Shagrat*, *Ugluk*) создают, на наш взгляд, образ отрицательных художественных персонажей на уровне звуков [4, с.417].

Набор шипящих фонем и большое количество сочетаний вышеперечисленных звуков в именах, созданных Толкиным существ, несколько напоминают тюркские языки, на которых говорят люди, живущие в пустыне. Прimitивным существам, оркам, очень точно в данном случае подходят такие эпитеты, как; сухие, черствые. Сочетание двух звуков "g" и "l" в имени орка "Ugluk" является характерным для английского языка и не нарушает принцип благозвучия, но в сочетании с двумя гласными звуками "u" имя становится труднопроизносимым и приобретает негативную окраску [4, с.417]. Звукосочетания "gd", "shn", "rb", "gr" и краткие слоги, характерные для имен орков, согласно законам фонотактики английского языка, "чужды" для английского уха. Такой необычный звуковой облик имен этих персонажей настораживает читателя оригинального текста и, возможно, даже в какой-то степени вызывает чувство страха. Т.е., рассматривая имена

орков, мы можем говорить о фонетическом соответствии имен персонажей их сущности, взаимосвязи звучания слова с его значением. Для индоевропейского уха, воспитанного на гласных и сонорных звуках, сочетание шипящих и гортанных звуков в именах орков звучит непривычно и вызывает отрицательные эмоции.

Существует две версии о том, на основании какого лингвистического материала были создан оркский язык.

Как было отмечено выше, в наречиях орков прослеживаются тюркские фонетические модели. Хотя тюркизмы являются одним из наименее малочисленных пластов заимствования в английском языке (всего около 400) [5], их фонетические и морфологические особенности были известны Толкину как филологу.

Для тюркских языков характерно повторение одних и тех же гласных во всех слогах слова. Это явление можно наблюдать в русских заимствованиях из тюркских языков: *барабан*, *сарафан*, *баня* /a-a/, *утюг* /y-y/. Тюркские слова *shabrack*, *trabant*, пришедшие в английский язык из немецкого [5], также имеют эту фонетическую особенность. Некоторые искусственные имена, которыми Толкин наделил орков, построены по этой же модели: *Lugdush*, *Shagrat*, *Ugluk*.

В пользу гипотезы, что именно тюркские языки послужили базой для создания оркского языка, служит и тот факт, что типологически тюркские языки являются агглютинативными.

Однако не следует думать, что Толкин считал тюркские языки недостаточно красивыми и бедными. Решение построить орочьи имена в соответствии с тюркской традицией пришло к профессору, видимо, потому, что он занимался древними языками и хорошо знал историю человечества. Воинственные похождения протюрков, древних гуннов, были ему хорошо известны. Он прекрасно понимал, что представители этого племени ассоциируются у индоевропейцев с жестокостью, разрушениями, варварством, а их язык автоматически начинает символизировать для них многочисленные злодеяния и вызывать самые отрицательные эмоции. «Тюркские собственные имена таких грозных завоевателей, как *Attila*, прозванный the Scourge of God (Бич Божий), *Gengis Khan*, *Baber*, *Tamerlane*, стали именами нарицательными. То же произошло и с этнонимами *hun*, *saracen*, *Tartar*, *Turk*. Строптивного, упрямого мальчишку англичане могут назвать *young Tartar*, – "татарчонок". "Встретиться с более сильным противником" звучит по-английски *to catch a Tartar*, т.е. 'нарваться на татарина'» [5].

Вторым предполагаемым базисным источником оркских языков считается хурритский язык, который активно обсуждался индоевропейцами и востоковедами в первой половине 20 века. Он принадле-

жал к хуррито-урартской подгруппе нахско-дагестанской ветви восточно-кавказской подсемьи. лингвистические изыскания не могли пройти мимо пытливого ума Толкина как филолога.

Сопоставление Черной речи и хурритского языка, на котором говорили в 3-1 тысячелетии до н.э. предки современных армян и курдов, обнаружило не только структурное, но и значительное материальное совпадение этих двух языков [3].

Некоторые имена на Черной Речи этимологизируются из хурритского: *Ugluk* = *Ugl* + *uk* = ‘Страши всех’ (хурр. *Ugil* – ‘внушать страх’). Ещё интересен случай с именем *T/Sauron*, означающим по-эльфийски ‘Отвратительный’. Однако было бы весьма странно, если бы Саурон носил эльфийское имя, да еще с таким значением. Разумно предположить, что соотношение тут обратное: слово ‘*таур*’ стало значить нечто отвратительное у эльфов, поскольку так звали Саурона. Независимо от того, когда Саурон принял обсуждаемое имя, оно, несомненно, должно было что-то значить на Черной Речи, им же и созданной. Как оказалось, имя Саурона этимологизируется по-хурритски, причем очень удачно: *T/Sauron* = хурр. *T/Sau-ra-n(ne)*, ‘Тот, кто с оружием’, ‘Вооруженный’ [3]. К сожалению, состояние изученности самого хурритского языка не позволяет развивать такого рода построения иначе, как на уровне гипотез.

Как мы видим, лингвистические источники создания оркского языка, используемого Толкиным в трилогии «Властелин колец», остаются на уровне предположений. Однако мы склоняемся в пользу второй гипотезы и считаем хиррутский язык – отправной точкой его создания.

Литература

1. <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about.html>
2. <http://www.tolkien.ru/drauger/bs.htm>
3. <http://eressea.ru/library/public/nemir3.shtml>
4. Полякова Н.А. Особенности перевода имён орков в трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. I. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006.
5. Зиза М.В. Лексические взаимодействия английского и восточных языков – Режим доступа: www.elbrusoid.org/.../index.php?...

НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ

Яричева Ю. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. Г. Ананьева., к.филол.н., доц.

При сопоставлении языков и культур выделяются элементы совпадающие и несовпадающие. Будучи компонентом культуры, язык в целом относится к элементам несовпадающим. К несовпадающим элементам относятся, прежде всего, предметы, обозначаемые безэквивалентной лексикой, и коннотации, присущие словам в одном языке и отсутствующие или отличающиеся в словах другого языка.

Реалии – это названия присущие только определенным нациям и народам, названия предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена фольклорных и мифологических героев [1, с. 5].

Лингвисты С. Влахов и С. Флорин выделяют несколько типов реалий. К ним относятся географические реалии, общественно – политические реалии, этнографические реалии.

В группу этнографических реалий можно включить большинство слов, обозначающих те понятия, которые действительно принадлежат науке, изучающей быт и культуру народов, формы материальной культуры, обычаи, религию, духовную культуру, в том числе искусство, фольклор. Кроме того, этнографические реалии отличаются особой страноведческой репрезентативностью и яркой национально – культурной образностью.

Просматривая и выбирая одежду в каталогах и модных журналах, многие из нас не удивляются таким «странным» названиям предметов одежды как кардиган, криспин, жакет, берет, ставшим для многих привычными. Хотя немногие догадываются, откуда появились данные названия.

На примере этнографических реалий, обозначающих предметы одежды, в английском и французском языках, мы попытались проследить, каким образом те или иные предметы приобрели свои названия.

Во – первых, большинство этнографических реалий данной группы были названы в честь известных людей либо выдающихся личностей. Так, *Francisque* – это пышный берет, украшенный перьями, назван в честь короля Франциска I [2, с. 154]. *Costume Louis XIII* – костюм в стиле Людовика XIII: придворный костюм первой половины 17 века, когда на престоле находился король Людовик XIII. Костюм характеризуется сосуществованием тенденции классицизма и барокко, что

находит выражение в совершенствовании каркасной формы и в сочетании строгих форм костюма с декоративной отделкой [2, с. 131]. *Costume Henri IV*- костюм в стиле Генриха IV. Это придворный костюм последнего десятилетия 16 века, который характеризуется влиянием испанских мод и стремлением к преодолению этого влияния [2, с. 130].

Кроме того, к данной группе реалий относятся также названия материй. Так, например, *crepe Rachel* – это разновидность одноцветной шелковой ткани, шероховатой, как бы покрытой небольшими бугорками. Название ткани связано с именем трагической актрисы Элизы Рашель Феликс, с искусством Рашель связано возрождение классицистской трагедии на французской сцене [2, с. 135].

В английском языке также присутствуют реалии, которые связаны с именем изобретателя. Так, *Anthony Eden*- это шляпа, которую носили во времена министра иностранных дел Антони Иден в тридцатых годах [3, с. 7]. *Cardigan*- шерстяной жакет по фигуре, без воротника на пуговицах, с глубоким вырезом. Назван в честь седьмого графа Кардигана (1797-1868), носившего подобный жакет [3, с. 21]. Синий нашейный или носовой платок в белый горошек *belcher* назван по имени известного боксера Джима Белчера [3, с. 12]. *Gainsborough hat* – шляпа в стиле известного английского художника Томаса Гейнсборо с широкими полями и низкой тульей, такие шляпы присутствуют на полотнах данного художника [3, с. 34]. *Petersham*- мужское пальто из тяжелого драпа, обычно темно-синего цвета, такое пальто носил лорд Питершам в начале 19 в. Это слово также используется для названия тяжелого драпа, обычно темно-синего цвета, а также в качестве названия тяжелой шелковой репсовой ленты для шляп, поясов [3, с. 61].

Вторую группу этнографических реалий сферы «одежда» составляют реалии, которые получили название в честь произведения искусства либо в честь литературного персонажа. Так, *crispin* – это перчатки, появившиеся в 18 веке, и чье название связано с именем ловкого слуги Криспина, персонажа популярной тогда комедии Раймонда Пюассона. *Almaviva* – мужской широкий плащ или накидка без рукавов. Такую одежду носили особым образом: запахнувшись и закинув одну полу через плечо. Плащ был популярен в тридцатые годы 19 века и связан с именем персонажа комедии «Женитьба Фигаро» графа Альмавива. *Pantalon* – брюки, которые вошли в моду в 1800 году. Их ширина, длина и модные цвета постоянно менялись: вначале они были довольно узкие и короткие, а затем сильно изменились и расширились. В тридцатые годы 19 века в моду входят клетчатые панталоны, к середине столетия – панталоны в черную и серую полоску. Панталоны

получили свое название в честь персонажа итальянской комедии дель арте *Pantalone*.

В английской культуре существуют литературные произведения, которые стали классикой в Америке, Великобритании и других англоязычных странах. Сказка Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» занимает одно из первых мест по количеству ссылок, упоминаний и цитат. Совсем не удивительно, что «Алиса в стране чудес», по данным министерства культуры, спорта и СМИ Великобритании, стала одним из двенадцати «самых английских» явлений и предметов. Поэтому также не удивительно, что некоторые предметы одежды были названы в честь героев этого произведения: *Alice band* «лента Алисы» – лента, плотно охватывающая голову, наподобие той, что носила главная героиня книги [4]. Еще одна реалия пришла из произведения Дж. Дю Морье «Трилби»: мягкая мужская шляпа с вмятиной на тулье, которая названа по имени одноименного романа. *Fauntleroy suit* – бархатный костюм с кружевным воротником и короткими брючками назван в честь героя романа Ф. Бернетта «Маленький лорд Фаунтлерой».

К третьей группе этнографических реалий, используемых для обозначения предметов одежды, относятся реалии, которые получали названия в честь мест, где они были изобретены либо где они были популярны. Франция всегда славилась своими тканями, и многие наименования материалов пришли именно из этого языка. Так, всеми известный материал «деним», из которого изготавливают джинсы, получил свое название в честь города Ним, где и началось его производство.

Интересно историческое происхождение разновидности легкой тафты. В 14 веке французский король Филипп IV Красивый наложил подати на духовенство, что вызвало противодействие папы Бонифация VIII, пытавшегося восстановить учение о всемирной папской монархии и потому имевшего притязания на верховенство над светскими государями. Эта борьба закончилась полным поражением Бонифация VIII. На папский престол был посажен королевский ставленник Клемент V, с согласия которого был упразднен орден тамплиеров, а его богатства конфискованы в пользу короля. Чтобы закрепить свою победу, Филипп IV настоял на перемещении папской резиденции из Рима во французский город Авиньон. В истории этот эпизод известен как Авиньонское пленение пап. Авиньон тогда славился своими шелковыми тканями. Одну из таких тканей, гладкую полушелковую тафту с шерстяным утком, и стали называть поплином (папелином), то есть «папской», от французского слова *popeline*.

В эту же группу можно включить английские реалии, получившие названия в честь места, где они были изобретены. Так, *Donegal tweed*

—это донегольский твид, вид ворсистого крапчатого твида, который используется для пошива мужских пиджаков и костюмов; первоначально выпускался в графстве Донегол, Северная Ирландия. *Balaclava* — вязаный шлем, который закрывает голову, шею и плечи. Его носят солдаты, альпинисты, лыжники, и он получил свое название по названию города Балаклава, место боя во время Крымской войны. Название некоторых тканей также произошло от мест, где они впервые были произведены: *balbriggan* — гладкий, хлопчатобумажный трикотаж, первично производился в городе Балбригане, Ирландия. Интересна история происхождения названия популярного купального костюма *bikini*. 1 июля 1946 года американцы произвели взрыв атомной бомбы на одном из островов, расположенных в Тихом океане, который носил название Бикини. Взрыв сравнял остров с землей. Изобретатель нового дамского пляжного костюма парижанин Леу Репар дал своему «детищу» имя этой малюсенькой части суши, со всех сторон окруженной водой [5].

Таким образом, проведенный нами анализ критериев, по которым этнографические реалии сферы «одежда» получали свои названия во французском и английском языках, позволяет разделить их на три основные группы:

- 1) реалии, названные в честь известных личностей;
- 2) реалии, получившие названия в честь известных литературных персонажей;
- 3) реалии, чье название связано с местом, где они были изобретены, производились или получили названия по ассоциациям с определенным географическим объектом.

Литература

1. Томахин Г.Д. Реалии — американизмы. — М.: Высшая школа, 1988.
2. Веденина Л.Г. Франция: лингвострановедческий словарь. — М.: Интернационалист, 1997.
3. Рум А.Р. Лингвострановедческий словарь. Великобритания. — М.: Русский язык, 2004.
4. www.wonderland-alice.ru
5. www.nova.rambler.ru/cachehilite=00000063:0011E7EE&words

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА

INDIAN VARIANT OF THE ENGLISH LANGUAGE: LEXICO-GRAMMATICAL SPECIFICS AND TENDENCES OF USAGE

Абашева С. К.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

English, whilst basically a Germanic language, already appears as a glorious compound of French, Nordic, Latin, Greek with trace elements of Celtic and much else besides.

The fact the today's long-standing indigenous groups of British-origin native English speakers living in Namibia, Botswana, Zimbabwe and Kenya, clarifies the reason of all of them having their own distinctive forms of the language.

Besides distinguishing particular North American, Caribbean, Southern African, and Australasian English one may define Indian Variation of English as well.

The extensive performance of Indian English, more prevalent within recent memory, originates a wide range of different theories and conceptions. Thus, some scholars argue that it labels an established variety with an incipient or actual standard, others that the kinds of English used in India are too varied, both socially and geographically, and often too deviant or too limited, to be lumped together as one variety. Moreover, the handicap at issue is that no detailed description has been made of the supposed variety and that the term is consequently misleading and ought not to be used [1, p. 167]. Nonetheless, we have made an attempt to suggest the experience of adding Hindi elements into the English lexis to be yet more proof of the Saussure's principle of diachronic change.

Given the assertion that such linguistic phenomenon as distinct variant of one standard language can be both multi- and cross-cultural, it appears more sufficient to limit the field of reference and accentuate the modern tendencies and peculiarities of Indian variant of the English language. Besides, it seems stone sequacious that the Indian vocabulary invasion implies its impact into English in the gross. Therefore, it deserves to be kept under review against both British and American cultural backdrop.

As estimated, approximately 30 million people (i.e. 4% of the population) regularly use English, making India the third largest English-speaking country in the world. English is used in the legal system, pan-Indian and regional administration, the armed forces, national business, and the media to a far greater degree as well. Beside English has gained its recognition as both library and literary language, the second one is currently not of less importance. However, the up-to-date high status of the Indian variant might be fortified by the fact that its literature has been acknowledged by the National Academy of Letters/ Sahitya Akademi as a national heritage [1, p. 168].

In such a manner, both English and Hindi are becoming the link means of communication in a complex multilingual society. Curious to relate, but much of Indo-English characteristics from the linguistic point of view are owed to the historical development of both countries and their mutual engagement.

Some scientists observe that the encounter between English and Indian languages occurred across the spatial separations of colonial Calcutta. As Partha Chatterjee writes, modernity came to India through the "spillover" of English-language ideas from the White to the Black City. Chatterjee gives an account of knowledge as leaking out of the administrative centre of power in the city and advancing through the crowded neighbourhoods and laneways, and finally entering what was called the black town: "Energized by the desires and strategies of entirely different political agencies, the intellectual project of modernity found new sustenance in those densely populated parts; and in the process it took on completely new forms" [2, p. 8–9].

The birth of the novel in India reveals an example of such a new form. The role of translation as a stimulant in triggering the production of novels in India has been emphasized by numerous analysts, who point to Calcutta as the matrix of a modern literary culture created at the intersection between British and Bengali traditions. The story of the birth of the novel in Bengali illustrates the way in which Calcutta was a crucial meeting ground of cultural influences. The novel in Indian languages was born as a result of – and as resistance to – translation [3, p. 23].

In parallel, in the article "The challenge of Bilingual: analyzing multi-cultural productions" Jatinder Verma envisages the cultural diversity from a perspective of the British theatre productions which nowadays feature some form of racially-mixed casts. Verma advances the thesis that in Britain, "integrated" productions have evolved specifically as a practical response to a socio-political issue, i.e. the need to see on British stages performers from "coloured" backgrounds. According to Verma, varying approaches to this

new dynamic in British society have been witnessed on the back of large-scale migration to the Isles from the Indian sub-continent and the Caribbean.

Moreover, its impact in the late 1950s has in essence been provocative: provoking issues of race, nationality, ethnicity, identity, community, equality of opportunity, justice, law and order. Verma also corroborates Britain undergoing the groping towards defining itself at the postcolonial stage and draws a parallel with once colonized British countries.

As a consequence, such constant negotiation between the sense of "native" and "foreign" reflects a sort of ambivalence of the new Britons [4, p. 201].

Thus, not merely the black life but also the Asian one in modern Britain is self-evidently "not quite English", as Jatinder Verma observes in one of her articles. She characterizes the tendency as equally striving to "be English".

Nonetheless, the length of time that the English language has been in India, its significance in common, as well as its range, rather than militating against such a term, make it more essential for an adequate discussion of its impact upon Indian life on the whole and its sociolinguistic context particularly. Therethrough, distinguishing some important characteristics of Indian English appears principal.

Concerning the peculiarities of Indo-English pronunciation it appears essential to mention its rhotic character, i.e. [r] being pronounced in all positions.

For another thing, Indian variant of English tends to be syllable-timed. It implies that weak vowels are pronounced as full ones and word stress is used primarily for emphasis and suffixes are stressed. Moreover, the stress patterns are distinct in various regions. Thus, in the northern areas some words might be often stressed on the antepenultimate, while in the south the first syllable is generally accented.

Besides, the fricatives, i.e. voiced and voiceless "th", are aspirated [t], [d] in combination with sound [d]; [f] generally tends to be pronounced as aspirated [p] followed by the fricative [h], as in the [phu:d] which stands for "food".

Another specific feature among Indo-Aryan (northern) speakers involves consonant clusters such as [sk], [sl], [sp] not occurring in initial position, but having an epenthetic vowel, as in the word "iskool" for "school" in the Punjab region.

The distinction between [v] and [w] tends to neutralization to [w]: e.g. "wine" for both "wine" and "vine", while light variety of the [l] sound is met in all positions. For instance, in the words like "leap" and "bill" the

sound [l] is articulated in the same manner, whereas according to Standard English, the latter word would be vocalized with the dark variety of the [l] sound.

The grammatical structure of Indian English is not less different from its standard pattern and its analysis corroborates a great variety in syntax: from the acrolect (native-speaker fluency) to the basilect (a weak command of many constructions).

Among the main mesolect Indian English characteristics, representing a widespread middle level, one might mention the auxiliary inversion, more frequent usage of the numeral “one” by the side of the indefinite article and Present Perfect preference instead of the Simple Past tense.

Reduplication is usually performed for emphasis and to indicate a distributive meaning. The grammatical model of tag questions is specified by the performance of the alternatives “yes” and “no” or occasionally “Isn’t it?” as a generalized question tag.

As the lexical scan of the highlighted variant of English reveals a great variety of borrowed lexis in it, we might suggest that loan words and foreign constructions have become common since the 17th century. Thus, many Portuguese and Sanskrit borrowings have correlated into the language as well as the adoptions from indigenous languages as Hindi and Bengali and Arabic along with Persian loan-translations particularly used during the British Raj (mainly through north Indian languages). The analysis also proves the fact that such vocabulary layers usually have their own associations, whether religious, philosophical or other restricted contexts.

Moreover, there exists mixed and adapted lexis both as a part of English and as a consequence of widespread code-mixing between English and especially Hindi. Accordingly, we might distinguish hybrid usages, consisting of one English component and another one borrowed from a local language (e.g. “brahminhood”, i.e. the condition of being a Brahmin), local senses and developments of general English words (e.g. “intermarriage”, i.e. a marriage involving persons from different religions or castes), words more or less archaic in British and American English, but used in the Indian variant (e.g. “thrice”, i.e. three items), and finally the literal translation of idioms and phraseological constructions (e.g. “to stand on one’s head”, i.e. to supervise that person discreetly) [1, p. 168-171].

So, as exemplified by Indian Variation, the integration of foreign languages into English has become completely natural nowadays and it continues to evolve as more mixtures of languages occur. Moreover, we just mix more as we expand use of the internet and other new technologies as well. As long as the English language keeps growing and developing it will remain predominant primarily preserving its democratic features. However,

this factor causes another tendency of English to be a dialect of a much wider common tongue.

Literature

1. Babich G.N. Lexicology: A Current Guide: study guide – 4th ed. – M.: Flinta: Nauka, 2009.
2. Chatterjee Partha Texts of Power: Emerging Disciplines in Colonial Bengal. – Minneapolis: U of Minnesota Press, 1995.
3. Simon Sherry Translating Montreal. Episodes in the Life of a Divided City. – illustrated ed. – Montreal: McGill-Queen's University Press – MQUP, 2006.
4. Verma, Jatinder. The Challenge of Bilingual: Analyzing Multi-cultural Productions // Analysing Performance: A Critical Reader. – Manchester and New York: Manchester University Press, 1996.
5. Gottlob, Michael. Historical Thinking in South Asia: a Handbook of Sources from Colonial Times to the Present. – London: Oxford University Press, 2003.
6. Smolicz, Jerzy. Multiculturalism and an Overarching Framework of Values: Some Educational Responses for Ethnically Plural [E-Resource]: JSTOR. Trusted archives for scholarship. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/1503255>
7. Green, Jonathon. Language: English in India – the Grandmother Tongue [E-Resource]: Wiley Interscience. – Access mode: <http://www3.interscience.wiley.com/journal/119104444/abstract?CRETRY=1&SRETRY=0>

ОБРАЗ ЛЕСНОГО ЦАРЯ В ПЕРЕВОДАХ БАЛЛАДЫ И. ГЕТЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»

Айзенберг И. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О. С. Жорова, ст. преподаватель

Мотив произведения заимствован из датской легенды, переведенной на немецкий язык Иоганном Готфридом Гердером, в его версии фигура злого духа называется Ольховым Королем, Королем Ольх, или же – Король Эльфов. В немецком языке ольха (нем. die Erle) и эльф (нем. die Elfe) похожи в написании, в связи с чем могла возникнуть ошибка.

До сих пор не решен спор по поводу названия баллады. Неизвестно, знал ли Гете об ошибке Гердера, или же склонялся к народным знаниям, связанным с болотными землями, заросшими ольхой и вербой. Ее должны были населять духи, использующие свою смертоносную силу на людях. Многие слухи и суеверия были связаны с болотами, но так же и с ольхой, которая после рассечения краснеет, словно истекает кровью.

В датском и немецком фольклоре фигура Короля Эльфов ассоциируется со смертью. Это существо якобы приходит к умирающим людям.

На сегодняшний день существует великое множество переводов данной баллады на русский язык. Образцовым признан перевод Василия Андреевича Жуковского. Но стоит обречь внимание и на перевод Ю.Князева.

Художественный перевод, будь то прозаическое или стихотворное произведение, является самостоятельным творением того, кто его переводит. Таким образом, переводчик привносит в уже существующее произведение новые образы, реалии, смыслы. Но вместе с тем переводчик художественного произведения не только поэт, но и исследователь: его деятельность осознается им же самим как последняя деятельность, предполагающая анализ, исследование образов и законов организации текста-оригинала на разных языковых уровнях.

Для того чтобы перевод состоялся, переводчик непременно должен совпасть с автором в отправной точке, то есть – понять замысел автора. Что значит понять замысел оригинала? Понять – значит вступить в резонанс, иначе говоря, прочесть в переводимом своё как чужое или, напротив, увидеть чужое как своё. Вот почему изучение переводческой практики решительно всех больших поэтов обнаруживает близость мотивов и образов их собственной поэзии и переводимых ими авторов.

Поэтому, художественный перевод нередко разнится с подстрочным переводом.

Можно с легкостью проследить, как интерпретируется образ Лесного царя в различных переводах, и какой образ нам раскрывает сам Гете.

Итак, у Гете Лесной царь очень достоверен. Невозможно усомниться в том, что он действительно есть. Ребенок до видения Лесного царя чувствует себя замечательно. Первое видение лесного царя у Гете императивно, гипнотично, – ребенок не может себе представить, чтобы этого можно было не видеть, внушает Царя отцу ("Разве ты не видишь Лесного Царя?", "Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht?"). Обратимся к самому видению. У Гете Лесной царь – неопределенное – неопределимое – нбез возраста, существо – демона, хвостатости которого вплотную соответствует "полоса" (лоскуток, отрезок, обрывок, Streif) тумана, равно как бороде Жуковского вообще – туман над водой. Лесной царь у Гете – тонкий знаток детской души.

Чудесные игры, в которые он будет с ребенком играть, равно как и золотая одежда, в которую он нарядит его – очень заманчиво (Du liebes

Kind, komm, geht mit mir//Gar schöne Spiele, spiel ich mit dir!). Лесной Царь, находит интонации глубже, чем отцовские – материнские, проводит нас через всю скалу женского воздействия, всю гамму женской интонации: от женской вкрадчивости до материнской нежности. Лесной царь подобрал настолько интимные интонации, что голос его звучит как колыбельная. И, наконец, конец – взрыв, открытые карты, сорванная маска, угроза, ультиматум: "Я люблю тебя! Меня уязвила твоя красота! Не хочешь охотой – силой возьму!" (Ich lieb dich, mich reizt deine schöne Gestalt, //Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt!") . Эта фраза – будто захват руки. Еще немного, и будет слышен крик мальчика. Это самое напряженное место, когда ребенок перешел во власть Лесного царя.

Таким образом, Лесной царь у Гете – это жгучий демон без возраста, но могучий, способный перевоплощаться, туманить разум. Он безжалостен, и его желание – забрать невинную и робкую душу ребенка. Это очень сложный, динамичный и величественный образ.

В своем художественном переводе Жуковский кое-что заменил. Ребенок дан издрогшим, до первого видения Лесного царя. Это сразу наводит нас на мысль, что сам Лесной царь – бред, чего нет у Гете. Первое видение Лесного царя, из уст ребенка, описательно: "Родимый! Лесной царь в глаза мне сверкнул! "Само видение: У Жуковского мы видим старика, величественного, "в темной короне, с густой бородой".

Перечисление ребенком соблазнов Лесного царя у Жуковского (да и каких соблазнов, – "золото, перлы, радость...") – немного приземленно и для ребенка не очень интересно, идилично. Вершина соблазна баллады, когда Лесной царь пытается подкупить, уговорить ребенка пойти с ним. Образ Лесного царя у Жуковского предельно условен, статичен. Жуковский вводит такой же приземленный образ дочерей Лесного царя. Все видения ребенку Лесного царя у Жуковского не повествовательны, а описательны: "Родимый, Лесной царь созвал дочерей! Мне, вижу, кивают из темных ветвей..." .

Кульминационный момент, когда Лесной царь открывает свое истинное лицо, у Жуковского сглажен. Лесной царь с такими же нежными интонациями, говорит "Дитя, я пленился твоей красотой: не волей, иль волей, а будешь ты мой!" Нет сильной экспрессии, и как такового эмоционального накала, и действия со стороны Лесного царя нет.

Можно сделать вывод, что образ Лесного царя у Жуковского кардинально отличается от образа, созданного Гете. У Жуковского Лесной царь статичен, неэкспрессивен, даже неубедителен, он добрее к

ребенку. Он представлен стариком, и не несет демонического начала. Образ более приземленный, но по-своему загадочный. Этот образ никоим образом не сопряжен с образом, представленным Гёте, он самостоятелен и абстрактен. Лесной царь у Жуковского предстален как плод воображения ребенка, бред.

Что касается перевода Ю. Князева, то в нем ребенок оказывается преследуемым Лесным царем на протяжении всего пути. В том, что царь не вымышлен, не приходится и сомневаться. В этом плане образ более приближен к оригиналу.

Лесной царь приходит к ребенку в золотом венце. С венцом на голове обычно изображают святых. Но в данной интерпретации венец – это символ могущества и власти. Лесной царь прельщает ребенка помимо чудесных игр и цветов на морском берегу, обещает ему тишину, покой и уют. И это уже пугает ребенка. Такое возможно только в другом мире, том, в который зовет мальчика Лесной царь.

В данном переводе нет ссылки на возраст царя, он его просто не имеет. Описательный момент также отсутствует. У читателя просто не возникает картины, образа, как такового, и это создает ореол таинственности. Образ абстрактен.

Лесной царь у Князева ласков, нежен, он уподобляется отцу. И даже в самый напряженный момент, когда Лесной царь хватается ребенка за руку, он по-прежнему не груб. В этот момент царь вступает в борьбу с отцом, каждый из них пытается оставить дитя себе. Этот момент не случаен. Он символичен. Лесной царь Князева откровенен. Не происходит как такового раскрытия карт. Он до конца остается самим собой.

Ю. Князев создает весьма целостный, сильный, но ласковый образ Лесного царя.

Таким образом, мы видим три совершенно разных, по – своему раскрытых и сильных образа.

У Гете – это образ демона, глубокий, могущественный, мифологичный, монументальный. Без возраста.

У Жуковского – образ старика, приземленный, наделенный физическими характеристиками. Он резко отличается от Лесного царя Гете.

У Ю. Князева – конкретное лицо, но не имеющее физических характеристик. Очень близкий к образу отца. Одухотворенный образ.

Интерпретация данного образа у разных авторов своя. Неизменным остается лишь сюжет баллады. Но художественный перевод не возможен без авторского вымысла.

1. Das große Balladenbuch Aus drei Jahrhunderten deutscher Dichtung/ Verlag Neues Leben. – Berlin, 7. Auflage, 1982. – 528с.
2. Википедия, «Лесной царь» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%8C_%28%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%29.html. – Свободный.
3. Кузьмина, Н.А. «Феномен художественного перевода в свете теории интертекста» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.quebec.ru/Translation/Page3.htm>. – Свободный.
4. Цветаева, М.И. «Два Лесных Царя» статья. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/student/?n=50.html>. – Свободный.

**ВЛИЯНИЕ АВТОРОВ НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА**

Булатова Ю. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

Лексикология является одним из важнейших предметов в сфере изучения иностранного языка, так как помогает лучше понять аспекты чужой речи, глубже проникнуть в ее суть. Эта наука исследует значения слов и фразеологизмов, многозначность, омонимию, синонимию, антонимию и другие отношения между значениями слов. Также лексикология изучает всевозможные изменения словарного состава. Эти изменения постоянны и происходят под влиянием различных факторов: исторических событий, научно-технического прогресса, международной и межкультурной коммуникации, литературного творчества. Последний фактор представляет особый интерес для автора статьи, так как литература, являясь отражением культурных ценностей какой-либо нации, позволяет более эффективно изучать иностранный язык, погружаясь в реалии той или иной страны.

Каким же образом литературное творчество влияет на лексику? В первую очередь, это авторские (индивидуальные, индивидуально-стилистические) неологизмы. Авторский неологизм – это слово или значение слова, созданное писателем, поэтом, публицистом для обозначения новых или выдуманных явлений действительности, новых или выдуманных предметов или понятий. Вновь изобретенные автором слова отличаются от обычных, широко употребляемых обозначений новизной внутренней формы или своеобразием сочетания элемен-

тов [1]. Они используются для создания определенного эффекта: художественного, поэтического, эмоционального, для создания имен героев художественных произведений.

Авторские неологизмы создаются следующими способами:

- 1) путем словообразовательной деривации – образования новых слов из уже существующих в языке морфем с помощью суффиксов, префиксов, их комбинирования, сложения основ слов, сокращений, конверсии;
- 2) путем семантической деривации, т.е. придания уже существующему слову нового, вторичного значения на основе сходства старого и изобретаемого значения.
- 3) путем заимствования слов из других языков или из диалектов, просторечий, жаргонов [1].

Чаще всего эти неологизмы прикреплены к контексту и не выходят за его пределы. Но бывают и исключения. Как раз о них хотелось бы поговорить подробнее.

Иногда литературное произведение, ставшее очень популярным среди читателей, привносит в словарный состав языка неологизмы, которые впоследствии закрепляются в нем и активно используются людьми, говорящими на данном языке. Примером такого пополнения лексического состава в данном случае английского языка может служить творчество знаменитого писателя, профессора, доктора литературы, филолога-лингвиста Джона Рональда Роуэла Толкиена.

На будущего знаменитого писателя сильно повлияли события его жизни, его окружение. Феноменальные способности и страсть к изучению языков стали основой того, что уже в юном возрасте Толкиен начал выдумывать собственные языки (например, эльфийские, а также «newbosh», что переводится примерно как «новая чушь» и т.д.). Греческий, латинский, староуэльский, финский, древнеисландский и немецкий – вот лишь часть тех языков, к которым писатель испытывал огромную страсть и которые, несомненно, оказали огромное влияние на его творчество в дальнейшем. В детстве и юношестве он зачитывался сказками и преданиями древних народов (древнеанглийская поэма «Беовульф», которые затем нашли свое отражение и продолжение в его творениях [2]. Ярким примером тому служит книга «Сильмариллион», в которой Толкиен, используя забытые предания, рассказывает о сотворении мира, о богах Валарах и расах, населяющих планету вместе с человеком: эльфах, гномах, энтах (людях-деревьях). У всех этих персонажей долгая история существования, уходящая корнями в скандинавский и германский эпос. К примеру, слово «эльф» («elf») в германских языках имеет много подобных себе, например: «elv» (дат-

ское), «aelf» (англо-сакс.), «alv» (швед., норвежское), «alf-ur» (исланд.). Согласно некоторым источникам, слово «эльф» происходит от романского корня «альб» – «белый», некоторые же считают, что слово родственно ирландскому «ellyl/aillil» – «сияющий» (эльфы древних сказаний действительно «сияли») [3]. Все это говорит о древнем едином корне, а, следовательно, и родственном происхождении.

Эльфы упоминаются также в произведении У. Шекспира «Сон в летнюю ночь»: это Титания, королева эльфов, и ее муж, Оберон [4, с. 127-128]. Образы эльфов Толкиена и Шекспира не похожи друг на друга, и этому есть объяснение: последний для своего творения использовал древнеанглийский фольклор, где они описываются как крохотные существа, живущие в лесах, цветах, реках и т.п. [5, с. 14-15]. Сам Толкиен в своем произведении «О волшебной сказке» пишет, что эта миниатюрность, хрупкость сказочных эльфов, их крохотный рост и способность спрятаться даже за травинкой – все это надуманно, создано под влиянием дворцовых вкусов Франции. И случилось это благодаря Шекспиру и Майклу Дрейтону, которые в своих произведениях делали эльфов похожими на бабочек. Толкиен выражает свое крайне негативное отношение к подобным преобразованиям, высмеивая подобную «мелочь» и называя эти сказки скучнейшими в мире [6, с. 249-251].

Однако, несмотря на то, что эльфы были частыми персонажами старинных произведений, в более широкое употребление слово вошло все же после выхода произведений Толкиена. Писатель создал (вернул?) образ благородных волшебных существ и, дав им имя «эльфы», постарался изменить стереотипное представление о них. И хотя мы не можем говорить о наличии неологизма как такового (скорее о возрождении более древнего, исконного значения слова «эльф»), ярко выраженное влияние литературы на словарный состав (и не только) здесь очевидно.

Труд, сделанный писателем, огромен, и многие неологизмы не получили столь же широкого использования, однако эти слова более-менее известны в узких кругах языкового коллектива. Рассмотрим некоторые из них.

Uruk-hai – имя собственное, так назван один из видов, кланов Орков, скрещенных с людьми. Это вымышленные персонажи книги о Властелине Колец, и за ее пределами не имеют никаких семантических связей. На русский язык название переведено с помощью транскрипции: Урук-Хайи [7, с. 564].

Minas Tirith – название одного из городов волшебного мира Средиземья на эльфийском наречии Sindarin (Синдарин). Переводится

примерно как Tower of Guard – Башня Защиты. Также известны названия White City (Белый город), The City of Kings (Город Королей). Значение также не выходит за пределы произведения, на русский язык переведено транскрипцией: Минас-Тирит [7, с. 791].

Halfling – название представителя одной из рас Средиземья. На русский язык переводится как Хоббит. Существует много различных версий происхождения этого слова, одна из наиболее популярных – образование неологизма путем сложения сокращенных основ hole + rabbit и последующего перевода на русский. По другой версии оно родственно слову «Биббит» Льюиса. Персонаж вымышленный, но в лексике довольно популярен, хотя вне контекста произведения и не используется [7].

Из анализа примеров становится очевидно, что далеко не все авторские неологизмы обретают большую популярность. Несмотря на то, что в узких кругах активно употребляются не только новоизобретенные слова, но и целые вымышленные языки (Квенья, Синдарин), говорить о существенном вкладе в английскую лексику не приходится. Однако не стоит забывать, что именно через произведения Дж. Р. Р. Толкиена английский язык приобрел таких сказочных персонажей как гномы, эльфы и хоббиты.

Литература

1. Зайтаева Д. М. Авторский неологизм как лингвистический феномен и как объект перевода [Электронный ресурс]: Государственный Московский Университет Ломоносова – Режим доступа: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Zaytaeva.pdf
2. Жизнь и творчество Толкиена [Электронный ресурс]: Revolution – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/literature/00049656_0.html
3. Эльфы – Википедия [Электронный ресурс]: Википедия: Свободная Энциклопедия – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%B2>
4. Горелов Н., Дьяконова И., Маслова Т. Волшебные существа: Энциклопедия. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
5. Аллен, Дж. Фэнтези энциклопедия. – М.: ЗАО «РОСМЭН ПРЕСС», 2005.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. – М.: РИФ, 1991.
7. Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Варда В. Е.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А. С. Персидская, ассистент

Переводчики постоянно сталкиваются с проблемой перевода имен собственных. В большинстве случаев имена собственные транскрибируются и транслитерируются. Это обусловлено своеобразием данных языковых единиц, которые «по сути дела порождены не потребностями познания, а соображениями удобства коммуникации, особенностями языка» [1]. Имена собственные используются для называния объектов. В лингвистике существует также понятие имен нарицательных. Это имена, которые называют значение объекта, обобщают его, коннотируют. Часть имен собственных образовалась от имен нарицательных.

В общении люди опускают коннотативное значение вследствие того, что им известна внешняя форма слова и объект, называемый данным словом. Коннотативное значение не играет особой роли в общении, в речи у него нет оценочной функции. Люди используют его как название, немногие знают коннотативное значение слова.

По-другому дело обстоит с именами собственными в художественных текстах, поскольку в большинстве случаев автор вкладывает в слово определенный смысл, чтобы показать читателю свое отношение к предмету и происходящему. Слово имеет не одно, а несколько коннотативных значений, поэтому задача переводчика состоит в том, чтобы выбрать из них то, которое ярче всего будет отображать идею писателя.

Переводчики делят имена собственные на несколько групп, основываясь на том, что эти имена обозначают. Если внутренняя форма имени не имеет значения, то оно передается традиционно или по старым правилам транскрипции. Традиционные соответствия зафиксированы в словарях (*Moskau* «Москва»). Особый слой традиционных соответствий представляют собой библейские имена. Уменьшительные имена передаются в основном посредством транскрипции: *Gretchen* «Гретхен»; *Коля* «Kolja». Известна, однако, более старая традиция замены немецких уменьшительных суффиксов *-chen*, *-lein* на русские: *Hanschen* «Гансик».

В современной лингвистике топонимию делят на ряд подгрупп: микротопонимия – изучение названий незаселенных мест (поля, леса); одонимия изучает названия дорог, улиц и т.п.; гидронимия изучает названия водоемов, рек и пр.; оронимия изучает названия гор. Онома-

стика занимается изучением имен собственных, среди которых также занимают свое место прозвища людей [2].

При переводе географических имен абсолютных правил нет, но намечаются отчетливые тенденции. Большинство имен транскрибируется, какой бы «говорящей» ни была внутренняя форма: гора *Юнгфрау* (букв.: «Дева»). Однако для перевода названий морей, озер и крупных заливов более характерна традиционная передача с переводом отдельных компонентов: *Ладожское озеро* «Ladogasee». Микро-топонимы – названия улиц, площадей и т.п., как правило, транскрибируются: *Postgase* «Постгассе». Известны также и традиционные переводные соответствия: *Champs Elyses* «Елисейские поля».

Названия учреждений и организаций, как правило, транскрибируются, так же как и названия магазинов, гостиниц, торговых фирм: *Volkswagen* «Фольксваген». Однако названия организаций, которым важна не только реклама, международная идентификация их имени, но и популяризация смысла их деятельности, чаще переводятся: *Arbeiter-Samariterbund* «Союз рабочих-самаритян». Аналогично названиям фирм с помощью транскрипции передаются фирменные названия товаров.

Прозвища людей, исторические, не зависящие от контекста, и прозвища героев в художественном тексте, служащие для характеристики персонажа, передаются с сохранением семантики корневой морфемы: *Карл Лысый*, *Филипп Красивый*, *Карл Великий* и т.д. Псевдонимы передаются транскрипцией, кроме тех случаев, когда являются «говорящими».

В художественной литературе простые имена собственные, не созданные автором, переводятся по вышеназванным правилам транскрипции (*Jack* «Джек»; *Москва* «Moscow»). Однако также перевод имен собственных зависит от контекста и стиля работы автора. Если имя собственное помогает передать авторский стиль или атмосферу произведения, то должен быть осуществлен его перевод. Клички животных, зоонимы, переводятся, если их внутренняя форма достаточно ясна. В остальных случаях они транскрибируются. Международные клички транскрибируются с ориентиром на исходный язык: *Рекс*, *Джек* [1].

Рассмотрим перевод имен собственных по смысловым группам, основываясь на произведении современного английского писателя жанра фэнтези Терри Пратчетта «Стража! Стража!».

Обратимся к именам персонажей произведения. Среди них есть имена, которые не представляют сложностей при переводе (*Rodney* [3], «Родни» [4]). Но большинству имен персонажей присущи автор-

ские идеи. Писатель дает своим персонажам имена в соответствии с их повадками, характерами, даже формой тела (*lance-constable Carrot* [3], «младший констебль Моркоу» [4]). Для создания юмористической атмосферы он умышленно коверкает некоторые имена. Например, имя герцогини – *lady Ramkin* [3] – в одном из переводов дается как «Леди Овнец» [4], то есть автор прибавил к английскому слову *ram* «овен» другое слово *kin*, что является сокращением одного из графств в Шотландии.

Иногда переводчик сам меняет фонетическое звучание имени собственного, чтобы передать стиль произведения или особенности авторского персонажа. Вполне удачным было решение изменить имя героя вышеуказанного произведения *Nobbs* [3] на «Шноббс» [4]. Добавление буквы *ш* помогает передать мелочность и несерьезность персонажа, который даже внешне с трудом напоминает человека.

В переводе многое зависит от контекста. В произведении Терри Пратчетта встречается такое название улицы как *Short Street* [3], что на русском должно звучать как «Шот Стрит». Автор создал такое название с целью передачи комической ситуации. На самом деле, эта улица является самой длинной в произведении, поэтому целесообразно перевести её на русский язык как «Короткая Улица» [4]. *Quirm* [3] – название одного из графств. Данное слово не имеет близких аналогов в английском языке, но по фонетическому звучанию сходно со словом *chirm*. Возможно, из-за этого переводчик передал вышеуказанное название графства как «Щеботан» [4].

Говоря об оронимах, стоит отметить, что все они были созданы автором. *Ramtops* [3], название горной цепи, было переведено как «Овцепикские горы» [4], в другом переводе «Бараньи Вершины» [5]. Оба названия передают коннотативный смысл. Слово было составлено из двух частей: *ram* «овен», *tops* «вершина».

Клички животных в произведении представлены именами болотных драконов. Особенность перевода зоонимов состоит в том, что автор дает им клички, похожие на прозвища знатных лордов, королей. *Lord Mountjoy Gayscale Talonthrush III of Ankh* [3] было переведено как «лорд Анкский Горносмех Чешуйвеселый Когтецап III» [4]. Кличка имеет довольно сложную форму для перевода. Необходимо было найти такие соответствия, которые одновременно передавали бы и важность в звучании имени, и поддерживали бы комичность ситуации.

С переводом названий организаций в произведении дело обстоит намного проще. Большинство названий переводятся буквально: *Unseen University* [3] «Незримый Университет» [4]; *Bakers' Guild* [3]

«Гильдия Пекарей» [4]; *Elucidated Brethren of the Ebon Night* [3] «Озаренные Братья Непроницаемой Ночи» [4].

В заключение необходимо отметить, что перевод художественной литературы это творческий процесс, осуществлять который очень сложно и интересно одновременно. Переводчик должен выработать собственные приемы, подходы для перевода имен собственных, хотя он в любом случае будет вынужден пользоваться словарями и справочниками [6].

Литература

1. Алексеева И.С. Особенности перевода имен собственных [Электронный ресурс]: Translation need? – Режим доступа: <http://www.transneed.com/philology/art8.html>
2. Encyclopaedia Britannica 2007 Deluxe Edition. Version: 2007.01.00.000000000.
3. Pratchett, Terry. Guards! Guards!. – New York: HARPERTORCH, 2001.
4. Пратчетт, Терри. Стража! Стража!: Фантастические романы / [пер. с англ.]. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008.
5. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.erlib.com>
6. Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.

СЛОЖНОСТИ ДЕКОДИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СОКРАЩЕНИЙ В ИНФОРМАТИКЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Володькова С. А., Айрих К. Н.

ФГОУ ВПО Институт ветеринарной медицины
Омского государственного аграрного университета

В условиях развития научно-технического прогресса терминология приобретает особое значение. Любая отрасль науки и техники находит свое отражение в терминах. Термины передают уже существующие и вновь появившиеся понятия в той или иной отрасли науки и техники. Терминологический взрыв привлекает к себе внимание лингвистов, которые ставят перед собой задачи определения языкового анализа общих и частных факторов терминологии, систематизации и упорядочивания терминологических систем.

Активная тенденция к широкому использованию сокращений, образованных путем стяжения многокомпонентных терминологических сочетаний, вполне отчетливо проявлявшаяся во многих языках в последние десятилетия, очевидна и не требует доказательства. Сокращения прочно вошли в современные языки. Количество их чрезвычайно велико, они составляют значительную часть различных терминосистем, в том числе и информатики, причем проникают они прак-

тически во все слои лексики и широко применяются как в устной, так и, особенно, в письменной речи.

Появление в современных языках огромного количества сокращений является, несомненно, одним из следствий научно-технической революции, породившей массу новых специальных понятий, которым необходимо дать названия, закрепить их в языке.

Несмотря на то, что существуют довольно многочисленные, хотя и в большинстве своем фрагментарные, исследования, посвященные проблемам аббревиации в современных языках, сокращенные лексические единицы остаются во многих отношениях загадкой в лингвистическом плане, поскольку применительно к ним приходится рассматривать под специфическим углом зрения такие фундаментальные проблемы языкознания, как, например, проблема структуры слова и его значения, проблема морфемы, проблема связи звучания и значения, проблема производящей и производной единицы в процессе словообразования и др.

Информатика – это многоаспектная сфера человеческой деятельности, связанная с получением, обработкой, хранением и использованием различной информации. Выделившаяся из нее компьютерная информатика – это естественнонаучная дисциплина, занимающаяся вопросами сбора, хранения, обработки и отображения семантической информации с помощью вычислительной техники. Как всякая прикладная наука, компьютерная информатика зависит от инженерно-технических возможностей своего времени. Формирование терминологии компьютерной информатики отражает весь сложный процесс развития данной отрасли знания, а интенсивность образования терминов зависит от уровня развития самой компьютерной информатики.

Поскольку компьютерная информатика является целой субкультурой, то профессиональные переводчики обычно плохо или совсем не представляют себе значения того или иного слова. Поэтому большинство русифицированной документации переводится любителями, или, хуже того, электронными переводчиками. В результате многие профессионалы предпочитают работать с английскими версиями продуктов. И ещё одно следствие – стать профессионалом в компьютерной информатике, не зная английского языка, невозможно. Как мы считаем, переводчик должен владеть профессиональной терминологией, только в этом случае он сможет обеспечить грамотную передачу информации с одного языка на другой.

Итак, рассматривая компьютерную информатику с прагматической точки зрения нельзя не отметить того факта, что данная наука часто служит основой для появления новых реалий в жизни компью-

теризированного общества XXI века и, соответственно, терминология компьютерной информатики служит базой для терминологий, обслуживающих эти реалии.

Современная терминология насыщена сокращениями, которые могут представить трудность при переводе с иностранного языка. Система сокращений в любом языке является неотъемлемой частью его общей лексико-семантической системы и, следовательно, системы сокращений в разных языках существенно различаются.

В таком быстро развивающемся научном направлении, как информатика, процесс образования новых сокращений привел к перенасыщению научно-технической лексики понятными только для узкого круга специалистов сокращениями, большая часть которых отсутствует как в имеющихся отечественных, так и во многих специализированных зарубежных словарях сокращений. Проблема дешифровки сокращений с помощью имеющихся в распоряжении переводчика отечественных и зарубежных специализированных словарей и словарей сокращений являются не исключением, а стандартным обстоятельством, сопутствующим практически всем видам целевой обработки иностранной научно-технической периодики.

Препятствиями для перевода инициальных сокращений, на наш взгляд, являются явления аббревиатурной **полисемии**, **синонимии** аббревиатурной расшифровки и **акронимии**.

Полисемия проявляется в *существовании нескольких вариантов расшифровки одного инициального сокращения, характеризующих разные явления и понятия*, о чем писала Л.К. Кондратьюкова, характеризуя современное состояние английской терминологии компьютерной техники [2; 80]. Все это не может не сказаться на сроках выполнения и качестве перевода, когда необходимо уделить время анализу всех расшифровок. Здесь будет иметь значение квалификация переводчика и его владение специальными знаниями той области, к которой относится переводимый текст.

Примерами многозначных аббревиатур могут служить следующие два термина: **BN** и **EFS**. Термин **BN** уже имеет три значения: **1) Bridge Number** – номер моста, **2) Backbone Node** – маршрутизатор *Bay Networks*, включающий в себя платформы *BCN* и *BLN* **3) BECN Cell** -индикаторная ячейка управления ресурсами (RM). Термином **EFS** обозначают **End of frame sequence** – маркер окончания кадра и **Error Free Seconds** – единицу, используемую для оценки числа ошибок в системах T-операторов.

Синонимия аббревиатурной расшифровки выражается в *вариативности расшифровки инициальных сокращений разными словарями*.

В этом случае сохраняется начальная аббревиатура и значение передаваемого понятия, но меняется один термин в ее расшифровке, образуя тем самым синонимичные расшифровки или, согласно классификации С.В. Гринева, морфологические варианты [1; 70]: **CAS** < **C**olumn **A**ddress **S**trobe – *строб адреса столбца* и **CAS** < **C**olumn **A**ccess **S**trobe – *строб доступа столбца*; **EDO** < **E**xtended **D**ata **O**utput – *расширенный ввод/вывод* и **EDO** < **E**nhanced **D**ata **O**ut – *ускоренный ввод/вывод*, **ECC** < **E**rror **C**hecking and **C**orrection и **ECC** < **E**rror **C**orrection **C**ode – *коррекция одиночной ошибки*, **ILMI** < **I**nterim **L**ocal **M**anagement **I**nterface – *временный протокол локального управления* и **ILMI** < **I**ntegrated **L**ocal **M**anagement **I**nterface – *интегрированный протокол локального управления*.

Также необходимо указать на явление **акронимии**, когда имеет место сходство аббревиатурного сокращения по звучанию и написанию с обычным словом. Поиск терминологического эквивалента для акронима представляет собой особую трудность, так как подобная номинативная единица функционирует в тексте как самостоятельный термин, целостный по своей природе, и, кроме того, несет в себе определенную экспрессивную коннотацию. Такой стилистически окрашенный, благозвучный термин-акроним как **EVA** < **S**torage**W**orks **E**nterprise **V**irtual **A**rray – *виртуальный массив корпорации* легко узнается в тексте, часто повторяется, быстро запоминается. Перевод такого термина, на наш взгляд, может не иметь яркого эквивалента в русском языке и перевод текста оказывается достаточно официальным и строгим. Тем не менее, необходимо осуществлять, именно перевод, а не транслитерацию акронимов, так как основной целью перевода является максимально-точная передача информации, а стилистическая оформленность текста все же второстепенна.

Исследование аббревиации в терминологии информатики еще раз показывает, что язык нельзя рассматривать как систему застывших формул. И формулы построения единиц словарного состава, которые сами являются единицами языка, подвержены изменениям в процессе развития языка. В аббревиации особенно заметен момент преднамеренного образования новых лексических единиц. Процесс аббревиации, а в частности, акронимии позволяет создавать новые слова, используя неисчерпываемые потенциальные возможности языка, которые поистине неисчислимы и по мере исторического развития общества будут открываться все новые перспективы дальнейшего совершенствования этого средства общения людей.

1. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: 1993 – 309 с.
2. Кондратьюкова Л.К. Некоторые характерные особенности современного состояния английской терминологии компьютерной техники // Терминология и перевод в XXI веке.: матер. II междунаrodn. конф. АКС.- Омск: ОмГТУ, 2002. – С. 80

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Гейер И. Ю.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

В данной статье рассматриваются структурные особенности текстов письменной деловой коммуникации, трудности их перевода, а также способы преодоления этих трудностей. Материалом послужили образцы деловых писем на немецком и русском языках.

В нашей жизни строго регламентированные документы, относящиеся к официально-деловому стилю речи, играют огромную роль. Несмотря на разнообразие жанров, данный стиль характеризуется рядом общих черт, основные из которых – высокая степень употребления терминологии; употребление номенклатурной лексики и канцелярских штампов; преобладание простых предложений; почти полное отсутствие экспрессивных речевых средств; максимальная компактность изложения, экономное использование языковых средств; широкое использование сокращений; а также наличие особой структуры текста [1, с. 18].

Неоднородность тематики и разнообразие жанров позволяют выделить в рассматриваемом стиле две разновидности – официально- и обиходно-деловую группы документов, в последней из которых различаются по содержанию, жанрам и по характеру используемых языковых средств, служебная переписка между учреждениями и организациями и частные деловые бумаги. Деловая переписка – неотъемлемое средство связи предприятия с внешними организациями. Письмо – общепринятое название ряда разновидностей информационных документов, используемых для решения текущих задач в управлении [2, с. 12]. Существует множество классификаций писем деловой корреспонденции. Основной можно назвать классификацию по функциональному признаку, главные две группы которой составляют письма,

требующие ответа от адресата и письма, на которые ответ адресата не является обязательным.

Структурные особенности оказывают очень сильное влияние на восприятие текстов различных жанров. Говоря о деловом письме, нельзя не отметить, что характерные черты именно структурного плана определяют первоочередное, визуальное восприятие текста и помогают быстрее распознать цели того или иного документа.

Типичное деловое письмо, как правило, состоит из шести структурных компонентов: заголовок (der Briefkopf), сектор адресата (das Anschrieftseld), строка ссылок (die Bezugszeichenzeile), тема (der Betreff), основной текст письма с обращением (der Brieftext mit der Anrede) и заключительная формула вежливости и подпись (die Grußformel und die Unterschrift). Далее следует пометка о приложениях и коммерческие данные отправителя, но эти структурные элементы не являются обязательными для всех писем деловой переписки [3, с. 23].

В данной работе мы рассмотрим и проанализируем структурные особенности текстов деловой корреспонденции, относящихся к видам «письма-вопросы» и «письма-ответы», которые являются главными составляющими классификаций по функциональному признаку. Руководствуясь именно этой типологией, можно выявить не только структурные различия в тех или иных компонентах текста, но также структурно-функциональные признаки, определяющие главные коммуникативные задачи текстов деловой корреспонденции.

Письма, требующие ответа (письмо-вопрос; письмо-просьба; письмо-обращение; письмо-предложение и др.), как правило, всегда содержат ссылку на письмо, которое явилось причиной для переписки, в заключительной части обозначается какое-либо требование или ожидание тех или иных действий от личности, либо организации, которой направлено письмо. Далее мы рассмотрим несколько примеров деловых писем данного вида, которые наиболее часто встречаются в современной деловой корреспонденции, а именно письмо-предложение (Angebot) и письмо-рекламацию (Reklamation).

Коммерческое предложение – это заявление продавца, либо экспортера о желании заключить сделку с указанием ее конкретных условий. Письмо-предложение может быть направлено в ответ на запрос или в порядке инициативы [4, с. 39]. Логическая схема текста данного письма, как правило, выглядит следующим образом: изложение вопроса; характеристика взаимоотношений; предложение о сотрудничестве. Проанализировав тексты писем-запросов на немецком и русском языках, можно наблюдать следующие структурные компоненты и их особенности.

В «шапке письма» в текстах деловой переписки на немецком языке указывают, прежде всего, координаты отправителя, содержащие название фирмы, организации и ее адрес – сначала название улицы, затем почтовый индекс и место (город, либо район); также в координаты отправителя входят контактные данные сотрудника, ответственного за информацию в письме. Информация об отправителе может располагаться в правом верхнем углу, в центре, либо слева, в зависимости от особых правил той или иной организации.

Далее обозначаются данные адресата в таком же порядке, как и координаты отправителя. Информация о получателе письма располагается в строго регламентированном порядке и занимает определенное место на письме – с левого края. Информация об отправителе и получателе делового письма в немецком и русском практически идентична. Различие состоит лишь в обозначении конкретных лиц, их должностей и званий; а также в написании персональных данных участников коммуникации: в немецком языке типичным является обозначение имени и фамилии (полностью), в русском же, в основном, инициалы, затем фамилия. Дата – следующий структурный компонент письма. В русских письмах дата довольно часто указывается в конце. В текстах писем-предложений чаще всего употребляется следующее написание даты – число, затем после точки (в немецком языке после порядковых чисел следует точка), месяц (в основном, полностью), далее следует год: *23.Mai 2009*. Очень часто в немецких письмах встречается написание даты, после которой обозначается место написания (город или регион). В русском языке числовая комбинация выглядит несколько другим образом: число, месяц, год – все обозначается числами: *23.05.2009*.

Далее следует строка, обозначающая тему письма. В предложениях она выглядит следующим образом – *предложение* (далее – наименование товара, либо услуги). После темы следует основной текст, имеющий в свою очередь свою внутреннюю структуру, первым элементом которой является обращение.

Обращение имеет свои характерные особенности в обоих языках: если адресат не известен отправителю, тогда употребляется обращение «*Sehr geehrte Damen und Herren*», «*Уважаемые дамы и господа*». В русском языке после обращения следует, как правило, следует восклицательный знак, в немецком же – запятая. Если адресат известен, в обращении указывают определенное лицо (*Sehr geehrter Herr Hascher*, *Уважаемая госпожа Иванова*). Помимо обращения структурными компонентами основного текста в письмах-предложениях являются выражение благодарности за интерес к продукции, после следуют ус-

ловия дальнейшего сотрудничества, предлагающиеся организацией отправителем – количество, качество товара, условия поставки и др. моменты. Довольно часто все условия прилагаются отдельным документом. В этом случае в основном тексте письма содержится указание на приложение. В заключительной части основного текста содержится информация, показывающая заинтересованность отправителя в последующей реакции адресата.

После основного текста следует заключительная формула вежливости. Рассмотрев несколько примеров деловых писем на немецком и русском языках можно сделать вывод о том, что в текстах немецкого делового письма довольно часто можно наблюдать наличие связующего предложения заключительного клише с основным текстом: *und verbleiben wir mit freundlichen Gruessen*. В русском же «с уважением» употребляется обособленно. Еще одна примечательная особенность – в немецком языке в заключительной части письма не употребляются знаки препинания, в русском заключительные структурные компоненты письма отделяются друг от друга запятой.

После подписи в текстах писем-предложений следует указание приложенных документов, которыми в данном виде письма чаще всего являются каталоги, условия поставки и др. Таким образом, рассмотрев тексты писем-предложений на немецком и русском языках можно заметить, что основные структурные компоненты в обоих языках совпадают. Отличия наблюдаются лишь в их наполнении, а именно в написании даты, обращения и основного текста письма, суть которого может излагаться в более краткой, либо в более развернутой форме.

Если мы рассмотрим структурные особенности письма-рекламации, документа, содержащего претензии к стороне, нарушившей обязательства в отношении качества товаров, сроков поставки и др. условий контракта, то мы увидим, что многие структурные элементы рекламации идентичны компонентам структуры письма-предложения, а именно «шапка письма», строка ссылок, обращение и заключение. Это можно объяснить тем, что все эти виды относятся к постоянной деловой коммуникации между организациями. В структуре основного текста можно выделить элементы, отличные от элементов текста письма-предложения. Необходимым компонентом рекламации являются основания для предъявления претензий, аргументация и конкретные требования со стороны, предъявляющей претензию. К рекламациям часто прилагаются акты обследования, приема товара.

При анализе текстов писем, требующих ответа необходимо обратить внимание на четко определенную внешнюю структуру, а именно регламентированное количество компонентов и порядок их следования, наполнение же элементов может варьироваться в зависимости от вида письма, от особых правил организации-отправителя. Характерной чертой данных писем является то, что в них указывается информация ожидания реакции адресата.

Другим типом писем являются письма, не требующие ответа (приглашения, напоминания, отказы и т.д.), в которых содержится, в основном, информация предупредительного, либо подтверждающего характера. Эти письма не требуют письменной реакции реципиента.

Письма-приглашения – один из самых массовых видов деловых отправлений, написание которого обуславливает необходимость в деловых. В письмах указываются условия участия, место, время проведения мероприятий, предложение сотрудничества и обычно оформляется реквизит «приложение», где сообщается программа мероприятия, либо условия совместной работы.

Главное отличие структурных компонентов текста-предложения от вышеуказанных видов делового письма – отсутствие строки ссылок с информацией о предшествующей переписке. Дата отправления прописывается отдельной строкой: в немецком языке сразу же после координат организации-отправителя, в русском, как правило – в конце письма. Текст основного письма зачастую не содержит информацию об обязательной реакции адресата. Довольно часто встречаются письма-приглашения, которые носят рекламный характер.

Письмо-напоминание направляют тогда, когда не удастся с помощью переговоров или личного контакта получить необходимый ответ или добиться принятия нужных решений. Письмо-напоминание, как правило, состоит из двух логически связанных структурных элементов: напоминания о необходимости ответа на запрос; напоминания о выполнении принятых решений, договоренностей и указания мер, которые будут предприняты в случае их невыполнения.

После вышеуказанных элементов следует обычно информация о неактуальности информации, в случае выполнения требуемых действий адресатом. Завершается письмо стандартно – заключение, подпись, обозначение лица, ответственного за документ. Данный тип письма требует не письменного ответа, а действий от адресата.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав тексты писем, не требующих ответа, можно сделать следующий вывод: тексты данного типа писем более кратки, менее содержательны и в отличие от писем, требующих ответа, содержат информацию, ответом на которую долж-

ны послужить действия, а не ответное письмо. Отличительная черта данного вида писем – отсутствие строки ссылок, содержащей информацию о переписке, осуществлявшейся до данного момента.

Перевод текста письма – трудоемкий процесс, при котором основополагающим является определение цели перевода, его реципиентов. Деловые письма различаются по своему назначению, преследуемым задачам. Коммуникативное задание текста письма – сообщить актуальную информацию, наладить и поддержать контакт, осуществляемый через конкретных людей, но это коммуникация представителей фирм, организаций. Из вышесказанного следует, что и источник и реципиент – деловые партнеры, отношения которых строятся в соответствии со строгими правилами делового партнерства.

От информативности, а также целевой установки письма во многом зависят характер аргументации и композиция текста, которые, однако, в любом случае остаются в рамках определенной регламентации [5, с. 271]. В каждом государстве существует орган, занимающийся вопросами регламентации официальных бумаг. В России правила оформления регулирует Единая государственная система делопроизводства (ЕГСД), в Германии – немецкий институт по стандартизации (DIN – Deutsches Institut für Normung).

Четко определенная структура, большое количество клише и других языковых средств, относящихся к канцелярской разновидности литературной нормы, особые лексические и грамматические конструкции – все это наиболее характерные черты текстов деловой переписки, которые необходимо учитывать при переводе.

Тексты деловых писем, как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе преобладают однозначные эквиваленты и трансформации. Большое внимание уделяют вышеназванным особенностям, присущим именно данному виду текста. Все это служит для выполнения одной из самых важных задач перевода текстов деловой корреспонденции – информационного насыщения, т. е. включения в него необходимого количества информации, а также точной и наиболее полной передачи смысла.

Литература

1. Семенюк Н.Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций литературного языка. – М.: Наука, 1992.
2. Красивова А.Н. Деловой русский язык. – М.: МФА, 2001.
3. Hering. Geschäftskommunikation. Kursbuch DaF. – Ismaning: Max Hueber Verlag, 1996.
4. Buscha, Linthout. Geschäftskommunikation. Verhandlungssprache. – Ismaning: Max Hueber Verlag, 1997.
5. Алексеева И.С. Письменный перевод. – СПб.: Союз, 2006.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Григорьева Г. Е., Цисарь О. А.

Пермский государственный педагогический университет

Данная статья посвящена проблемам и особенностям перевода романа Джонатана Коу (англ., род. в 1961 г.) "*What a Carve Up* Г, 1994, (Какое надувательство! 2003), для которого характерна широкая полифония стилей и жанров, что создаёт многочисленные трудности для перевода.

Сатирический роман Дж. Коу – это панорама социальной и политической жизни Британии 80-х годов XX века в контексте правления Маргарет Тэтчер, находившейся у власти с 1979 по 1990 гг. Проблему «панорамности» – представления различных пластов жизнедеятельности общества – решает многоплановая композиционная разбивка текста романа Дж. Коу по объекту описания, иными словами, его жанрово-стилистическая полифония.

Отметим, что термин *полифония* заимствован из музыкального словаря и получил в литературоведении широкое распространение благодаря М. М. Бахтину, который относил его ко всей европейской литературе. Изначально полифония художественного текста понималась исключительно как художественный диалог, предполагающий независимость позиций персонажей от авторской позиции [5]. Диалогическая речь персонажей в художественном произведении всегда присутствует как параллельная авторской речи. На основе теории полифонии литературоведение смогло исследовать такие категории, как образ героя и образ повествователя. Однако позднее термин *полифония* стал использоваться шире [3]. Художественные тексты часто содержат интертекстуальные вкрапления различных жанров: любовные и деловые письма, медицинские рецепты, газетные объявления и статьи, политические прокламации и др. Следуя законам построения текстов различных жанров, автор создаёт правдоподобную картину реальной действительности, в которую якобы погружены герои произведения.

Очевидно, что тексты с широкой жанрово-стилистической полифонией переводить крайне сложно. Известно, что каждый жанр имеет свои особенности, разнящиеся в языках и культурах. Например, для научных текстов, насыщенных фактическим материалом, характерно наличие терминов и клише, формальные и содержательные особенности которых в различных языках алломорфны. Язык публицистики

отличается богатством идиоматики, клише, образно-выразительных средств, оценочной лексики [2], перевод которых предполагает широкий спектр трансформаций и, кроме того, часто сопряжен с проблемой повышения / понижения экспрессивности, обусловленной межкультурной асимметрией.

Художественное повествование романа "*What a Carve Up It*" (и в стиле постмодернизма, и в стиле готического романа) высоко интертекстуально: оно содержит тексты СМИ (газетно-журнальный информационный текст, объявления, афиши, интервью), деловые письма, документацию, рецепты, мемуары, киноскрипты, поэтический текст и др. Политика Британии на Ближнем Востоке, работа парламента, система здравоохранения, сельское хозяйство, искусство, киноиндустрия, институт семьи, – благодаря полифонии жанров читатель знакомится со множеством социально-политических и экономических граней, все они предстают в реальном свете и попадают под хлесткую критику Дж. Коу.

Более того, полифония проявляется и во взаимодействии лирического и драматического – свидетельство глубокого конфликта героя романа Майкла Оуэна с окружающим миром [3]. Характер Майкла раскрывается настолько полно и динамично, что общий тон повествования и описания различных периодов его жизни, внешних отношений и внутренних переживаний также существенно варьируется, и возникает ощущение многоголосия миров, в которых живёт герой романа.

Прочтение сатирического романа Дж. Коу в оригинале поражает любого специалиста-филолога жанрово-стилистическим разнообразием, образующим гармоничное единое целое, и любой лингвист-переводчик мгновенно идентифицирует основную проблему, которая неизбежно возникнет при попытках перевода романа на иностранный язык – проблему создания гармоничного художественного текста "перевода с сохранением жанрово-стилистического разнообразия оригинала.

Проанализируем, каким образом решает эту проблему переводчик романа "*What a Carve Up!*" Максим Немцов [4] на примерах газетных и журнальных текстов и тексте делового письма из романа.

- Примеры газетного и журнального информационных текстов.

Attempted Burglary at Winshow Towers Lawrence Winshow in fight to the death with intruder

THERE WERE dramatic scenes at Winshow Towers on Saturday night when a family celebration was tragically disrupted...[1, с.25].

Перевод этого фрагмента на русский язык:

Попытка ограбления со взломом в Уиншоу-Тауэрс Лоренс Уиншоу в смертельной схватке с грабителем

Субботней ночью в поместье Уиншоу-Тауэрс произошли драматические сцены, трагически From THE 10 MOST LIKELY: colour feature In Tatler, October 1976

Lovely Hilary Winshaw is o recent Cambridge graduate who intends to make quite a splash in her new job – Television, where she will be training as a producer... [1, с. 70].

Перевод фрагмента:

Из "10 САМЫХ ВЕРОЯТНЫХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ" -цветного фото-репортажа в журнале "Татлер", октябрь 1976 г.

Прекрасная Хилари Уиншоу, юная выпускница Кембриджа, намеревается громко заявить о себе на новой должности в телевизионной компании, где будет проходить стажировку в качестве продюсера... [4].

Итак, к особенностям газетного и журнального типов текстов относятся: большой процент устойчивых и клишированных выражений и структур, модных журналистских штампов, оценочных эпитетов, насыщенность реалиями. Используя приёмы перестановки и замен, переводчик создаёт типичные для русских газетного и журнального текстов *конструкции, клише и фразеологизмы* (attempted burglary - попытка ограбления со взломом, in fight to death with intruder – в смертельной схватке с грабителем, to make quite a splash – громко заявить о себе), умело передает *имена собственные*. Используется один из приемов прагматической адаптации – *эксплицирование*, (Winshaw Towers -поместье Уиншоу Тауэре, Tatler – журнал «Татлер»), что обеспечивает понимание русскими читателями соответствующих реалий. Тексты статей воспринимаются именно как тексты из английских газет и журналов.

• Пример делового письма.

Messr Bulb, Plugg and Sockitt, Electricians since 1945 (or a%to 8), 24 Cable Crescent, Meterborough.

26 July 1960

Dear Mr. Owen,

We must apologise for the delay in connecting the electricity supply to your new home, viz. the second cowshed on the left on Mr. Nuttall's farm.

Th small gift as a token of our goodwill – a month's supply of current buns (enclosed).

Yours sincerely,

(Head of Complaints)

* (after several appalling procrastinations) [1, с. 158].

Проанализируем перевод данного отрывка, обращая внимание на то, что Дж. Коу создаёт не просто письмо, а письмо-пародию.

Господа Ламп, Розетт и Штепсел Электрики с 1945 (или с без четверти 8) Кабель-спуск, 24 Счетчикборо

26 июля 1960 г.

Уважаемый мистер Оуэн,

Мы вынуждены принести свои извинения в связи с задержкой подключения электроснабжения в Вашем новом доме, а именно – втором коровнике по левую руку от фермы мистера Нутталла.

Говоря по правде, в этих попытках нас несколько закоротила неявка на работу нашего последнего новобранца, по сравнению с прочими искрившего сообразительностью. В результате, насколько мы понимаем, Вы на несколько недель остались без питания, но в таком незаземленном напряжении, что можно вольтануться.

Вы вправе спросить, собираемся ли мы как-то шевелить нашим рубильником. Можем Вас смело заизолировать, мистер Оуэн, – питание будет подключено в ближайшем будущем по выполнении ряда замеров и п.р.о.б. <(после реабилитации от безделья)> А тем временем просим принять в знак нашей доброй воли этот амперический подарок -месячный заряд калорийной энергии в переменном ассортименте наших постоянных булочек (прилагается).

Искренне Ваш,

А. Даптор

(зав. отделом претензий) [4].

С одной стороны, в переводе сохраняются основные особенности стиля делового письма: структура, ритуальные формы приветствия и прощания, формулы вежливости в рамках официально-делового стиля, сокращения, имена собственные, титулы, звания, должности, обращение от 1-го лица множественного числа, лексика с оценочной семантикой в рамках письменной литературной нормы. С другой стороны, пародия на письмо остается пародией. Письмо написано служащими-электриками, узко ограниченными рамками своей профессии. По их именам можно судить и о характере их работы, и об уровне образования. Их речь

e truth is that we have been somewhat amp-ered in our attempts by the failure of our latest recruit, a bright spark if ever I saw one, to turn up for

work. As a result, we realize that you have not been without electricity for several weeks, through no fault of your own.

What are we going to do about it, you ask? Rest assured, Mr. Owen, that your supply will be connected a.s.a.p.*, and in the meantime please accept this

превращение семейное торжество... [А].

переполнена профессиональным жаргоном, просторечиями и ошибками настолько, что составленное ими деловое письмо невозможно читать без смеха.

Отметим, что стиль письма в переводе является более разговорным, и экспрессивным, чем в оригинале, что вполне допустимо и обосновано при переводе на русский язык. "Вы вправе спросить, собираемся ли мы как-то шевелить нашим рубильником" для 'What are we going to do about it, you ask?' "Нас несколько закоротила" для 'we have been somewhat ampered'. "В результате, насколько мы понимаем, Вы на несколько недель остались без питания, но в таком незаземленном напряжении, что можно вольтануться" для 'As a result, we realize that you have not been without electricity for several weeks, through no fault of your own'.

М. Немцов добавляет имя автора письма "А. Даптор" (от "адаптер"), которое звучит вполне "по-английски". Аббревиатура-окказионализм "п.р.о.б.- после реабилитации от безделья" для 'a.s.a.p.= after several appalling procrastinations' показывает доведенную до абсурда любовь англичан к аббревиатурам в деловых письмах и, безусловно, создает комический эффект, особенно за счет сочетания двух лексем "реабилитация" (необходимая после чего-то слишком тяжелого и непосильного) и "безделье". Эффект обманутого ожидания, заключенный в сочетании этих лексем, усиливает комическую экспрессию.

При переводе художественных текстов с богатой жанрово-стилистической полифонией важно также не только сохранить каждый «голос» в «многоголосье» (терм. М.М. Бахтина), но и своевременно и грамотно осуществлять переходы от одного «голоса» к другому. Своеобразие этих переходов сложно проанализировать и продемонстрировать в ограниченной по объему научной статье: такой анализ предполагает привлечение обширной экземплификации. Поэтому лишь констатируем данную переводческую проблему и заявим о проведении исследования в этой области, идеальным материалом для которого, на наш взгляд, является роман Дж. Коу *"What a Carve Up It"*.

1. Coe J. What a Carve Up! London, Penguin Books, 1994 – 501 с.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М., Академия, 2006 -350 с.
3. Горобинский М.О. Полифонический проект М.Бахтина // Философский поиск. Вып. 3, Мн., 1997// www.literature.by/phil/journal_14.html
4. Коу Д. Какое надувательство! Перевод Максима Немцова. OCR Альдебаран & Chaus – <http://lib.rus.ec/b/138594>
5. Николаев П.А., Словарь по литературоведению. – www.nature.web.ru/litera/6.4.102.html.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ БРИТАНЦЕВ

Громова А. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, выражая своеобразие нации.

Английская фразеология, богатая по форме и семантике, представляет большие трудности, как для изучающих английский язык, так и для переводчиков, поэтому для переводчика хорошее знание языка невозможно без знания его фразеологии. Оно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы, позволяет найти ключ к национальному характеру народа Великобритании, а использование фразеологизмов в речи делает ее более идиоматичной.

Английские фразеологизмы еще недостаточно изучены, именно это и обосновывает выбор темы данной работы, ее актуальность и значение для лексикологии как науки. Работа вносит определенный вклад в изучение фразеологических единиц, отражающих многовековую историю английского народа, своеобразие его культуры, быта, традиций, истории и политической жизни, поскольку многие фразеологизмы связаны с поверьями, сказками и преданиями, что и определяет ее теоретическую значимость.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов исследования при написании курсовых работ, а также при практическом изучении лексики по темам, связанным с историей, политической, культурной жизнью и бытом британцев.

Целью данной работы является изучение фразеологических единиц английского языка, отражающих материальную культуру британ-

цев. Для достижения поставленной цели, обозначены конкретные задачи:

- 1) обозначить характерные признаки, свойственные фразеологизмам и отличающие их от свободных словосочетаний;
- 2) классифицировать английские фразеологизмы с точки зрения семантической устойчивости (слитности) их компонентов, а также по источнику их происхождения;
- 3) определить задачи, стоящие перед переводчиком, для наиболее адекватной передачи английских фразеологизмов на русский язык.

Предметом данного исследования являются английские фразеологические единицы, отражающие материальную жизнь британцев, а его объектом – их способы перевода на русский язык.

В отличие от свободных словосочетаний фразеологизмы характеризуются постоянством состава. Тот или иной компонент фразеологизма нельзя заменить близким по значению словом, в то время как свободные словосочетания легко допускают такую замену: вместо *a ladies' man* «дамский угодник», «ловелас», нельзя сказать *a gentlemen' women*. Однако некоторые фразеологизмы имеют варианты: *With all one's heart*; *With all one's soul*. Существование вариантов, тем не менее, не означает, что в этих фразеологизмах можно произвольно обновлять лексический состав. От свободных сочетаний фразеологические единицы отличает воспроизводимость, поскольку свободные словосочетания строятся непосредственно в речи, а фразеологизмы употребляются в том виде, в котором они закрепились в языке и в котором их удерживает наша память. Так, сказав «*a bosom*», мы обязательно произнесем «*friend*» (не *pal*, *acquaintance*, *other*), что свидетельствует о предсказуемости компонентов фразеологизмов.

Большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры: в их состав нельзя произвольно включать какие-либо элементы. Исключение составляют фразеологизмы, которые допускают вставку некоторых уточняющих слов: *To learn one's lesson* «извлечь урок» // *To learn good lesson from something* «извлечь урок из чего-либо».

Структурной особенностью отдельных фразеологизмов является наличие у них усеченной формы наряду с полной: *A friend in need is a friend indeed* «друг познается в беде», (*a friend in need* «закадычный друг»). Для большинства фразеологизмов характерен строгий закрепленный порядок слов: *a lay figure* «манекен» (не *figure lay*).

Лингвистами пока не выработано единого принципа классификации фразеологизмов, однако, с точки зрения семантической устойчи-

ности (слитности) их компонентов фразеологизмы можно классифицировать на фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

«Фразеологические сращения – это абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов» [1, с. 35]. Многие из них синонимичны словам: *kick the bucket* – to die; *send smb. to Coventry* – to ignore и т.д.

Для понимания фразеологического единства необходимо воспринимать его компоненты в переносном значении [2, с. 50]. Так, смысл выражения *make a mountain out of a molehill* «делать из мухи слона», т.е. сильно преувеличивать что-либо (буквально, «делать гору из холмика норки крота»), раскрывается только в том случае, если слово *molehill* рассматривать в значении «что-то незначительное, маленькое», а слово *mountain* «что-то очень большое».

«Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в состав которых входят слова и со свободным, и с фразеологически связанным значением» [3, с. 22]. Они характеризуются смысловой разложимостью, то есть не являются эквивалентами слов, так как у каждого их компонента различные значения: *to keep one's distance* «знать свое место, держаться в стороне»; *to keep one's ears open* – «держат ухо остро, быть настороже, начеку»; *to keep oneself to oneself* – «быть замкнутым, необщительным, держаться особняком, замкнуться в себе». В выше перечисленных примерах слово *to keep* нельзя заменить на любое другое близкое по значению слово, т.к. это приведет к изменению значения фразеологизма.

Можно выделить и четвертый тип фразеологических единиц – так называемые «фразеологические выражения». В их состав входят многочисленные английские пословицы и поговорки, которые употребляются в прямом значении, не имеют образного аллегорического смысла: *to be or not to be* «быть или не быть».

Можно классифицировать фразеологизмы и по источнику их происхождения. Условно все фразеологизмы можно разделить на две группы: исконно английские и заимствованные. В большинстве своем английские фразеологизмы являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие фразеологические единицы связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами, например: презр. *blue stocking* «синий чулок» («собранием синих чулок» назвал адмирал Босковен один из литературных салонов XVIII в. в Лондоне, когда там появился ученый Бенджамин Спеллингфлит в синих чулках). Примечательно, что сей-

час так принято называть женщину, слывущую сухой педанткой, лишенной женственности.

В следующую группу входят заимствования из произведений Шекспира и других английских авторов. «По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии, их свыше ста» [3, с. 217]. Такие фразеологизмы называются «шекспиризмами»: *the green-eyed monster* «чудовище с зелеными глазами» (ревность). Многие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Так, в романе В. Скотта «Айвенго» встречается фразеологизм *catch / take smb red-handed* «застать кого-либо на месте преступления».

Большое количество английских фразеологизмов связано с античной историей и культурой. К античной мифологии восходит фразеологизм *the golden age* «золотой век». Ряд выражений вышел из басен Эзопа: *kill the goose that laid / lays the golden eggs* «убить курицу, несущую золотые яйца». В английском языке встречаются заимствования и из других языков.

Английский язык является, пожалуй, самым богатым по количеству фразеологизмов и фразеологических оборотов. Все события, происходящие в жизни британцев: политическая жизнь, спорт, бытовые ситуации, отражены во фразеологизмах. Многие из них устаревают, но на смену им неизменно приходят новые яркие, остроумные, выразительные. В центре внимания фразеологизмов, отражающих культурную жизнь британцев, находятся удача, деньги и удовлетворение, доставляемое богатством и успехом. Рассмотрим лишь некоторые аспекты жизни британцев, которые так или иначе связаны с пополнением их лексического запаса фразеологизмами.

Спортивный язык давно признан одним из важнейших ресурсов обогащения современного английского языка фразеологизмами. Национальными британскими играми считаются футбол, крикет, скачки, бильярд и бокс. В первую очередь, они являются спортивными терминами и ассоциируются с определённой ситуацией в спортивных состязаниях, их переосмысленные значения, в свою очередь, непосредственно связаны с исходными. Например, переосмысленное значение выражения *to shoot the ball into one's own goal* «навредить самому себе», связано с исходным значением «забить мяч в собственные ворота», в котором оно использовалось первоначально лишь в лексиконе футболистов: *by this improvident remark he shot the ball into his own goal* «этим неосторожным замечанием он сам себе навредил». Здесь переосмысленное значение фразеологизма становится метафоричным

и обладает образным характером, придавая предложению яркую стилистическую окраску.

На протяжении веков охота была одним из главных символом британской сельской жизни. В XIV-XV вв. охотой в Англии занимался любой уважающий себя мужчина, кем бы он ни был: королём или разбойником. В разговорный английский язык вошло множество фразеологических единиц, связанных с охотой. На языке охотников фразеологизм *a fair game* служит для обозначения дичи, на которую разрешено охотиться. Слово *game* имеет расширенное метафорическое значение объекта преследования во время охоты или погони. Фигурально эта идиома используется при назывании подходящего объекта для насмешек, то есть «легкой добычи»: *the behavior of the younger royals made them fair game for the tabloid press* «поведение младших членов королевской семьи сделало их легкой добычей для бульварной прессы» [4, с. 490].

Карточные игры покорили практически все страны Европы. В XVIII-XIX веках карты стали своеобразной моделью общества. Они привлекали людей не только надеждами на выигрыш, но и сулили успех, удачу, власть. Карточная метафора *to put (to lay) one's cards on the table* употребляется, когда речь идет о заключении сделки в значении «раскрыть свои карты», то есть раскрывать свои цели для получения прибыли. В некоторых карточных играх игрок раскрывает свои карты и кладет их на стол: *Come on, John; lay your cards on the table. Tell me what you really think* «Ну же, Джон, раскрой свои карты. Скажи мне, что ты думаешь на самом деле» [4, с. 266].

В профессиональной лексике носителей английского языка широко распространены термины и разговорные фразеологизмы. Особенно ярко это явление обнаруживается в политической области, так как политика всегда будет представлять самый живой интерес, например, амер. *peanut politician* «мелкий политикан»; амер. *ward heeler* «политический интриган, клевет». Британцы используют фразеологизмы во всех сферах общественной и культурной жизни: искусстве, экономике, в морской терминологии, что делает их речь более яркой и обильной.

В заключение стоит отметить, что фразеологизмы, отражающие материальную культуру британцев, заполняя пробелы в лексической системе языка, во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, ситуаций, их большая часть отражает самобытный характер народа. Начинающему переводчику важно помнить, что каждый этнос, обладая своим стереотипом мышления, по-разному оформляет мысли, т.е. переводчик должен обладать не только

знанием обоих языков, но и быть способным анализировать культурно-исторические и стилистические аспекты оригинального текста, сопоставляя их с возможностями переводящего языка и культуры.

Литература

1. Прокольева С.М. Механизмы создания фразеологической образности. – М.: 1996.
2. Телия В.Н. Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно-оценочная функция. – М., 1988.
3. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 1996.
4. Longman. Dictionary of English Idioms. – L., 1981.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985.

АКРОНИМЫ: СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Дуплякова К. Н.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

Научно-техническая революция дала мощный толчок к развитию и обогащению словарного состава многих современных языков. Среди способов образования новых слов особенно широкое распространение получило сокращение слов и словосочетаний (*shortening of words*). Несмотря на то, что этот способ не играет такой ведущей роли, как словосложение или словопроизводство, он существует в английском языке с давних времен – приблизительно с XIII века. Среди источников пополнения словарного состава современного английского языка сокращение занимает второе место вслед за словосложением. Одним из наиболее распространенных типов сокращения является акронимия, то есть процесс образования акронимов.

Акронимы – это аббревиатуры, которые произносятся как обычные слова и часто совпадают с ними с точки зрения произношения. Составляются акронимы посредством выделения начальных букв (например, гидроэлектростанция – *ГЭС*) или словосочетаний (*NATO* < *North Atlantic Treaty Organization* «Организация Североатлантического договора»).

Основной задачей при составлении акронимов является читабельное чередование гласных и согласных букв, так как акроним должен не только сохранить свой первоначальный смысл, но и легко произноситься. Иногда с этой целью меняют порядок слов, либо берут несколько первых букв сокращаемого слова, например, *NABISCO* <

National Biscuit Company «Национальная компания по производству печенья».

Несмотря на очевидные преимущества использования акронимов (рационализация и экономия времени, более краткое изложение мысли говорящего и тот факт, что очень часто удачно составленный акроним служит отличным брендовым названием), порой они способствуют нарушению равновесия в словообразовательной подсистеме, на периферии которой возникают. Дело в том, что подобные инициальные аббревиатуры создают некоторый семантический беспорядок. Так, например, акроним *CAT* в современном английском языке имеет до четырнадцати толкований в переводном англо-русском словаре, три дефиниции в специализированном словаре по телекоммуникациям, два толкования в специальном словаре финансовых сокращений, и только одну словарную статью в англо-русском словаре современных сокращений, где значение этого акронима расшифровывается как *Computer Assisted Trading* «Автоматизированная система торговли». Данный факт порой значительно затрудняет выбор подходящего значения даже при наличии контекста.

В узких профессиональных коллективах использование в сложных условиях сокращений, обладающих меньшей избыточностью значений, чем обычные термины, иногда дает «осечки». В американской печати сообщалось, что во время полета космического корабля «Аполлон-12» на Луну операторы наземных служб контроля полета установили, что одна из неполадок была вызвана отключением «блока цифровой связи» – *БЦС* (*DUA < Digital Uplink Assembly*). Экипажу космического корабля сообщили: «We think we've figured it out – your *DUA* was off» «Кажется, мы нашли причину – у вас был отключен *БЦС*». С «Аполлона-12» немедленно последовал запрос: «What is a *DUA*?» «Что такое *БЦС*?» [1, с. 228].

В вопросе о сферах образования и употребления акронимов немало спорных положений. Достаточно привести несколько примеров. Н.Г. Олексеев утверждает, что «современные английские сокращения остаются в основном принадлежностью общественно-политической лексики. Однако они начинают проникать и в разговорный язык» [2, с. 280]. Иной точки зрения по этому вопросу придерживается Н.Н. Амосова: «...характерной чертой аббревиации является то, что она действует преимущественно в пределах разговорной речи и даже сленга» [3, с. 88]. С.В. Баум в специальной работе по сокращениям приходит к выводу, что «акроним, по-видимому, стал почти частной собственностью политического языка» [4, р. 109]. Далее в своей работе он утверждает, что большое количество акронимов было соз-

дано, в частности, специалистами в области кибернетики. Однако, несмотря на то, что сокращения применяются достаточно широко в лексике, относящейся практически ко всем сферам человеческой деятельности, особенно тесно они связаны со специальной лексикой (терминологией и профессионализмами). Можно утверждать, что акронимы чаще употребляются в узких областях – там, где повседневный контакт специалистов облегчает замену громоздких слов и сочетаний сокращенными лексическими единицами. Такие сокращения могут и не выходить за пределы конкретной узкой области, но в ряде случаев (например, *radar*, *laser* и др.) они становятся достоянием литературного (стандартного) языка.

В связи с вопросом о сферах употребления акронимов можно указать на два обстоятельства. Во-первых, в разных сферах употребляются различные структурные типы сокращений. Например, для разговорной речи более характерны различного рода усечения, чем инициальные аббревиатуры. Например, *bish* < *bishop* «военный священник». Для специальной терминологической и общественно-политической лексики характерно широкое использование акронимов, например, *BAT* < *Ballastable All-Purpose Tractor* «балластируемый универсальный строительный трактор» или *ACTION* < *American Council to Improve Our Neighborhoods* «Американский совет по благоустройству районов, в которых мы живем».

Во-вторых, сфера употребления многих сокращений значительно уже сферы употребления коррелята (несокращенной формы). Например, сокращение *MP* < *military police* «военная полиция» характерно преимущественно для речи военнослужащих, в то время как его коррелят *military police* является достоянием литературного языка [1, с. 228-230].

Профессионально-терминологическая и разговорная лексика прямо противоположны по ряду признаков. Тем не менее, эти сферы имеют и общие черты – большая подвижность, более непосредственное реагирование на действие экстралингвистических факторов. Именно в этих сферах намечаются многие изменения, которые впоследствии отражаются в стандартном языке. Поэтому представляется вполне закономерным, что аббревиация как новое и развивающееся явление, связана именно с этими сферами.

Что касается художественной прозы, то употребление в ней акронимов, как правило, также ограничено узкими сферами профессионального или какого-либо другого их использования. Тенденция к широкому образованию акронимов в художественной прозе находится в полном соответствии с этой тенденцией в других сферах ре-

чевой коммуникации. Это обусловлено тем, что художественная проза является неотъемлемым компонентом социальной, культурной и духовной жизни языкового и социального коллектива. У некоторых авторов в связи с тематикой произведения очень выражено стремление к свободному созданию собственных акронимов. Иногда создание подобных новообразований в рамках художественного произведения обусловлено стремлением автора к оригинальности, образности высказывания. Но, как правило, речь идет о стремлении правдивее воссоздать особенности обстановки, социального фона описываемых в романе событий. Так, в романе Д. Брауна “Стальные тени”, в котором описываются военные и политические события войны в Иране, довольно много акронимичных новообразований К индивидуальным авторским акронимам, например, относится такой акроним, как *ММ* (*Madcap Magician*), являющийся названием военного судна, употребляется в среде американских военнослужащих [5].

Аббревиация в целом и акронимия в частности также являются одной из наиболее характерных особенностей языка современной прессы как области, наиболее восприимчивой к различного рода лексическим нововведениям. Такие сферы общественной жизни как реклама, деловое общение, наука, техника, электроника, медицина, политика, финансы, мода признаны основными «поставщиками» новой лексики в современном английском языке.

Итак, как и любое новое лингвистическое явление в течение своего существования акронимы претерпевают эволюцию, ассимиляцию, в процессе которой язык усваивает или отбрасывает некоторые сокращения, речевые и грамматические формы. Они отражают каждое изменение, происходящее в жизни людей, общества, как, например, развитие международной компьютерной сети, Интернета, межкультурной коммуникации, что сказывается на возникновении и развитии сокращений. Говоря о всемирной паутине, следует сказать, что одним из самых популярных акронимов мировой сети, а теперь уже и устной речи является *ИМХО* или *ИМНО* (англ. *ИМНО*) – известное выражение, означающее «по моему скромному мнению» (англ. *In My Humble Opinion* или *In My Honest Opinion*). Со временем этому сокращению стали приписывать другие значения, например, *In My Horrible Opinion* «по моему ужасному мнению». Между тем, русский язык уже давно позволил пользователям расшифровать *ИМХО* по-своему: *Имею Мнение, Хоть и Ошибочное*. В качестве шуточных и менее известных расшифровок акронима можно привести следующие: *Индивидуальное Мнение Хозяина Ответа; Имею Мнение, Хочу Озвучить; Имею Мне-*

ние, Хочу Отметить. Основным все же является смысл «По Моему Личному Мнению».

Сокращение *ИМХО* используется в основном для указания на то, что некоторое высказывание не общепризнанный факт, а только личное мнение автора, и он его никому не навязывает. Нередко использование в речи этого акронима указывает также и на то, что автор не до конца уверен в верности своего заявления. Данному английскому акрониму соответствует русское вводное слово *по-моему*, например *ИМХО, Интернет лучше телевидения. / По-моему, Интернет лучше телевидения.*

Данное сокращение используется в эхоконференциях, форумах, чатах для выражения своего отношения к какому-нибудь предмету. В разговорной речи встречается относительно редко.

В последнее время в связи с широким распространением акронимов в английском языке лингвисты заговорили о необходимости специального контроля над этим процессом с целью его приостановления, поскольку язык может лишиться своей выразительности и экспрессивности. В связи с этим возникла необходимость упорядочения списка акронимов и процесса их создания, а как следствие и создание специализированных словарей.

Литература

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М.: Воениздат, 1972.
2. Олексенко Н.Г. О некоторых средствах и способах обогащения словарного состава современного английского языка. – М.: 1961.
3. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
4. Baum S.V. From "AWOL" to "Veep": the Growth and Specialization of the Acronym. American Speech, 1955.
5. Неология [Электронный ресурс]: Банк рефератов – Режим доступа: <http://5ka.ru/44/40620/1.html>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Дырина М. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Современные национальные языки как целое в отношении своей лексической структуры – весьма сложное и многообразное явление.

Ядро их лексической системы составляет кодифицированная литературная лексика, периферию – некодифицированные языковые подсистемы, включающие в себя социальные диалекты. При классификации социальных диалектов практически всеми исследователями выделяется некодифицированная речь молодежи – сленг или молодежный социолект.

Сленг – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группы, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста; часть разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи [1], особый периферийный пласт нелитературной лексики и фразеологии [2, с. 8].

К причинам возникновения сленга можно отнести:

- желание отдельной группы дистанцироваться от окружающего мира;
- желание создать свободную, неофициальную атмосферу общения;
- желание придать собственной речи большую оригинальность;
- желание выражать собственные мысли лаконично и четко, ведь сленг, в отличие от нормы, способен ярче, гибче и конкретнее выразить мысль [3, с. 16].

В развитии сленга немецкой молодежи можно выделить две основные стадии: предварительную, институционально обусловленную стадию, к которой можно причислить Буршеский язык XIX века; и современную стадию, связанную с возникновением молодежной субкультуры в постиндустриальном обществе, к которой относится студенческий и школьный язык первой половины XX века и современный молодежный социолект.

Т.И. Жаркова выделяет несколько характерных черт сленга современной молодежи [4]. Проведенный нами анализ нескольких дискурсов современных молодых людей Германии подтвердил эту классификацию. Ниже представлены основные особенности немецкого социолекта:

- частое употребление слов *super* и *toll* и их производных: *der Superpunk-Songs, der Superclub; tolle Tipps, toll duften*;
- распространенность англицизмов: *Look (der Vintage-Look, Retro-Look, New-Look, feminine Look, glamouröse Look); Party (Party-Ableger, Partywelt, Partypeople)*;

- наличие богатой системы синонимов: *tierisch, teuflisch, höllisch, cool, vollmäßig, weltmäßig, konkret, korrekt* в значении «супер»;
- образность языковых средств, проявляющаяся в краткости сленгизмов: *der Dossi* «*der Langschläfer*», необычных сочетаниях звуков: *hoppeldihopp* «*in einem Augenblick*», иронических словосочетаниях и выражениях: *Hotel Mama* «*das Leben mit den Eltern*».

На сегодняшний день молодежный сленг представляет собой особый пласт лексики, вызывающий затруднения при переводе, поскольку словари не успевают пополняться новыми словами и выражениями в связи с высоким темпом появления новых сленговых слов, а догадаться о значении того или иного слова практически невозможно. Кроме того, такая лексика обладает ярко выраженной самобытностью и коннотацией, которую способен понять до конца лишь сам носитель языка, к тому же в переводящем языке не всегда существуют эквиваленты для сленговых единиц исходного языка, что так же создает проблему для адекватного эквивалентного перевода.

По мнению В.Д. Девкина, «передача семантики разговорного слова средствами иностранного языка – большая проблема, в которой сталкиваются многие вопросы теории и практики. Первое, что всплывает в этой связи, это сама переводимость таких слов, которые максимально своеобразны и национально самобытны» [5, с. 20]. Общеизвестны крайние точки зрения на этот счет. Согласно одной из них, язык отражает душу народа, специфику его исторического развития и поэтому уникально неповторим, а значит, практически непереволим. Согласно другой, как бы ни был самобытен язык, основу выраженной на нем информации средствами перевода передать можно. Разумеется, при этом некоторые тонкости могут быть упущены, но суть будет передана. Не поддаются передаче на другой язык некоторые реалии, региональная окраска, игра слов, основанная на региональных строевых явлениях, подтекст и т.п., но есть все же средства их компенсации. Однако, чем меньший сегмент подлежит переводу, тем труднее обеспечить адекватность. Нет непереволимых текстов, но есть непереволимые слова [6, с. 34].

Как полагает В.Д. Девкин, «в идеале русский перевод немецкой сленговой единицы должен обеспечить равноценность таких моментов, как: денотативная семантика; равнообъемность понятия; градуальная характеристика; оценка; социальная специализация; степень сниженности; внутренняя форма; возраст слова; структурный параллелизм (частеречная принадлежность); этическая окраска; эстетика

слова; комизм; узуальный ассоциативный фон» [5, с. 21]. Безусловно, такой перевод в реальности невозможен, но передача основных из названных моментов на переводимый язык вполне осуществима.

Комбинация совпадения и несовпадения отдельных параметров переводимого и переводящего слова исчисляются многими десятками. Причем немецко-русские соответствия нельзя механически перевернуть в русско-немецкие. Например, существительное *Waschlappen* вполне точно передается русским *тряпка* (о безвольном, слабохарактерном человеке). В то же время вторичные значения русского слова *тряпка* (о плохой материи для одежды, об одежде, не имеющей вида) или *тряпки* (о нарядах во множественном числе: *у нее только тряпки в голове; она все тратит на тряпки / шмотки*) соответствуют в немецком языке *Klamotten* и при их кажущейся денотативной близости для перевода не годятся, например: *alte schäbige Klamotten* – поношенная одежда, одежка; *einige Tage nicht aus den Klamotten herauskommen* – не раздеваться (не снимать одежды) несколько дней.

Нередко в жаргонном фонде русского языка имеются антонимичные соответствия с достаточно полной коннотативной идентичностью: *der Junge klebt am Schaufenster* – мальчишку от витрины не оторвешь, хотя дословно «мальчик приклеился к витрине».

Буквальный перевод внутренней формы также не допустим, когда он не дает узуальной номинации другого языка. Например, *Laternengarage* обозначает «гараж под фонарем», предпочтительнее же перевести: *eine Laternengarage haben* – оставлять свою машину на улице, не иметь гаража.

Поморфемный перевод также не позволителен. Следует переводить *weiterrennen* – продолжать дрыхнуть, хотя дословно «дальше дрыхнуть», *ein Gerücht weitertragen* – распространять слух, буквально же «переносить слух дальше».

Одной из трудностей подбора переводного соответствия выступает отсутствие в другом языке слова той же части речи. Когда синтаксическая функция слов разных частей речи двух языков одинакова, словарный перевод аналогом другой категории осуществляется легко: *bestußt* (прилагательное) – с придурью (предложная группа); *leise weinend* (деепричастие) – потихоньку (наречие).

Следующей особенностью перевода сленга является то, что для жаргонных слов центром аттракции становится плоскость внутренней формы, общность образа. Сравним: *aus der Haut fahren* дословно «выйти из кожи» со значением «разозлиться, рассвирепеть» и русское *лезть из кожи вон*, т.е. «очень сильно стараться»; *massiv werden* «стать грубым», «угрожать»; русское *стать массивным* «приобрести

большой вес, большую массу»; *jemandem übers Ohr hauen* «надуть, обмануть»; русское *дать* (*ударить по уху*); *etwas zum besten geben* «угостить, поставить бутылку вина»; русское «выдавать за хорошее»; *ein großer Hund* дословно «большая собака» *большая шишка*; по-русски же можно было бы назвать «собакой» *подлеца, негодяя*.

Не только фразеологизмы, но и однословные метафоры могут обнаружить семантические расхождения при одинаковости образа. Сравним: *Käfer* о привлекательной девушке и русское *жук* – *себе на уме, пройдоха*. Слово *Wanze* связано с отрицательной окраской оценочного компонента (портативный аппарат для прослушивания), а *faule Wanze* – *лентяй*, русское же слово *клоп* – так называют маленького ребенка, малыша. Здесь оценочный компонент носит скорее ласкательный оттенок, чем отрицательный. Кроме явных семантических расхождений имеются более тонкие различия, например, *sich beweiben* – *жениться* или даже *обжениться*, а не «*обабиться*».

Таким образом, основную трудность при переводе представляет понимание значения нового слова. Выбор средств выражения в языке перевода непосредственно связан с уяснением значения слова в контексте. Окончательный вариант перевода должен точно передавать не только смысловое содержание, но и экспрессивно-стилистическую окраску слова. В этом случае при переводе прибегают к переводческим трансформациям.

Переводческими трансформациями чаще всего называют межъязыковые преобразования, перестройку элементов исходного текста, операции «перевыражения» смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента [7]. В рамках нашего исследования был выполнен перевод текстов разного содержания, стилей и происхождения, содержащих элементы молодежного социолекта, авторами которых являлись молодые люди от 15 до 23 лет. Анализ полученных переводов показал, что для адекватного перевода чаще всего были использованы такие виды переводческих трансформаций, как компенсация и модуляция.

С использованием компенсации – приемом перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы исходного языка в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале – были переведены 7 единиц из 24.

Примером компенсации может послужить перевод следующего выражения: «... *ch dachte flipp ch aus, dieser alkleiche, ch bin ihm auf den schlips getreten...*» – «...я думала, я слечу с катушек, я послала этого синяка...». В данном случае основную смысловую нагрузку несет

единица «*dieser alkleiche*», находящаяся в середине предложения и дословно переводящаяся как «*пьяный труп*». Такое выражение нехарактерно для русского языка, поэтому для передачи смысловой и эмоциональной нагрузки было использовано другое слово, занимающее также другое место в предложении, главное, что в результате таких трансформаций было выполнено основное требование перевода, а именно сохранение смысла и адекватность.

С использованием модуляции – лексико-семантической заменой слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы – было передано 6 единиц. Прием модуляции, в свою очередь, был использован при переводе следующего предложения: «*Laaass mich noch eine runde knacken!*» – «*Отвали! Дай поспать!*». В данном случае переводу не подлежал глагол «*lassen*», однако его смысловую нагрузку принял глагол «*отвали*» в русском языке.

Следует отметить, что употребление только одного приема переводческих трансформаций – явление весьма редкое. Чаще всего переводчику приходится комбинировать несколько способов. Так, например, при переводе вышеупомянутого предложения «*Laaass mich noch eine runde knacken!*» помимо использования лексико-семантического приема модуляции был использован один из приемов грамматической трансформации, а именно членение предложения. В результате этого можно наблюдать следующую картину: в исходном языке мысль говорящего выражена в одном предложении, а в переводящем – в двух.

Нередко при переводе имел место быть такой прием, как нулевая трансформация (дословный перевод), например: немецкое выражение «... *meine Kehle ist out of tune vom Schreien...* » – было передано на русский язык как «... мой голос охрип от крика... ».

Намного реже при передаче сленговых единиц были использованы такие приемы, как транскрипция, транслитерация, членение и объединение предложения.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что для адекватного перевода речи подростков, которая изобилует жаргоном и идиоматическими выражениями, имеющими весьма разнообразное происхождение, и которые не всегда можно найти в обычных словарях, необходимо иметь детальное представление о языковой среде и знать значение этих слов, поскольку зачастую они не поддаются переводу, основанному лишь на логике. Наиболее часто в этом случае в процессе перевода используются такие приемы переводческих трансформаций, которые позволяют, прежде всего, сохранить смысл и стилистическую окраску сленговых единиц.

1. Пеллих И.В. Молодежный сленг как социальная разновидность речи [Электронный ресурс]: Балканская русистика – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article11354.html>
2. Хомяков В.А. Три лекции о сленге. – Вологда, 1970.
3. Ehmann H. Oberaffengeil: ein Lexikon der Jugendsprache. – München: Bech, 1991.
4. Жаркова Т.И. Особенности немецкого молодежного сленга [Электронный ресурс]: Статьи по языкознанию – Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/le/lexica_op_lekant.html
5. Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика. – Л.: Наука, 1994.
6. Кухин Г.Т. Русская и западно-европейская переводческая мысль. – Тбилиси, 1990.
7. Переводческие трансформации [Электронный ресурс]: Портал переводчиков – Режим доступа: <http://translations.ephotolink.ru/intro/equivalents/>

THE DEFINITION OF SLANG

Жбан Е. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

As many other lexicological notions slang has no universal definition. Though everyone agrees that slang is used in informal speech, is mostly spoken than written, and is not considered as standard in a given language, there are several opinions on what it actually is. In this article we will try to represent the main points of view on the problem of the phenomenon's definition.

Elisa Matiello in her «Introduction to English slang» distinguishes several approaches to defining the notion. They are sociological, stylistic, linguistic and lexicographic. As it is very convenient, this classification will be used in the article.

English and American scholars show a tendency towards a sociological view of the phenomenon. In this case slang is referred to as a special vocabulary used both to exclude the outsiders from the group and to keep the insiders together. The aspect was widely presented in works by Connie Eble. According to her the main function of slang is “to establish or reinforce social identity or cohesiveness within a group or with a trend or fashion in society at large” [1, p. 32]. She also notes that slang serves to oppose a group of people not to all the others on the whole but also to the authorities in particular.

The same tendency can be seen in the definition given by the Merriam-Webster Dictionary: “slang is a language peculiar to a particular group, the special and often secret vocabulary used by a class (as thieves, beggars)

and usually felt to be vulgar or inferior; the jargon used by or associated with a particular trade, profession, or field of activity” [2]. Though we can see that in this definition slang is somewhat mixed up with cant and jargon.

Such mix-up is quite frequent in nowadays dictionaries and this situation is connected with the lexicographic approach to studying and defining slang. The mix-up can be explained by the fact that the notion “slang” had different meanings in different periods of time. Originally, in the mid-eighteenth century the term was referred to as the language of criminals, thieves and vagabonds. It was supposed to be used for disguising from outsiders the meaning of what was said [1, p. 35].

Later the meaning of the term gradually broadened to include the language of other subgroups, not necessarily of low culture, but rather connected by their profession or by a common way of life. That caused the term to become more specialized and nearly synonymous with jargon. Such phenomena as back and rhyming slang were formed in this time. In the early years of nineteenth century slang acquired the more general sense of colloquial vocabulary which is outside of standard usage [1, p. 35].

Modern dictionaries tend to level slang with colloquialisms. The marks slang and colloquial (or just informal) are interchangeable. We can see it for instance in the Cambridge Advanced Learner's Dictionary. And it makes the problem of defining the notion even more complex.

Russian linguists try to define slang from the point of view of stylistics. The main feature of slang or them is its contrast to standard literary language, its emotionality and freshness. In Russian linguistics the widest and full definition of the term was given by V. Khomyakhov. He says that “slang is a particular peripheral layer of lexicon, which exists neither within the literary colloquial speech nor within the dialects of the nationwide English language, slang includes the layer of lexicon and phraseology of professional dialects, social jargons and criminals' argot on the one hand and the widespread and comprehensible to everyone layer of emotional lexicon and phraseology of non-literary speech on the other.” [3, p. 23] Though according to this definition slang is partially identified with argot and professionalisms, its main feature lies in the opposition to the literary language.

Irina Arnold also approaches slang stylistically. According to Arnold “slang words are identified and distinguished by contrasting them to standard literary vocabulary. They are expressive, mostly ironical words serving to create fresh names for some things that are frequent topics of discourse. For the most part they sound somewhat vulgar, cynical and harsh, aiming to show the object of speech in the light of an off-hand contemptuous ridicule”. [4, p. 149]

Despite these juxtapositions the scholars agree that some slang words can gradually transfer from the colloquial to literary language, as it happened with such words as teenager, blurb or kid. Their studies also show that slang words mostly do not linger in the language for a long time and are constantly replaced by new ones.

The next approach to defining slang is the linguistic one. It can be illustrated by the second definition from the Merriam-Webster Dictionary: "slang is a nonstandard vocabulary composed of words and senses characterized primarily by connotations of extreme informality and usually a currency not limited to a particular region and composed typically of coinages or arbitrarily changed words, clipped or shortened forms, extravagant, forced, or facetious figures of speech, or verbal novelties usually experiencing quick popularity and relatively rapid decline into disuse".

Within the linguistic approach slang is distinguished from the standard language both in its morphology and semantics. In morphology it is characterized by insubordination to the standard word-formation rules, and in semantics it both renames everyday objects and enriches and complexifies them. [1, p. 34]

M. Makovsky also defined slang from the linguistic point of view, but his definition is completely different from the others. He describes slang as "a historically set on the basis of the dialects of different regions and other ancient language elements and more or less common for all native speakers lingvosocial norm which while being realized on the level of colloquial speech is genetically and functionally different from professional and jargon language elements." [3, p. 23] He affirms that slang has never been a language of a particular group of people and never aimed to eliminate intruders and that it is common for all the native speakers. According to his works words which are now considered to be slang existed in the language long before the phenomenon itself was formed.

The phenomenon of slang has different aspects. From these various definitions we can conclude, that having no unified meaning slang is studied by many specialists both in English speaking and other countries. The fact that notion had different meanings in different periods of time makes the problem of its defining more complex. By analyzing different points of view on the problem it is possible to state that slang is a specific lexicon layer which is formed both for disguising the speech of a given group of people from the others and for making the speech more emphatic, colourful, vivid and interesting. Though the extent of this disguise is appreciably smaller than that of a jargon it is sometimes not possible for a stranger to understand the meaning of some words.

Though some of the scientists may not agree, according to the works of the majority of scholars who studied the phenomenon, different types of slang do exist. It is just natural that they do, if one of the goals of slang is to hide the meaning of the words from strangers. Slang words in English are formed mostly on the basis of the English language by using one of the connotative meanings of a word as the main one, abbreviation and also other methods of word-building.

Therefore it is possible to say that slang is a layer of expressive lexicon, euphemisms, peculiar metaphors which mostly do not stay for long in the language and are soon replaced by new ones, when the old ones are not seen as vivid as they used to be.

Though the English slang is studied in different countries the right to distinct the slang words should be left to the native speakers as it is not always possible for a foreigner to distinguish them correctly. That's why such resources as <http://www.urbandictionary.com/> where people who use slang can leave their own definitions of these words or indicate whether someone else's definition was right or wrong have significant meaning in studying the English slang.

The problem of defining slang is still discussed. Though this lexicon layer do exist it is sometimes difficult even for a native speaker to distinguish between slang, jargon or cant. As the phenomenon is widely studied and a lot of people are interested in this subject the definition and the main differences from jargon and cant will soon be given.

Литература

1. Elisa Matiello. An introduction to English slang. – Milano: Polimerica, 2008.
2. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. Электронная версия, 2000.
3. Маковский М.М. Современный английский сленг. – М.: издательство ЛКИ, 2007.
4. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986.
5. Гальперин И.Р. English Stylistics. – М.: Высшая школа, 1971.

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Малыхова Н. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. В. Хахалкина, к.ф.н., доцент

В настоящее время главной задачей в развитии экономики является решение вопросов по увеличению доли инноваций в экономической деятельности предприятий. Традиционно сильными направлениями деятельности являются медицина, сельское хозяйство,

промышленные и компьютерные технологии [1]. В связи с этим возникает острая необходимость в переводе сопроводительной документации к изобретениям в данных областях. От адекватного перевода зависит выполнимость соглашений, правильность исполнения инструкций, процесс реализации продукта и т.д. И, что самое важное, главной задачей, которая стоит перед переводчиком, является перевод технических терминов. Учитывая этот фактор, необходимо подчеркнуть о существовании некоторой специфики перевода технической терминологии в области инновационных технологий. Рассмотрим этот аспект перевода более подробно [2].

Термин (от лат. *terminus* «граница, предел») – это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Техническая терминология является подвижной, гибкой и быстро изменяющейся частью общенародной лексики. Бурный рост науки и техники, особенно в последние сто лет, вызывает острую необходимость в наименованиях новых явлений и понятий [3].

Для словарного состава технической литературы характерно применение большого количества технических терминов. В терминах мы имеем наиболее точное, концентрированное и экономное определение технической идеи. При переводе научно-технической литературы большое значение имеет взаимодействие термина с контекстом, благодаря чему определяется значение слова.

Термины должны сохранять такие черты, как абстрагированный характер, однозначность и систематичность. Однако многие термины и терминологические системы, являясь лингвистическими знаками, могут иметь такие свойства, как многозначность (один термин имеет два и более значений), синонимия (для одного понятия существуют два термина и более), противоречие терминов понятиям, отягощенность терминологии иностранными терминами и т.д., что несколько усложняет их перевод. Основным приемом перевода термина является перевод с помощью лексического эквивалента [4].

По отношению к контексту термины можно разделить следующие группы:

1. Функциональные термины в составе одной терминосистемы. Они характеризуются однозначностью:

transistor, computer, shareware, software – эти понятия встречаются только в системе терминов по компьютерной технике.

2. Функциональные термины, но имеющие более двух значений.

Эти термины могут встречаться в одной терминосистеме, но иметь различное значение в зависимости от контекста:

aspect ratio «1) отношение числа точек раstra на единичном вертикальном и горизонтальном отрезках; 2) коэффициент сжатия (изображение на дисплее компьютера); 3) относительное изменение вертикального и горизонтального масштаба при выводе изображения».

3. Термины-омонимы:

engineering (products) «технологические (изделия) (машиностроение)», *engineering (database)* «(база данных) проектирования (программирование)».

4. Термины-синонимы:

firmware, middleware «программы, записанные в постоянное запоминающее устройство (ПЗУ)»; *indexed/register-offset/register relative/based/addressing* «индексная адресация» [5].

Следовательно, термины всегда нужно рассматривать в данном контексте, смысловом окружении, в котором встречается слово.

Составные термины представляют собой цепочку слов. Главным элементом в ней является последнее слово, а определяющим – предпоследнее слово, словосочетание или составной термин. Сложный термин образуется путем добавления уточняющих элементов. При достаточно частом употреблении такой термин заменяется аббревиатурой, которая впоследствии может входить в состав другого сложного термина. Например, термин *coefficient of thermal expansion* («коэффициент теплового расширения») в настоящее время обозначается аббревиатурой *CTE*. Насыщенность сокращениями является особенностью на учно-технической литературы. Это объясняется тем, что термины в виде сложных слов и словосочетаний неудобны для употребления, поэтому часто сложный термин употребляется как короткий вариант в виде его главного компонента: *Radar (Radio detection and ranging)* «радар».

При работе со сложными терминами задача переводчика заключается в том, чтобы правильно определить границы данной цепочки, а затем, начиная с определяемого слова, провести смысловой анализ каждого элемента, с учетом содержания текста оригинала, для определения логической связи между этими элементами. Причем каждый последующий определяющий элемент анализируется на основе контекста уже переведенной части сложного термина.

Рассмотрим основные приемы перевода терминов-словосочетаний:

1. Описательный прием – передача слова с помощью расширенного объяснения значения английского слова. Этот прием используют в случае отсутствия соответствующего значения слова в словаре и в русском языке: *Test-type* «таблица для определения остроты зрения».

2. Перевод с помощью использования родительного падежа: *space-based platforms* «платформа космического базирования».
3. Калькирование: *telescope* «телескоп».
4. Транскрибирование. Используется как основной прием перевода при передаче имен, названий фирм и корпораций: *Mansion & House* «Мэншн и Хаус».
5. Транслитерация. Прием транслитерации можно использовать в тех случаях, когда передаваемая реалия в ее английском звучании вызывает у русского читателя твердо укрепившиеся ассоциации. Транслитерация целесообразна тогда, когда желательны воспроизвести лаконизм подлинника, однако чрезмерное увлечение транслитерацией приводит к засорению русского языка: *laser* «лазер»; *organic polymer* «органический полимер».
6. Перевод с помощью использования разных предлогов: *molecule permeation* «проникание на молекулярном уровне» [3].

Значительные трудности вызывают термины, в состав которых входят группы слов, так называемые многокомпонентные термины. Они занимают специальное место в современной научно-технической литературе. Каждая область науки и техники охватывает значительное количество таких терминов.

Большинство английских терминов имеют структуру, которая совпадает со структурой соответствующих терминов русского языка. Такие термины не вызывают трудностей при переводе: *ablative performance* «аблятивное действие». Наиболее сложными для перевода являются термины, отдельные компоненты которых не имеют ничего общего с действительным значением, а часто даже противостоят этому значению: *crop density* «полнота насаждений» [5].

Часто встречаются многозначные термины, которые имеют разные значения не только в разных областях науки и техники, а даже в одной области: *radiation* «1) расхождение; 2) излучение; 3) радиация; 4) радиатор».

Такие слова, имеющие несколько словарных соответствий, переводятся методом подбора варианта-аналога, который точнее всего передаст бы значение этого слова в данном контексте. Можно определить значение термина в зависимости от слов, которые находятся в тесной связи с данным словом. Наиболее тесная связь существует между подлежащим и сказуемым, сказуемым и прямым дополнением, определением и определяемым словом.

Подводя итоги, отметим, что основными чертами русского технического стиля являются строгая ясность изложения, четкость определений, лаконичность формы. При переводе английского текста переводчик должен полно и точно передать мысль автора, облекая ее в форму, присущую русскому техническому стилю [2]. Поэтому переводчик должен учитывать некоторые особенности перевода лексических структур с иностранного языка на родной. Для того чтобы правильно понять технический текст, необходимо, как уже указывалось ранее, хорошо знать данный предмет и связанную с ним английскую терминологию. Кроме того, для правильной передачи содержания текста на русском языке нужно знать соответствующую русскую терминологию, хорошо владеть русским литературным языком, а также приемами перевода технических терминов.

Выделяя определенную сферу в переводе технической документации, отметим, что инновационной терминологии присуща особая специфика перевода, поскольку любое нововведение сопровождается появлением новых терминов. Главная задача переводчика – дать наиболее адекватный и лаконичный перевод неизвестного термина или описания оборудования, так чтобы стало понятно, о чем идет речь. Сведения о специфике перевода инновационных терминов помогут раскрыть и представить новый термин наиболее удачно.

Литература

1. Экономика, Социология, Менеджмент [Электронный ресурс] Федеральный образовательный портал – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru>
2. Freelance Translators [Электронный ресурс] Translationzone portal – the one-stop site for freelance translators – Режим доступа: <http://www.trados.com>
3. Коваленко, А.О. Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с английского языка на русский. – Киев: Инкос, 2003.
4. Латышев, Л.К. Технология перевода: Учебное пособие по подготовке переводчиков. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
5. Вейзе, А.А. Перевод технической литературы с английского языка на русский: Учебное пособие. – М., 1997.

ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «DEUTSCHLAND»

Маркова Т. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Любой согласится с тем, что в каждом тексте встречаются имена собственные, без них не обходится ни один дискурс, ни один текст. В связи с ростом межкультурных контактов, объема переводной литературы, как художественной, так и информативной, возрастает необходимость правильной, точной и единообразной передачи имени собственного в переводе. А что же такое имя собственное? Обратимся к лингвистическому энциклопедическому словарю.

Имя собственное (ИС) (оним) – (от греч. *ονομα* – имя, название) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [1, с. 85]. Имя – это один из продуктов человеческой культуры, оно возникает в коллективе, из потребностей коллектива и отражает черты, значимые для коллектива, при этом эпоха и уровень знания человечества накладывает свой отпечаток на имя [2, с. 108]. Поэтому перевод имен собственных – сложная и многогранная проблема, она связана с многочисленными недоразумениями, курьезами и ошибками, стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает ряд задач. Однако, эти задачи не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных причин, поэтому переводчику следует в каждом конкретном случае выстраивать систему приоритетов, выбирая подходящие принципы для перевода ИС [3, с. 15].

Ономастика – наука об именах собственных, являющаяся разделом языкознания, привлекает внимание выдающихся отечественных и зарубежных ученых-языковедов, таких как Л.В. Щерба, А.В. Суперанская, Н.Л. Гильченко, В.С. Виноградов, Albrecht Neubert, Karl Gutschmied и Lilia Probst. Однако все вышеуказанные авторы изучали характерные для ИС способы перевода, уделяя внимание, прежде всего, особенностям функционирования имен собственных в системе языка, в данной же статье будет представлен результат анализа способов передачи таких групп имен собственных как антропонимы, топонимы и названия организаций и учреждений на основе статей журнала «Deutschland». Целью данного исследования были определение характерных способов перевода конкретных групп ИС и выявление ведущего метода при их передаче с немецкого языка на русский.

Для начала мы рассмотрим, какие способы перевода характерны для передачи имен собственных. Итак, самыми распространенными из них являются:

1. Транслитерация (от лат. *trans* – через и *litera* – буква) – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка; буквенная имитация формы исходного слова. Преимущество транслитерации заключается в точной передаче письменного варианта названия без искажения, а недостаток состоит в существенной его трансформации при произношении [4, с. 34].
2. Калькирование – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова-морфемы или фразы-лексемы переводятся соответствующими элементами переводящего языка [5, с. 65].
3. Транскрипция – передача звуков или начертаний языка системой знаков, отличных от принятых в этом языке письменных единиц. В целом большинство имен и названий передается в настоящее время средствами графики, то есть способом транскрипции [6, с. 10].

Основным языковым материалом для исследования послужили многоязычные журналы «Deutschland» (№5 – 1998г; №5 – 1999 г.; №1, 3, 4 – 2000г.; №1, 2 – 2007 г.) на немецком и русском языках, отбор 223 имен собственных проводился методом сплошной выборки из 7 журналов на языке оригинала и языке перевода. При этом количество антропонимов составило 69 единиц, топонимов – 84, названий организаций и учреждений – 70. На основе анализа данных ИС было выявлено применение таких способов перевода, как транслитерация; транскрипция; смешанный способ, включающий транслитерацию и транскрипцию; метод, включающий транскрипцию и калькирование; прямой перенос графической формы и эквивалентный перевод.

При анализе способов передачи первой группы ИС – антропонимов были получены следующие результаты. Всего способом транскрипции было передано – 45 антропонимов (66%), основные признаки транскрипции проявляются при передаче немецкого буквосочетания *sch*, которое транскрибируется на русский язык одной буквой *ш*, сюда же относится передача *sp*, *st* как *шн*, *шм*: *Albrecht Beutelspacher* – Альбрехт Бойтельшнахер; *Stephan Schambach* – Штефан Шамбах; *Rolf Schwanitz* – Рольф Шваниц. Яркими признаками использования способа транскрипции являются передача дифтонга *ei* как *ай*, а также появление в русском языке смягченного согласного: *Folker Weissger-*

ber – Фолькер Вајсгербер. *Christoph Singelstein* – Кристоф Зингельштайн; *Hans Eichel* – Ханс Айхель.

Методом транслитерации было переведено всего 5 антропонимов, что составило 7 % от общего количества. При использовании данного способа четко прослеживается отражение буквенного состава имен, при котором, прежде всего, передается удвоение согласного, дифтонг *ei* как *ей*, а не как *ай* (ср. транскрипция): *Gernot Rotter* – Гернот Роттер; *Martin Gillo* – Мартин Гилло, *Reid Anderson* – Рейд Андерсон.

Довольно часто прибегают к сочетанию транскрипции и транслитерации, так проанализировав антропонимы, мы увидели, что смешанным способом были переведены 19 антропонимов – 27%, основными признаками данного метода являются сохранение удвоенных согласных и смягчение согласного *л*: *Rudolf Guthoff* – Рудольф Гутхофф, *Rudolf von Thadden* – Рудольф фон Тадден; *Ernst Röppel* – Эрнст Пенпель.

Странным, на наш взгляд, является не соблюдение распространенного принципа передачи транслитерацией начального буквосочетания *her-* как *гер-* в целях благозвучия: *Hermann Meun* – Херман Майн; *Hermann Rudolph* – Херман Рудольф, а также удивила передача одних и тех же имен разными способами: *Helmut Kohl* – Гельмут Коль и *Helmut Jahn* – Хельмут Ян; *Reinhard Klimmt* – Райнхард Климт и *Reinhard Springer* – Рейнхард Шпрингер.

Далее обратимся к результатам нашего исследования, касающихся методов перевода топонимов, собранных из статей журналов «Deutschland».

Итак, способом транслитерации было переведено 25 топонимов (30%) от общего количества (всего 84 топонима). Яркими примерами транслитерации служат названия известных немецких городов: *Hannover* – Ганновер; *Hamburg* – Гамбург, *Frankfurt* – Франкфурт; *Leipzig* – Лейпциг; *Weimar* – Веймар.

Способом транскрипции было переведено 40 топонимов, что составило 48% из числа всех исследуемых топонимов. Достаточно интересным является перевод с помощью транскрипции на русский язык микротопонимов, то есть названий улиц и площадей, при котором слова *Straße* и *Platz* не переводятся, а транскрибируются: *Pariser Platz* – Паризер-плац; *Potsdamer Platz* – Потсдамер-плац; *Mühlenstraße* – Мюленштрассе; *Schützenstraße* – Шютценштрассе. А вот такие примеры как *Gendarmenmarkt* – Жандарменмаркт; *Chausseestraße* – Шоссенштрассе свидетельствуют о том, что названия микротопонимов, содержащие заимствованные слова передаются с учетом произ-

ношения языка, из которого было заимствовано слово, в данном случае из французского языка.

При передаче названий городов в журнале «Deutschland» был применен также смешанный метод, сочетающий транскрипцию и транслитерацию, таким способом было переведено – 8 топонимов (9%), вот некоторые примеры: *Maulbronn* – Маульброн; *Holstein* – Гольштейн; *Braunschweig* – Брауншвейг; *Mannheim* – Мангейм.

Когда к имени собственному прибавляется нарицательное, которое как доказывает анализ выбранных топонимов, как правило, переводится, то в этом случае используется смешанный метод, объединяющий транскрипцию и калькирование. Всего таким способом было передано – 11 топонимов или 13%: *Bodensee* – Боденское озеро; *der Vierwaldstätter See* – Фурвальдштетское озеро; *das Alpenvorland* – Альпийское предгорье; *die Insel Hombroich* – остров Хомбройх. При переводе топонимов стоит отметить различие и несогласованность при переводе одного и того же города: *Hildesheim* – Хильдесхайм (транскрипция) и Хильдесхейм (смешанный метод).

Однако самыми неожиданными и противоречивыми стали результаты, полученные при проведении анализа способов перевода названий организаций и учреждений.

Так, 28 названий организаций и компаний и 11 названий газет, журналов и издательств были переданы на русский язык с помощью транскрипции, что составляет 53% от общего числа исследуемых названий данной группы, причем в некоторых случаях перевод звучал нелепо и чуждо для русского читателя: *das kalifornische Architektenbüro Moore. Ruble & Yudell* – калифорнийская архитектурная фирма „Мур, Рабл энд Ядл“; *Pharmacia & Upjohn* – «Фармасия энд Анджон»; *Scjolz & Friends* – «Шольц энд Френдз». При переводе некоторых ИС использовался прямой перенос, когда графическая форма названий переносится без изменений из языка оригинала в текст перевода и берется в кавычки по правилам орфографии русского языка, артикль при этом, как правило, опускается: *SolarWorld AG* – «SolarWorld AG»; *Rotkäppchen-Sekt* – «Rotkäppchen-Sekt»; *die Brookings Institution* – «Brookings Institution». Это говорит о том, что у журнала не выработаны определенные нормы перевода, так как названия фирм то транскрибировались, то оставались неизменными. Также к ярким примерам отсутствия единой системы перевода ИС относятся следующие названия: *Die Deutsche Bank* – «Дойче банк» и «Deutsche Bank»; *Lufthansa* – «Lufthansa» и «Люфтганза»; *DW-radio* – радиовещание «Немецкой волны» и «Дойче велле».

Итак, методом прямого переноса было передано достаточно большое количество имен собственных – 10 названий организаций и 4 названий газет и журналов – общее количество насчитывает 20%. Кстати, сюда же относится и название самого журнала «Deutschland».

Часто названия организаций и учреждений переводились, исходя из анализа, количество таких имен собственных, как и при способе прямого переноса, составило – 14 (20%). Вот некоторые примеры: *der Deutsche Industrie- und Handelstag (DIHT)* – *Объединение германских промышленно-торговых палат*; *die Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa (OSZE)* – *Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)*; *das International Währungsfonds (IWF)* – *Международный валютный фонд (МВФ)*. Некоторые из этих названий являются известными в мировом сообществе, для них существуют определенные принятые русские соответствия, которые закреплены официально в словарных изданиях, и переводчик должен использовать их, а не переводить по личному усмотрению, либо данные организации и учреждения содержат краткую характеристику в названиях, указывающую на цель их деятельности, поэтому они подлежат эквивалентному переводу.

Транслитерация используется при передаче названий организаций и учреждений достаточно редко, всего 5 (7%) названий организаций были транслитерированы: *Infineon* – «Инфинеон»; *Intel* – «Интел»; *Otto* – «Отто»; *Wagenbau* – «Вагоненбай»; *Knorr* – «Кнопп».

По итогам исследования метод транскрипции является основным и часто используемым способом передачи ИС, он составляет при переводе антропонимов – 66%, топонимов – 48% и названий организаций и учреждений – 53%, т.е. от общего числа всех отобранных ИС (223) данным способом было переведено 55%. Следующим методом, который также использовался при переводе всех трех перечисленных групп ИС является транслитерация – 16% от общего числа всех имен собственных. Смешанные способы перевода, сочетающие транскрипцию и транслитерацию либо транскрипцию и калькирование применяются, как показало исследование, только при передаче антропонимов и топонимов, а именно от общего количество ИС первый смешанный метод составляет 12%, а второй – 5%. При передаче названий организаций и учреждений, помимо транскрипции и транслитерации, применяют такие способы как эквивалентный перевод и прямой перенос графической формы, каждый из которых насчитывает по 6% от общего числа ИС.

Во время исследования было обнаружено отсутствие единой системы перевода, а именно это проявляется в передаче одних и тех же

имен собственных разными способами: *Helmut Kohl* – Гельмут Коль и *Helmut Jahn* – Хельмут Ян; *Reinhard Klimmt* – Райнхард Климт и *Reinhard Springer* – Рейнхард Шпрингер, *Hildesheim* – Хильдесхайм и Хильдесхейм, *die Deutsche Bank* – «Дойче банк» и «*Deutsche Bank*»; *Lufthansa* – «*Lufthansa*» и «*Люфтваганза*»; *DW-radio* – радиовещание «Немецкой волны» и «*Дойче велле*». Это доказывает, что данный журнал не обладает единой выработанной системой перевода ИС, и переводчики одного издательства действовали по личному усмотрению, не обращая внимания на перевод ИС в ранее выпущенных выпусках журнала «*Deutschland*», что считается грубой ошибкой в переводческой деятельности.

В заключение следует отметить, что изучение имен собственных и проблем их перевода позволяет не только глубже проникнуть в языковую систему, ближе ознакомиться с бытом, мировоззрениями и системой жизненных ценностей того или иного народа, а также поможет избежать субъективных ошибок и неточностей, связанных прежде всего с отсутствием определенной стратегии перевода, не знанием подходящих принципов передачи определенных групп имен собственных с языка оригинала на язык перевода.

Литература

1. Лингвистический Энциклопедический словарь. Под ред. Ярцева В.Н. – М.: Сов. Энциклопедия, 2000.
2. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира. – М: Наука, 1988.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2002.
5. Wills Wolfram. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. – Stuttgart, 1972.
6. Старостин Б.А. Транскрипция имен собственных. – М.: Книга, 1965.

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Мещерякова Н. Н.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И. М. Тузова, ст. преподаватель

Тема, рассматриваемая в докладе, является актуальной, поскольку падение Берлинской стены является важным событием мировой истории и оказало большое влияние на современную Германию. В представленной статье анализируется собранный материал, а именно веб-страницы интернет-изданий, справочники, статьи из которых посвя-

щены немецкой истории и падению Берлинской стены в частности, а также подчеркивается важность данного события.

На данный момент вопрос о падении Берлинской стены исследован достаточно хорошо. Написано много книг и научных статей, снято множество фильмов. Существуют различные точки зрения на вопрос о значении данного события.

Начнем с того, почему же была возведена Берлинская стена. 13 августа 1961 года по решению правительства ГДР было начато возведение Берлинской стены. Она должна была положить конец эмиграции трудоспособного населения ГДР в западные районы, которая наносила молодому социалистическому государству серьезный экономический и кадровый урон. Особого проекта строительства не было. Границу между ГДР и ФРГ, которую и должна была обозначать стена, просто прочертили по карте. Так что стена прошла в буквальном смысле по людям: по домам, улицам, школам [1, с. 117].

Что же представляло собой это сооружение? Это была инженерно-оборудованная и укрепленная государственная граница Германской Демократической Республик с Западным Берлином протяженностью 155 км, в том числе в черте Берлина 43,1 км. К 1989 году представляла собой сложный комплекс из бетонного ограждения общей протяженностью 106 км и высотой в среднем 3,6 метра; ограждения из металлической сетки протяженностью 66,5 км; из сигнального ограждения под электрическим напряжением протяженностью 127,5 км; из земляных рвов протяженностью 105,5 км; из противотанковых укреплений на отдельных участках; из 302 сторожевых вышек и других пограничных сооружений, с полосой из острых шипов длиной в 14 см, полосой с постоянно разравниваемым песком (для заметности следов). Ограждения отсутствовали в местах прохождения границы по рекам и водоёмам. Первоначально действовали 13 пограничных контрольно-пропускных пунктов, но к 1989 году их число сократилось до трёх. По данным правительства ГДР, при попытке пересечь Берлинскую стену погибло 125 человек. По другим данным, число погибших при попытке бежать на Запад составило не менее 1245 человек. Берлинская стена просуществовала 28 лет [2].

Что же послужило падению стены? С середины 80-х годов обстановка в ГДР становится все менее спокойной. В то время как в Советском союзе проводится политика реформ, ГДР не спешит следовать этому примеру. Оппозиция по-прежнему подвергается гонениям. Число тех, кто хочет как можно скорее покинуть ГДР, неудержимо растет. В середине августа 1989 года около 600 туристов из ГДР, проводивших отпуск в Венгрии, бегут в Австрию. Венгерские пограничники не

пытаются предотвратить побег. Более того, официальный Будапешт поднимает «железный занавес» [3].

В начале октября 1989 года руководство ГДР торжественно отметило 40-летнюю годовщину основания государства, что вызвало массовые демонстрации. 4 ноября в Берлине на Александерплац собирается около 400 тысяч демонстрантов, требующих свободы слова, отставки правительства и свободных выборов. В Лейпциге оппозиция объединяется вокруг Евангелической церкви. В демонстрации 6 ноября принимает участие около полумиллиона человек [1, с. 127].

9 ноября 1989 в 19 часов 34 минуты, представитель правительства ГДР Гюнтер Шабовски, выступая на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, огласил новые правила выезда и въезда из страны. Согласно принятым решениям, со следующего дня граждане ГДР могли получить визы для немедленного посещения Западного Берлина и ФРГ. Сотни тысяч восточных немцев, не дожидаясь назначенного срока, устремились вечером 9 ноября к границе. Пограничники, не получившие приказов, пытались поначалу оттеснить толпу, использовали водометы, но затем, уступая массовому напору, вынуждены были открыть границу. Встречать гостей с Востока вышли тысячи жителей Западного Берлина. Происходящее напоминало народный праздник. Ощущение счастья и братства смыло все государственные барьеры и преграды. Западноберлинцы, в свою очередь, стали переходить границу, прорываясь в восточную часть города. В течение последующих трёх дней Запад посетили более 3 миллионов человек. 22 декабря 1989 открылись для прохода Бранденбургские ворота [3, 4].

Берлинская стена ещё стояла, но всего лишь как символ недавнего прошлого. Она была разбита, расписана многочисленными граффити, рисунками и надписями, берлинцы и посетители города старались унести на память кусочки, отбитые от некогда могущественного сооружения. Следует отметить, в первые несколько лет после крушения стены бизнес по продаже таких сувениров был достаточно прибыльным. В октябре 1990 последовало вступление земель бывшей ГДР в ФРГ, и Берлинская стена была за несколько месяцев снесена. Лишь малые части её решено сохранить как памятник для последующих поколений [2].

С крахом прежнего режима появился шанс на долгожданное воссоединение Германии. 28 декабря 1989 года федеральный канцлер Германии Гельмут Коль обнародовал программу из 10 пунктов, которая обеспечивала создание договорного сообщества на основе конфедеративной структуры и в качестве условия предусматривала корен-

ное изменение политической, социальной и экономической системы ГДР [1, с. 127].

Существует множество точек зрения на вопрос о том, чем же было падение Берлинской стены, было ли оно настолько важно. К примеру, Юрий Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, депутат 1-ого Съезда народных депутатов СССР и основатель Российского государственного гуманитарного университета, в интервью, данном газете «Великая эпоха» и посвященном годовщине падения стены и объединению Германии, сказал: «...Берлинская стена не единственная, которая разделяла мир. Выявились многочисленные «стены» и «стенки», которые были и раньше. Теперь они не менее значимы и опасны, чем одна-единственная рухнувшая Берлинская стена до ее падения...» [5]. Юрий Афанасьев не отрицает важности данного события в мировой истории и истории Германии, однако и не считает, что оно чрезмерно важно. Мы согласны с автором в том, что действительно существуют и другие «стены» и они действительно опасны. Также мы считаем, что к падению Берлинской стены не стоит относиться как к событию серьезному, но уже свершившемуся и потому неактуальному.

Падение Берлинской стены одно из важнейших событий мировой истории. Оно положило конец почти тридцатилетнему разделению немецкой нации, что, в свою очередь, дало импульс к объединению двух Германий. Совершив «бархатную революцию» и разрушив стену, немцы также доказали, что они единый народ, что они имеют право на самоопределение и никому не позволят решать за себя, как это случилось по окончании Второй мировой войны. Напомним, что почти весь двадцатый век немцев воспринимали в первую очередь как нацистов, а уже затем как народ. К великому сожалению, такое мнение существует и на сегодняшний день, в том числе и в России. Поэтому мы считаем, что разъяснение некоторых вопросов о Берлинской стене поможет понять важность такого события, как ее падение и последовавшее за этим объединение Германии.

Литература

1. Германии//Факты. – Франкфурт-на-Майне.: Социетэкс-Ферлаг, 1999
2. Берлинская стена [Электронный ресурс] Википедия. Свободная энциклопедия – Режим доступа: <http://www.wikipedia.org.ru>
3. Немецкий мир [Электронный ресурс] de-world – Режим доступа: <http://www.de-world.de/dw/artikle0>
4. Падение стены [Электронный ресурс] Хроника событий – Режим доступа: <http://www.chronick-der-wende.de>

5. Великая Эпоха [Электронный ресурс] Актуальные новости и фоторепортажи со всего мира – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru>

АМЕРИКАНСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Паргачевский А. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. Н. Голубев, ст. преподаватель

Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, становлением, изменением, увеличением или уменьшением продуктивности словообразовательных моделей и многими другими факторами словообразовательного процесса.

Во все времена обществу были необходимы слова, выражающие новые понятия, постоянно возникающие в результате развития науки, техники, культуры, общественных отношений и т.д. Огромный приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии, неологии – науки о неологизмах. Повышенный интерес к проблеме неологии обусловлен важной ролью американских неологизмов как зеркала языкового развития, которое отражает приспособление языка к изменяющимся условиям его функционирования.

Поскольку именно в США произошла новая «электронная революция», американский вариант английского языка оказывает большое влияние на распространение английского языка в мире, причем это распространение осуществляется без какого-либо насильственного нажима извне. Установлено, что такие сферы современного английского языка как средства массовой коммуникации (пресса, телевидение, радио), реклама, деловое общение, наука, техника, электроника, медицина, политика, финансы, мода являются в силу ряда социолингвистических причин основными «поставщиками» новой лексики в современный английский язык [1,с.5].

Перевод неологизмов представляет собой большую трудность. Оперативное занесение слов в словари – задача сложная, поэтому часто необходимое слово или словосочетание отсутствует. Если слова нет в англо-русском словаре, то значение может быть уточнено в Оксфордском словаре. Следует использовать самые последние издания словарей. Часто новые слова можно найти в разделах с пометкой сленг. На данный момент наиболее оперативно неологизмы записываются в Oxford Concise Dictionary [2,с.3].

В ситуациях, когда слова нет ни в одном словаре, наиболее приемлемым является уточнение значения из контекста. В зависимости от стиля, темы текста, можно с большей или меньшей долей уверенности говорить о значении незнакомого слова. Так же возможен более точный перевод неологизма после определения структуры его образования. В данной статье мы попытаемся показать способы образования новых слов в американском варианте английского языка.

Существует несколько способов образования неологизмов в английском языке: придание слову нового значения, конверсия (переход слова из одной части слова в другую), сложение слов, аффиксация, заимствования из других языков, обратная деривация, контаминация, аббревиация.

В английском языке метод придания слову нового значения является продуктивным, поэтому перевод может быть затруднен по причине активного развития полисемии английского языка. Так, например, слово *key* (основное значение «ключ»), которое с развитием техники приобрело значение «класть замковый камень в кладку», а если принимать во внимание и неформальную сторону американского варианта английского языка, то этим словом можно «закодировать» такую группу слов как «килограмм наркотиков».

Конверсия очень распространена в английском языке. Перевод слов, образованных этим способом, не представляет трудностей. Например, *E-mail* переводится как «электронная почта», но в последнее время можно увидеть такое предложение *E-mail him*, которое переводим как «пошли ему электронное сообщение». Следует помнить, что этот способ образования глагола от существительного является продуктивным в современном английском языке и служит одним из источников появления неологизмов.

Авторы нередко прибегают к конверсии, используя самые различные существительные и создавая совершенно новые глаголы, которых мы не найдем в словаре. Перевод может быть так же затруднен, если к слову, перешедшему из одной части речи в другую, добавляются аффиксы. Таким образом, если в тексте встречается неологизм, отсутствующий в словаре, переводчик обязан самостоятельно определить его значение, учитывая словообразовательные элементы данного слова и опираясь на контекст [3, с.163].

Одним из наиболее древних, универсальных и распространенных способов словообразования в английском языке является словосложение, не утратившее своей актуальности и в настоящее время. Более одной трети всех новообразований в современном английском языке сложные слова, например, *carryback* «перенос убытков на более ран-

ний период». Стоит отметить, что в английском языке часто бывает сложно определить, в каких случаях переводчик имеет дело со сложным словом-неологизмом, а в каких со словосочетанием.

Существует несколько способов образования слов сложением. Простое соединение основ слов, например, *big-eyed* (человек, который ест, даже если нет чувства голода), *fro-yo* (вид десерта). Соединение слов посредством соединительных элементов *-o-*, *-i-*, *-s-* (*Anglo-American*, *psychodramatic*). Эти элементы носят чисто соединительный характер и никак не переводятся [4,с.141-142].

Аффиксация – образование новых слов путем добавления суффиксов и приставок к основе слова. По происхождению суффиксы делятся на родные и заимствованные. К чисто английским суффиксам относятся *-ful*, *-less*, *-ish*, *-er*, *-dom*, *-ship*, *-hood* и прочие (например, *handful*, *fatherless*). Заимствованные суффиксы: *-able*, франц. *-ment*, лат. *-ion*, *-tion*, франц. *-age* и т.д. (например, *baggrivation*). Для правильного понимания значения образованных таким путем неологизмов переводчику необходимо знать продуктивные аффиксы в современном английском языке и уметь правильно членить слово на компоненты: *kiteflyer* «получатель денег под фиктивный вексель, пользователь фиктивного векселя» (*fly kites* «использовать фиктивные чеки для получения средств до их инкассации») [5,с.74-77].

Существует несколько способов заимствования из других языков: а) прямое (фонетическое), например, *kolkhos*, *sputnik*; б) калькирование, например, *collective farm*; *satellite*.

Обратная деривация представляет собой процесс образования глаголов от коррелятивных имен существительных путем усечения, например, *televise* «показывать по телевидению» от *television* «телевидение» [4,с.150-151].

Контаминация – соединение либо усеченного корня одного слова с целым словом, либо соединение двух усеченных корней: *forex reserve* (*forex* = *foreign* + *exchange*) «резервы в иностранной валюте»; *emoticon* (*emotion* + *icon*) – в русском языке уже устоявшийся «смайлик» [5,с.79].

Из-за тесной связи устной и письменной форм языка, бывает очень сложно провести границу между контаминацией и графической аббревиацией. Существует два типа орфоэпической корреляции между письменной и разговорной сторонами аббревиации:

- 1) аббревиации, которые произносятся как одно единое слово (акронимы). Этот способ образования новых слов становится все более популярным, особенно в сфере политики и тех-

ники, например, *ERA* (*Equal Rights Amendment* или *Exchange Rate Agreement*);

- 2) аббревиации, в которых каждая буква произносится по отдельности. Например, *Y2K*: *Y* (*year*) + 2 + *K* (греч. *kilos thousand*) [4, с.142-145].

Как мы увидели, неологизмы возникают в языке как результат развития общества, которому необходимы новые языковые единицы для обозначения новых предметов или концептов, появляющихся в науке, технике, культуре, общественных отношениях и т.д. Установление тенденций развития словообразовательных процессов в языке, совершенствование теории и практики лексикографии всегда были важнейшими проблемами лексикологии. Для переводчика глубокое и детальное изучение словообразовательных процессов и неологизмов может стать ключом к качественному и адекватному переводу современных текстов, а, следовательно, и к успешной карьере [6, с.3].

Литература

1. Локетт, Б. Английский язык : вчера, сегодня и завтра. – М.: Русский язык – Медиа, 2005.
2. Трофимова, З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2006.
3. Дубенец, Э.М. Современный английский язык. Лексикология : пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: СПб.: Глосса / Каро, 2004.
4. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1986.
5. Зыкова, И.В. Практический курс английской лексикологии. – М.: ACADEMIA, 2006.
6. Английские неологизмы / ответственный редактор Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Наукова думка, 1983.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ

Симонова О. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Кино – одно из самых массовых искусств. Зритель в первую очередь обращает внимание на то, что его интересует, а потому название – это ориентир при выборе фильма.

Название фильма – это не строка из договора, перевод которой требует предельной точности пусть даже в ущерб всему остальному. Здесь есть место для импровизации. «Оригинальное название, – пишет американский переводчик К. Лэндерс, – служит переводчику ориентиром, а уж он сам решает, оставить его, изменить или, в крайнем

случае, отказаться от него в соответствии с требованиями вкуса и рынка. От выбранного с умом названия достоинства хорошего произведения станут еще ярче, а вот название неудачное повиснет тяжелой гирей даже на самом выдающемся шедевре. Кроме того, переводчик должен сохранить смысл оригинального названия, если только нет веских причин сделать иначе».

В настоящее время в Россию импортируют большое количество иностранных фильмов из разных стран. Их оригинальные названия представлены на иностранном языке и должны быть переведены.

Российским переводчикам западных фильмов порой приходится пускаться в ход все свое воображение, владение иностранным и родным языком, и даже определенные экстралингвистические знания и творческие способности, чтобы точно передать мысль авторов на русском языке. Ведь название, это еще и лицо, имя фильма, под которым он – если того заслужит – войдет в национальную, а то и мировую культуру. Это имя будут упоминать даже те, кто не смотрел фильм, его будут обыгрывать, вставлять в газетные заголовки, использовать как намек в повседневной речи. Название фильма должно соответствовать его содержанию. Поэтому к переводу названия должен быть особый подход [1, с. 65].

Следовательно, переводчик должен быть очень внимательным, переводя название фильма, чтобы сделать его таким же звучным и значимым как оригинальное, чтобы тем самым привлечь зрителя.

Перевод кинофильмов – весьма важная в наше время и в нашей стране отрасль творческого и коммерческого перевода. Хотя российский кинематограф в последние годы вышел на уровень, превышающий советские показатели по числу выпускаемых фильмов, количество зарубежных лент на экранах кинотеатров, на телеканалах и на дисках по-прежнему очень велико, и большинство новинок, в обязательном порядке переводится на русский язык.

Выбор способа перевода фильма в значительной степени способствует восприятию фильма исходного языка в целевой культуре. Методы зависят от различных факторов, таких как история, традиция при переводе фильмов в данной стране. Хотя современные традиции перевода названий и складываются подчас случайно и стихийно, однако переводчики выделяют лишь несколько стратегий перевода.

Первая стратегия основана на дословном переводе названий фильмов на русский язык. В основном, такой стратегии подвергаются названия фильмов, где отсутствуют неперебиваемые культурно-специфические компоненты (экзотизмы, реалии-меры и т.п.) и нет конфликта формы и содержания: *The Aviator* – *Авиатор* (2004), *A Bet-*

ter Way To Die – Лучший способ умереть (2000), *Phantomschmerz* – Фантомная боль (2009), *Der rote Baron* – Красный барон (2008), *Zwei Frauen* – Две женщины (1989).

К данной стратегии мы также относим такие приемы перевода, как транслитерация и транскрипция имен собственных, не обладающих внутренней формой. Несомненно, такие имена собственные несут определенный культурологический компонент, однако при переводе он становится нерелевантным. Таким образом переведены следующие названия фильмов: *Avatar* – Аватар (2001), *Chloe* – Хлоя (2009), *Tante Maria* – Тетя Мария (1979).

Вторую стратегию можно определить как трансформация (изменение) названия. В переводческих исследованиях признано, что трансформации в переводах обусловлены различными факторами: лексическими, стилистическими, функциональными, прагматическими. В последнее время трансформации исследуются с позиции особенностей когнитивных процессов, специфики картины мира, отраженной в художественном произведении.

Можно заметить, например, что многие названия фильмов переводятся при помощи замены или добавления лексических элементов, ввод ключевых слов фильма компенсирует в названии смысловую или жанровую недостаточность дословного перевода. Переводчик И. Милевич приводит следующий пример. Название комедии о младшем сыне дьявола «*Little Nicky*» переведено с добавлением лексического элемента «Ники, дьявол-младший». Такой перевод не позволит идентифицировать этот фильм, например, с детективом или биографической драмой [2].

Впрочем, налицо желание сделать название фильма интереснее, здесь проявляется рекламная функция названий фильмов: отдельные фразы дополняются к оригинальному названию, чтобы фильм пользовался большим успехом в прокате. Классический пример: «*Hitch*» и его прокатный вариант «Правила съема – метод Хитча». Ведь в действительности, это история о человеке, занимавшимся обучением мужчин правилам обхождения с женщинами. Таким образом, российское название звучит более интригующе для потенциального зрителя, чем просто «Хитч».

Наряду с добавлениями переводчики практикуют прием опущения, например, фильм «*Three Burials of Melquiades Estrada*» в российском прокате получил название «Три могилы». Это оправдано, потому что из-за имени Мельхиадес, к тому же с фамилией Эстрада название стало бы очень грузным, неудобочитаемым.

Третья стратегия, которой пользуются российские переводчики – это замена названий фильмов. Несмотря на основные требования, которые стоят перед переводчиком, – а именно сохранение семантико-структурного равенства и равные коммуникативно-функциональные свойства – случаев изменения названий фильмов при переводе достаточно много. Например, немецкий фильм «*Наци*» в некоторых переводах называется «*Немецкая история X*», по аналогии с сюжетом известного американского фильма.

Фильм «*Красавчик*» с Тилем Швайгером в оригинале называется «*Kein Ohr Hasen*». В переводе с немецкого языка это означает «*Безухий заяц*». Отсюда вывод: у переводчиков довольно своеобразное понятие о красоте.

Классический пример замены – «*The Cinderella Man*» (2005) переведен как «*Нокдаун*». Жанр этого фильма – драма, экшн. Это история человека, который в годы Великой Депрессии начинает боксировать, чтобы заработать деньги. Выясняется, что у Брэдока настоящий спортивный талант, который возносит его к вершинам славы. А прошлое бедняка послужило поводом для появления его оригинального прозвища – Золушка. Однако российские переводчики не смогли поставить слово Золушка в мужском роде (Золушкин, Золушкамен), потому им пришлось отказаться от перевода вообще, и найти контекстуальную замену – «*Нокдаун*». Здесь причиной замены можно считать как невозможность передачи внутренней формы оригинального названия, так и жанровую адаптацию.

Политические взгляды в различных странах также влияют на перевод кинозаголовков. Например, фильм «*Some Like It Hot*» (1959) в условиях жесткой цензуры в Советском Союзе получил название «*В джазе только девушки*», хотя в последнее время наблюдается возвращение к почти дословному переводу «*Некоторые любят погорячее*» [3].

В российский прокат выходят фильмы из различных стран, некоторые из них более популярны, другие – менее. Однако же именно этот факт является одной из причин изменений названий кинопроизведений при переводе. Например, американский фильм «*Taxi*», вышедший в 2004 году, при переводе был переименован в «*Нью-йоркское такси*», так как в России с 1997 года достаточно популярен одноименный французский фильм.

В русском прокате фильм «*Im Juli*» называется «*Солнце аутеков*». Здесь кардинальное изменение названия вызвано ещё и отказом от попыток передать игру с именем героини в оригинале: в фильме ее имя созвучно с названием месяца. Русское название – получилось

весьма удачное: фильм очень солнечный, летний, июльский. Тем более, что перевести немецкое название, сохранив обыгрывание месяца и имени максимально близко к оригиналу, очень трудно.

На основании проведенного нами исследования можно сделать вывод, что основным (68%) методом перевода названий, является трансформация (изменение) названия. Этим приемом в основном пользуются для привлечения внимания, в целях рекламы. Второе место можно отдать дословному переводу, так как появляется большое количество фильмов с именами собственными. Замена названий встречается реже, и в основном ее используют при некачественном переводе пиратских компаний, в итоге эти названия закрепляются на основном кинорынке.

Литература

1. Бузаджи Д.М. Хоть горшком назови? // Мосты. – М.: Р.Валент. – 2005, №1 (50).
2. Милевич И.Г. О переводе названий художественных фильмов // Русский язык за рубежом. – М., 2007.
3. Стоун У.О. Трудности перевода названий фильмов [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.oliverstone.ru/articles/467/>

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Смагина Ю. Д.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С.Н.Голубев, ст. преподаватель

Современный язык – это продукт длительного исторического развития, в процессе которого он подвергается разносторонним изменениям, обусловленным различными причинами. Изменения затрагивают все стороны (уровни, ярусы, аспекты) языковой структуры, но действуют в них по-разному. Историческое развитие каждого уровня зависит от конкретных причин и условий, стимулирующих сдвиги в лексическом составе языка, в его фонетической (фонологической) организации, в его грамматическом строе.

Развитию языка свойственны процессы роста и распада. Так в английском языке развиваются аналитические формы, сложная система глагольного формообразования, но распадается система склонения и личных окончаний глагола, выпадают слова из словарного состава, появляются новые путем заимствований или новообразований [1, с. 67].

Причины (факторы) изменений, которые заложены в самом языке, называют лингвистическими (или интралингвистическими), а факто-

ры, связанные с историей народа, с общим развитием человеческого общества, – экстралингвистическими.

С этимологической точки зрения вся лексика разделяется на исконную и заимствованную. В большинстве случаев заимствованные слова попадают в язык как средство называния новых вещей и выражение ранее неизвестных понятий. Заимствованные слова могут также являться вторичными наименованиями уже известных предметов и явлений. Данный процесс происходит в случае, если заимствованное слово используется для несколько иной характеристики предмета, если оно является общепринятым интернациональным термином или если иностранные слова насильственно внедряются в язык (при военной оккупации). С точки зрения словарного состава следует классифицировать английский язык как язык международного происхождения.

В развитии словарного состава английского языка большую роль сыграли заимствования из латинского и французского языков. Некоторое влияние на словарь английского языка оказали также скандинавские языки [2, с. 84].

Современный английский язык по своему строю является языком аналитическим, т.е. имеет такой грамматический строй, при котором связь слов в предложении выражается главным образом порядком слов и посредством служебных слов – предлогов и союзов. Древнеанглийский язык был языком синтетическим, т.е. языком, в котором связь слов в предложении выражалась главным образом посредством изменения самих слов.

Заимствование лексики может происходить устным и письменным путем. В случае заимствования устным путем слова быстрее полностью ассимилируются в языке. Слова, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности. Заимствование бывает непосредственное и через язык-посредник. Языками-посредниками явились, например, латинский (через латынь в английский попало много греческих слов) и французский (из которого было заимствовано много латинских слов). Основными способами заимствования лексики являются транскрипция, транслитерация и калькирование.

Транскрипция (фонетический способ) – это такое заимствование словарной единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма. Таким способом из английского языка заимствованы слова *футбол* “*football*”, *джинсы* “*jeans*” и др. В английский язык заимствованы из французского *regime*, *ballet*, и др.

Транслитерация – это способ заимствования, при котором заимствуются написание иностранного слова: буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. При транслитерации слово читается по правилам родного языка, например, русский вариант англ. *cruise* сохраняет свое оригинальное произношение.

Калькирование – это способ заимствования, при котором заимствуются ассоциативное значение и структурная модель слова или словосочетания. При калькировании компоненты заимствуемого слова или словосочетания переводятся отдельно и соединяются по образцу иностранного слова или словосочетания, например: русское существительное «самоубийство» – калька латинского *suicide* (*sui* – себя, *cide* – убийство) и др.

Калькирование, транскрипцию и транслитерацию как способы заимствования следует отличать от одноименных способов перевода. Не различаясь по своему механизму, они различаются по своим конечным результатам: при переводе не происходит увеличение словаря, тогда как при заимствовании в лексиконе появляются новые словарные единицы [3].

В результате влияния на английский язык других языков в его словарном составе произошли некоторые изменения, наиболее заметными из которых являются следующие.

Семантика наиболее распространенных корней греческого и латинского происхождения помогает понять суть заимствованных слов, а также она необходима для правильного произношения и написания распространенных терминов и общенародных слов.

Некоторые греческие и латинские корни в современных английских словах: лат. *audio* «слушать»: *auditorum*, *audience*; греч. *bios* «жизнь»: *biology*, *biography*; лат. *vita* «жизнь»: *vital*, *vitality*, *vitamin*. В английском языке появились иноязычные словообразовательные элементы. Как правило, аффиксы: *anti-*, *re-*, *pro-*, *counter-*, *-ism-*, *-age-*, *-able-*, *-ous* и др.

Под влиянием заимствований многие исконные английские слова вышли из употребления или изменили свое значение. Например, вместо древнеанглийских слов, выражавших соответственно понятия «река, битва» появились французские или заимствованные через французский язык латинские и греческие слова *river*, *battle*.

Этимологические дублеты – это слова, этимологически восходящие к одной и той же основе, но имеющие в языке различное значение, произношение и написание, например: *catch* и *chase*, *goal* и *jail*, *channel* и *canal*.

Интернациональными называют слова, встречающиеся во многих языках, но имеющие незначительные фонетические различия, связанные с особенностями произношения каждого языка, например: рус. *адрес*, англ. *address*, фр. *adresse*, нем. *Adresse*.

Появилось много слов, произношение и написание которых не соответствует нормам английского языка и которые имеют некоторые грамматические особенности. К числу особенностей заимствованных слов, не полностью ассимилировавшихся в языке, относятся следующие: в словах, заимствованных из французского языка в более поздний период, буква *g* читается как [ж]: *genre*, *prestige*; сочетание *ch* читается как [ш]: *machine*, *chauffeur*; конечная согласная не читается: *corps*, *ballet* [4, с. 76].

Учитывая относительную частоту распространения слов, очевидно, что слова англо-саксонского происхождения составляют большую часть лексического состава языка. Местный элемент в английском языке содержит огромное количество часто повторяющихся слов, таких, как артикли, предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, а также слова, обозначающие предметы повседневной жизни.

Имеющиеся в словарном составе языка заимствованные слова можно классифицировать: по источнику заимствования, по аспекту заимствования, и по степени ассимиляции.

По источнику и эпохе заимствования в словарном составе английского языка различают:

- Кельтские заимствования.
- Латинские заимствования первых веков нашей эры, т.е. попавшие еще до прихода англов и саксов на Британские острова (так называемый первый слой латинских заимствований).
- Латинские заимствования VI-VII вв., т.е. эпохи введения христианства в Англии (так называемый второй слой латинских заимствований).
- Скандинавские заимствования эпохи скандинавских набегов (VIII-IX вв.) и особенно скандинавского завоевания (X в.).
- Старые французские заимствования (XII-XV вв.), обусловленные нормандским завоеванием.
- Латинские заимствования XV-XVI вв., т.е. связанные с эпохой Возрождения (так называемый третий слой латинских заимствований).
- Новые французские заимствования после XVI в.
- Заимствования из греческого, итальянского, голландского, испанского, русского, немецкого и др. языков, обусловлен-

ные экономическими, политическими, культурными и т. д. связями с соответствующими народами.

- Советизмы, т.е. слова, заимствованные из русского языка советского периода [5].

Заимствования можно также классифицировать по аспекту слова, который оказывается новым для принимающего языка. По этому принципу заимствования подразделяются на фонетические, кальки, семантические и заимствования словообразовательных элементов.

Первый из названных типов, т.е. фонетические заимствования, составляет основную и наиболее многочисленную группу. Они характеризуются тем, что общий звуковой комплекс оказывается для заимствующего языка новым, например: *travel, people, castle* и т. д.

Под семантическим заимствованием понимается заимствование нового значения, часто переносного, к уже имеющемуся в языке слову. Слова *pioneer* и *brigade* существовали в английском языке и до проникновения в него советизмов. Заимствоваться может не только слово, но и отдельные значащие части слова. Морфемы заимствуются, однако, не изолированно, а в качестве части слова, например: *anti-, counter-, inter-, sub-, ultra-* и т. д. Во всех языках широкоупотребительны греческие суффиксы: *-ist, -ism, -isk* [6, с. 98].

Далеко не все заимствованные слова ассимилируются полно, по степени ассимиляции заимствования можно разделить на следующие группы. Полностью ассимилированные, т.е. соответствующие всем морфологическим, фонетическим и орфографическим нормам заимствовавшего языка. Частично ассимилированные, т.е. оставшиеся иностранными по своему произношению, написанию или грамматическим формам. Частично ассимилированные и обозначающие понятия, связанные с другими странами и не имеющие английского эквивалента названия: разных национальных одежд, жилищ, музыкальных инструментов, званий, профессий [7, с. 45].

Иноязычные заимствования являются одним из важных видов обогащения словарного состава английского языка. При изучении и анализе заимствований следует обратить внимание не только на то, какой язык послужил их первоисточником, в какой период они были заимствованы, но и на то, какую эволюцию эти слова прошли после заимствования и какие изменения вызвали в уже существующем словарном составе английского языка.

Изучение лексических заимствований позволяет проследить сложность языковых процессов, переплетение внутренних и внешних явлений в языке, воздействие последних на различные звенья языковой структуры.

1. Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. Лексикология английского языка. – М., 1956.
2. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев: Изд-во Киевского университета, 1964.
3. Иностранные заимствования в лексике английского языка [Электронный ресурс]: IN1 – Режим доступа: <http://in1.com.ua/article/19933/>
4. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: высшее образование. – М.: Дрофа, 1999.
5. Зализняк А. Лингвистика [Электронный ресурс]: Энциклопедия Кругосвет – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZAIMSTVOVANIE.html
6. Ильиш Б.А. История англ. языка. – М.: Высшая школа, 1968.
7. Гинзбург Х. Лексикология английского языка. – М., 1981.

СТРУКТУРНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «ЛОРЕЛЕЯ»

Суздорф А. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, строфа, рефрен, звукопись – это те внутренние «каркасные балки», которые придают архитектурному сооружению стиха неотразимую привлекательность. Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии [1, с. 260]. Поэтому целью данного исследования является анализ структурных и стилистических особенностей стихотворения Генриха Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» («Лорелея») из цикла «Die Heimkehr» («Возвращение на родину») и его переводов на русский язык. Это произведение основано на легенде о Лорелее, которая долго оставалась лишь местным преданием. Широкую известность она получила в начале XIX века благодаря стихотворению, которое создал в 1824 г. Г. Гейне [2]. В данной статье рассматриваются его переводы, выполненные К. Павловой (1839), С. Маршаком (1951) и В. Левиком (1956).

Первым переводчиком этого стихотворения считается Каролина Павлова. В первой строфе ее версии выражение «ein Märchen aus alten Zeiten» (сказка старых времен) передано как «небылица старины», то есть легенда превращается просто в занятную «небылицу». Выражение «das kommt mir nicht aus dem Sinn» (не выходящая у меня из голо-

вы) переводчица заменяет возвышенным «забыть ни на миг не могу я», а вместо простой фразы оригинала «dass ich so traurig bin» (я грустен) она пишет «и горя, и тоску», что придает стиху напевность и усиливает драматический эффект.

Начало второй строфы, в котором нам встречаются выражения «es dunkelt» (темнеет) и «die Luft ist kühl» (воздух прохладен), переведено довольно интересным образом: «вечер светел без туч...», то есть переводчица изменила всю строку оригинала. Метафора «der Gipfel des Berges funkelt» (вершина горы сверкает) передана следующей метафорой:

*И блеснит и догорает
На утесах солнца луч ...*

Метафора «goldenes Haar» (золотые волосы) в третьей строфе передана метафорой «коса золотая», что сближает произведение Г. Гейне с русскими народными напевами. Слово «Jungfrau» (девушка), относящееся в немецком к поэтическому стилю, передано эквивалентным ему словом «дева». Здесь присутствуют прилагательные в постпозиции – «скала крутая», «коса золотая», «гребень золотой», используемые для придания стиху мелодичности. То, что в переводе появляется скала, говорит о стремлении переводчицы к созданию более наглядной картины.

В четвертой строфе эпитет «wundersame Melodei» (чудесная мелодия) передан эпитетом «дивная песня», а также сравнением «песня, словно неземная», так переводчица приукрашает оригинал. Метафора «gewaltige Melodei» (сильная мелодия) выпущена, то есть происходит потеря информации. Здесь К. Павлова продолжает использовать постпозицию прилагательных: «коса золотая», «песня дивная». В пятой строфе метафора «wildes Weh» (дикая печаль) передана более подходящей высокому стилю метафорой «тоска страстная». Скалы превращаются в «путь опасный», прилагательное «опасный» в постпозиции используется для нагнетания обстановки.

В шестой строфе олицетворение «die Wellen verschlingen» (волны проглотят, поглотят) передано, как и в оригинале, олицетворением. Для большей выразительности К. Павлова придает волнам человеческие свойства:

*Скоро волны, свирепея,
Разобьют челнок с пловцом ...*

Инверсия, содержащаяся в последних двух строках, передана иначе, однако последняя строка все-таки содержит инверсию:

*И невица Лорелея
Виновата будет в том.*

Таким образом, можно утверждать, что в переводе К. Павловой господствует тенденция к приукрашению оригинала, использованию ярких определений и стилистических средств. Переводчица также добавляет некоторые детали, такие, как коса девушки и скала, на которой она сидит. Все это используется К. Павловой для создания яркой и подробной картинки и не противоречит замыслу автора и структуре повествования. С целью придания стиху атмосферы старинной баллады, переводчица использует множество архаизмов, устаревших слов, словоформ и выражений, таких, как: «горюя», «небылица», «воды», «дивная», «светел». Возможно потому, что Каролина Павлова была современницей А.С. Пушкина, в ее переводе чувствуется стиль пушкинских сказок.

В переводе Самуила Маршака выражение «ein Märchen aus alten Zeiten» в первой строфе передано стилистически еще более приподнятым выражением «преданье далеких лет», заменив слово «Märchen» (сказка) на «преданье» переводчик уточняет происхождение рассказанной истории. Этот эффект усиливается и в следующей (второй) строфе:

*Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.*

В данной строфе присутствует олицетворение – «дохнуло прохладой», заменяющее стилистически менее яркое выражение оригинала – «die Luft ist kühl», возвышенное выражение «es dunkelt» передано нейтральным словом «темнеет», а метафора «der Gipfel des Berges funkelt» – метафорой «вершина горы пламенеет». Переводчик добавил и еще одну метафору, заменив слово Abendsonnenschein (закат) метафорой «закатный огонь».

Метафора «goldenes Haar» в третьей строфе передана в версии Маршака сравнением «как золото пряди», в следующей строфе она повторяется в виде метафоры «золото». Автор употребляет устаревшую форму глагола «блестеть» – «блещут» для создания атмосферы старины. Переводчик добавляет такую деталь, как «обрыв крутой», стремясь к наглядности. Постпозиция прилагательного создает высокий стиль старинной баллады.

В четвертой строфе речь идет о песне, характеристика которой в оригинале выражена эпитетом «wundersame Melodei» и метафорой «gewaltige Melodei», в переводе мы видим олицетворение – «зовущая песня», это песня, которая «власти и силы волшебной полна», то есть С. Маршак передает эпитет и метафору словосочетанием краткого

прилагательного с существительными, создавая ощущение старинного напева.

В пятой строфе метафора «wildes Weh» передается словом «тоска», то есть в переводе теряется яркость описания чувств того, кто слышал пение Лорелей, однако стилистически нейтральное определение челнока, который у Гейне просто «маленький» заменено эпитетом, челнок становится «беззащитным», что отражает ситуацию и отношение автора к тому, что скоро произойдет. Скалы превращаются в гранитные, что еще раз доказывает стремление переводчика к большей точности и детальным описаниям. Возвышенное в немецком языке выражение «in die Höh» передано достаточно широко употребительным выражением «в вышину».

В шестой строфе присутствует олицетворение «die Wellen verschlingen», в переводе волны тоже оживают, становятся «круче и злей», но уже благодаря метафоре. В переводе появляются скалы, создающие атмосферу опасности. Инверсия в последних двух строках также передается инверсией:

*И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.*

Таким образом, можно утверждать, что перевод С. Маршака максимально приближен к оригиналу. Большинство стилистических средств переданы адекватно. Переводчик добавляет некоторые детали для создания более наглядной и яркой картины, однако все эти детали соответствуют общей концепции автора оригинала и не нарушают ни структуры повествования, ни его содержания.

Что касается стилистических особенностей перевода Вильгельма Левика, то уже в первой строфе, в отличие от оригинала, присутствует инверсия:

*Мне все не дает покою
Старинная сказка одна ...*

Переводчик намеренно ставит слово «сказка» не в начало предложения, а ближе к концу, для того, чтобы передать высокий стиль автора. Сказка старинная, а не старая, поскольку определение «старинная» больше соответствует высокому стилю баллады. Кроме того, В. Левик, как и сам Г. Гейне, использует выражения художественного стиля:

*Не знаю, что стало со мною,
Душа моя грустью полна ...*

Во второй строфе переводчик использует метафору «Рейн дремотою объят», которая заменяет нейтральное выражение оригинала «ruhig fließt der Rhein» (Рейн спокойно течет), а также метафору «пылает

закат», заменяющую метафору «*der Gipfel des Berges funkelt*» и передающую блеск вершины горы в лучах закатного солнца. Высокий стиль немецкого выражения «*es dunkelt*» передается таким же высоким выражением «день меркнет». Кроме того, в этой строфе у В. Левика появляется долина, о которой Г. Гейне не упоминал.

В третьей строфе встречается метафора «одежда золотая», которой также не было в оригинале. Лорелея поет «песнь», а не песню, что отвечает высокому стилю оригинала. Присутствует в этой строфе и прилагательное в постпозиции:

*Одежда ее золотая,
И гребень в руке – золотой.*

В четвертой строфе присутствует метафора «*goldenes Haar*», которая передана метафорой «кос золото», то есть волосы девушки «превращаются» в косы, как и в версии К. Павловой. Эпитет «*wundersame Melodei*» В. Левик передает аналогичным эпитетом «песня волшебная». Метафора «*gewaltige Melodei*» передана метафорой «странно сильна и нежна», то есть переводчик добавляет новую информацию. Кроме того, в этой строфе в переводе присутствует выражение «песня льется», характерное в русском языке для художественной литературы, а также для стихотворений. И в этой строфе есть инверсия, что придает стихотворению некую напряженность и вызывает у читателя чувство волнительного ожидания:

*И кос ее золото вьется,
И чешет их гребнем она ...*

В пятой строфе метафора «*wildes Weh*» опускается, вместо нее автор использует другую метафору – «силой плененный могучей», стремясь подчеркнуть власть песни над теми, кто ее слышит. Выражение «*in die Höh*» передано, как и у С. Маршака, широко употребительным выражением «ввышину». Также в этой строфе присутствует постпозиция прилагательного, призванная усилить ощущение власти волшебной песни:

*И, силой плененный могучей,
Гребец не глядит на волну ...*

В шестой строфе переводчик использует олицетворение, придавая волне человеческие качества и вместе с тем присваивая ей новую характеристику – «свирепая», усиливающую эффект надвигающейся опасности:

*Я знаю, волна, свирепая,
Навеки сомкнется над ним,*

Инверсия последних двух строк оригинала не передана переводчиком, он ставит в начало предложения указательное местоимение

«это», чтобы привлечь внимание читателя к тому, что может сделать Лорелея своей волшебной песней, как опасно бывает волшебство.

В современных изданиях обычно печатается именно перевод В. Левика. Скорее всего, это связано с тем, что этому переводу присуща большая образность, возможно, поэтому его и считают самым удачным [3].

Интересен тот факт, что устаревшее слово «Geschmeide» (украшения) не передано ни одним из переводчиков. Нам остается только предполагать, почему переводчики отказались от передачи данного слова.

Что касается структуры стихотворения, то в переводе К. Павловой она значительно изменена, что сделало его более динамичным. В версии С. Маршака размер сохранен, увеличивается количество безударных слогов, расстояние между ударениями. Благодаря этому размер стал более стройным, что придает стиху большую мелодичность и напевность. В версии В. Левика наблюдаются небольшие отклонения в количестве безударных слогов, то есть структура и мелодика стиха не нарушены.

Поэзия обладает сложным сплетением многоплановых образов, которые у каждого поэта и в каждом произведении складываются в свою систему. Важна оказывается стилистическая окраска используемой лексики, характер тропов, наличие игры слов, лексического контраста. Переводчик старается и учесть эти доминанты, и организовать их в единое целое. Задача преодолимая, хотя потери неизбежны у любого переводчика, и не случайно всегда равноправно существует несколько версий перевода стихотворного произведения: в каждой из них – свои утраты. Но поэзия прежде всего музыкальна, поэтому, как показывает история, в культурном наследии в первую очередь надолго запечатлеваются стихотворные переводы, достоверно сохраняющие поэтическую форму подлинника, хотя не все компоненты содержания в них переданы [1, с. 262].

Литература

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб.: Союз, 2001.
2. Лорелея [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.egamath.narod.ru/Reid/Tales/Loreleya.htm>
3. Кузьмина Е.О. Искусство художественного перевода. Немецкая классическая поэзия на уроках литературы. – Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2000.
4. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.dwds.de

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ruscorpora.ru

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ШВЕЙЦАРИИ

Твардовский М. М.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И. М. Тузова, ст. преподаватель

Рассматриваемая в данной статье тема представляет не только глубоко практический интерес в сфере применения литературного немецкого языка в немецкоязычных областях Швейцарии, но и предоставляет возможность изучить многообразие форм языка, его развитие в полигlossальной среде, некоторые языковые феномены, а также попытаться определить закономерности возникновения диалектов, их особенности и роль в повседневной жизни швейцарцев.

Наибольшую индивидуальность из четырёх официальных языков в Швейцарии приобрел именно немецкий язык. Лингвистическая ситуация швейцарско-немецкого ареала характеризуется уникальной чертой в социально-функциональной модели немецкого языка, не свойственной немецкому и австрийскому национальным узусам. В Швейцарии в процессе исторического развития не произошло образования функционального слоя в виде обиходно-разговорного языка – Umgangssprache. Немецкий литературный же язык является здесь преимущественно формой письменного общения, в то время как в устной реализации предпочтение отдается национальному диалекту. В рамках швейцарско-немецкой языковой общности, таким образом, прослеживается существование двух разновидностей одной системы: немецкого литературного языка в его швейцарской окрашенности – Schweizerhochdeutsch и алеманнского (швейцарского) диалекта в функции разговорного языка – Schwyzerdütsch (Schwyzertütsch). Владение обеими разновидностями рассматривается в лингвистике как диглоссия или диалектно-литературное двуязычие [1, с. 130].

Немецкий литературный язык Швейцарии обладает национально детерминированными чертами на всех системных уровнях. Швейцарское своеобразие немецкого литературного языка определяется, в первую очередь, сохранением в нем ареальных, южнонемецких языковых черт, общих не только для остальной алеманнской языковой области, но и для австрийского, баварского и швабского ареалов. Степень расхождения швейцарского варианта литературного языка с немецким языком германского государства значительно выше, чем, например, австрийского. Так называемая алеманнская субстанция в литератур-

ном языке Швейцарии представляет собой достаточно заметную группу. Тематически эти слова относятся к различным сторонам жизни и быта швейцарцев и связаны с названиями предметов жилища, одежды, пищи и т.д. Алеманнский диалектный материал лежит в основе гельвецизмов, т.е. лексических единиц, которые несвойственны немецкому литературному языку за пределами Швейцарии [2, с. 163].

Наряду с этим в литературном языке Швейцарии появились различные лексические единицы для обозначения реалий, связанных с особенностями государственного, общественно-политического, экономического и культурного развития страны (например, *der Stimmbürger* – *Schweizerbürger* «швейцарский подданный, гражданин»; *der Fürsprecher* – *Rechtsanwalt*; «адвокат»; *der Ausläufer* – *Bote* «рассыльный»).

Определенную черту в своеобразие швейцарского варианта немецкого языка вносят достаточно многочисленные заимствования из других языков, что, прежде всего, объясняется этническим составом швейцарского народа. В количественном отношении на первом месте из романских заимствований в швейцарско-немецком и его диалектах находятся заимствования из французского литературного языка, французского разговорного языка и французских говоров швейцарских кантонов [3, с. 238].

Диалекты немецкой Швейцарии – древнейшие и наиболее исследованные диалекты немецкой языковой области. За исключением базельского региона, представленного нижнеалеманнским, и говоров кантона Вале, относящихся к горноалеманнскому, немецкоязычную Швейцарию обслуживает верхнеалеманнский диалект. В швейцарско-немецком традиционно выделяют 24 поддиалекта, однако, по словам У. Дж. Моултона, посвятившего много работ швейцарским диалектам, лишь в одном маленьком кантоне Сент-Галлен диалектных различий больше, чем во всех Соединенных Штатах Америки. Разговорный швейцарско-немецкий по звуковому составу, формам, словарю, строю предложения и интонационной структуре остался близок к немецкому языку средневековья, а на юге – даже к древневерхнемецкому языку IX-XI веков [1, с. 14].

В сложной макросистеме швейцарско-немецкого (алеманнского) диалекта органично слиты общие языковые элементы и местные (региональные) специфические особенности каждой из диалектных микросистем. Наибольшая общность и единство швейцарских поддиалектов проявляются в сфере грамматического строя. Наиболее существенными являются различия фонетического и лексического характера. Приведем некоторые важные свойства (признаки) швейцар-

ско-немецкого, отличающие его от стандартного немецкого языка. Это, прежде всего, фонетические признаки:

- 1) сохранение старых долгих гласных *i*, *u*, *ü* на месте верхне-немецких дифтонгов: *schrybe*, *Huus*, *Lüüt* вместо *schreiben*, *Haus*, *Leute*;
- 2) сохранение старых дифтонгов *ie*, *ue*, *üu* вместо немецких монофтонгов: *Fuess*, *hüete* вместо *Fuß*, *hüten*;
- 3) выпадение *n* и *e* в конце слов: *Wy*, *Stei*, *Fraue*, *singe* вместо *Wein*, *Stein*, *Frauen*, *singen*; *Bueb*, *Haas*, *Gescht* вместо *Bube*, *Hase*, *Gäste*;
- 4) стяжение приставок *be-* и *ge-*: *gsunge*, *ggange*, *täinkt* вместо *gesungen*, *gegangen*, *gedacht*; *bhaupte*, *Prueff*, *Psuech* вместо *behaupten*, *Beruf*, *Besuch*;
- 5) перебой *k* в начале слова в *ch*: *Chueche*, *Chue*, *chalt* вместо *Kuchen*, *Kuh*, *kalt*;
- 6) последовательное проведение умлаута во множественном числе существительных и при образовании степеней сравнения прилагательных: *Hünd*, *Ärm*, *Näme*, *tüinkler*, *lüschtiger*, *schlöier wööler* вместо *Hunde*, *Arme*, *Namen*, *dunkler*, *lustiger*, *schlauer*, *wohler*;
- 7) утрата прошедшего времени *Präteritum*, а также родительного и винительного падежей: *i bi ggange*, *i ha gsunge* вместо *ich ging*, *ich sang*; *de Teckel vom Buech*, *i gseene de Vatter* вместо *der Deckel des Buches*, *ich sehe den Vater*;
- 8) различие ударных и безударных местоимений и т.д. [4].

Швейцарские диалекты очень интересны по своему словарю и семантике слов, так как в них сохраняются слова из различных эпох, часто относящиеся к периоду индоевропейского единства; порою эти слова принадлежат неизвестным народам, иногда являются иллирийскими, кельтскими, романскими реликтами, иногда же – сравнительно недавним немецким новообразованием.

Одна из основных проблем, рассматриваемых лингвистами Швейцарии, – это взаимоотношения между швейцарско-немецким (*Schwyzertütsch*) и немецким литературным языком. Здесь существуют различные точки зрения. Еще в 1952 году Р.Е. Келлер писал, что за последние 400 лет нововерхненемецкий настолько отделился от швейцарского, который в своих существенных чертах остался статическим, что некоторые лингвисты считают даже правомерным говорить о двух языках [1, с. 155].

В повседневной жизни швейцарцы пользуются своим «родным» языком (*Schwyzertütsch*), который употребляется всеми слоями насе-

ления, без всякого социального различия, представителями всех классов общества, образованными и малограмотными, и в городе, и в деревне, в семейной беседе и в ученом споре, в котором белые кровяные тела называются *wiiesse Blüetkörperli*, а кислород – *Suurstoff*. Таким образом, швейцарско-немецкие диалекты занимают особое положение в сравнении, например, с немецкими и австрийскими диалектами и превосходят их с функциональной точки зрения.

Языковая ситуация, которая характеризуется существованием в рамках одной и той же речевой общности двух разновидностей одной системы, рассматривается в лингвистической литературе как диглоссия, или диалектно-литературное двуязычие (*mundartlich-schriftliche Zweisprachigkeit*). Такая диглоссия длится в Швейцарии уже более 200 лет, и швейцарцы к ней привыкли. Но распределение функций между этими двумя языковыми формами не всегда было одним и тем же. В последнее время чаша весов перевешивается в сторону диалекта, потому что люди больше говорят, чем пишут. Телефон заменяет письмо, радио и телевизор заменяют книгу. Если раньше говорили о медиальной диглоссии германошвейцарцев, заключающейся в том, что говорение (соответственно и понимание высказываемого) шло преимущественно на диалекте, а письмо и чтение исключительно на стандартном немецком языке, то сегодня можно говорить, согласно Г. Кольде, о стремлении к «продуктивно-рецептивной диглоссии», а также можно констатировать развитие диглоссии в крайне рудиментарный билингвизм. Таким образом нельзя сказать: здесь диалект, там – Hochdeutsch, каждый на своем месте. Сегодня возможен и диалект, и Hochdeutsch, но с различным желанием [4].

За последние пятьдесят лет распространение диалекта значительно продвинулось по сравнению со стандартным языком, т.е. в отношении Швейцарии встает вопрос: а уместно ли здесь вообще слово диалект? Из-за широты диапазона социально-функциональной значимости швейцарско-немецкого диалекта некоторые лингвисты определяют его как «культурный» или «культивированный» диалект (*Kulturdialekt*, *Ausbaudialekt*) [2, с. 98].

Примером расширения сферы диалекта могут служить следующие факты. Хотя изучение и использование письменного языка является одной из основных задач школы, тем не менее, есть ряд предметов (уроков), где говорят почти только на диалекте – например, черчение, труд, музыка, спорт; т.е. на уроках, где «задействованы» в основном руки, используется диалект, в то время как на уроках, где нужна в первую очередь «голова», преимущество остается за письменным языком, но и его роль сразу прекращается, как только раздается зво-

нок на перемену. Часто слышен диалект на радио, несколько меньше на телевидении, поскольку телевидение передает много материала из Германии или материала совместного производства. В настоящее время доля передач на диалекте составляет 60% всех передач [4].

В развитии современных швейцарско-немецких диалектов можно отметить следующие процессы: сохранение диалектов, их смешение, выравнивание или нивелировка диалектов. Характерные для отдельных диалектов черты постепенно исчезают и заменяются более общими признаками. Прежде всего, это касается лексики. Сегодня мало кто говорит *Hung* или *Hungg* «мед», *Parille* «абрикос», *Guggumere* «огурец», *Montere* «витрина», *Helge* «картина», *hüür* «в этом году», *zäntume* «повсюду». Вместо этого употребляются слова *Honig*, *Aprikose*, *Gurke*, *Schäufänschter* (*Schauenfenster*), *Bild*, *das Jöör* (*dieses Jahr*), *überall*.

Литературный немецкий язык непосредственно воздействует на диалект, и сами диалекты тоже оказывают влияние друг на друга, при этом многочисленные мелкие диалекты растворяются в более крупных региональных и кантональных диалектах. Профессор Г. Тюрер считает, что в Швейцарии в середине этого столетия будет примерно семь крупных диалектов. Существует также тенденция к созданию «усредненных» диалектов (*Durchschnittsdialekte*). Например, постепенно возникает усредненный цюрихско-немецкий, усредненный бернско-немецкий, усредненный базельско-немецкий и др. [5].

Ряд лингвистов считает, что в настоящее время можно говорить о тенденции превращения диалектов в своего рода койне, относительно единый швейцарско-немецкий язык, быть может, с восточным и западным вариантом (А. Баур, А. Ришар, Г. Тюрер и др.). Образованию этого койне способствует также радио, телевидение, ведущие передачи на диалекте крупных городов.

С точки зрения языковой культуры, можно сказать, что использование той или иной языковой формы, диалекта или стандартного языка, обусловливается определенной коммуникативной ситуацией [2, с. 277].

В заключение стоит сказать, что диалектальная раздробленность Швейцарии представляет не только научный интерес, как языковой феномен и возможность изучения языка во всем его разнообразии, его истории, дифференциации развития, взаимодействия с другими языками, но и, несомненно, особый, уникальный пласт культуры швейцарского народа, который необходимо поддерживать и сохранять, как в научно-исследовательских целях, так и в целях обогащения мирового культурно-языкового наследия.

1. Гаммермайстер Г.Р., Кузьмич Н.Г, Упадышев А.А. Deutsch in der Schweiz. – М., 1999.
2. Домашнев А.И. Языковая ситуация в Швейцарии // Язык и диалекты Швейцарии. – Л.: Наука, 1990.
3. Кузьмич Н.Г. Романо-германская контактная зона Швейцарии // Взаимодействие лингвистических ареалов. – Л.: Наука, 1980.
4. Швейцария сегодня [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.switzerlandtoday.com/language/4517898.htm>
5. Немецкий язык в Швейцарии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.schweizerdeutsch.de/>

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

Тимофеева А. Н.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Современные реалии заставляют нас более внимательно относиться к переводу рекламных текстов, также и с точки зрения их психологического влияния на массовую аудиторию. Современная реклама как продукт научно-технического прогресса общества выполняет ряд значимых функций в сфере массовой коммуникации, в связи с чем в последние десятилетия реклама является объектом внимания многих ученых: Латышев Л.К., Виноградов В.С., Медведева Е.В., Janich Nina, Гольман И.А., Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. и др. Обращение к рекламе со стороны представителей разных наук обусловлено и тем, что порой трудно определить, где в ней заканчивается, например, «психологическое» и начинается собственно «лингвистическое». По этой причине многие работы выполнены на стыке различных дисциплин, что подчеркивает многоплановость и сложность феномена рекламы.

Что касается требований к языку рекламы, то тексты рекламного объявления должны содержать четкие фактические данные; они должны быть исчерпывающе изложены и поэтому точно поняты. Переводчику рекламы следует рассматривать любой текст такого рода не как цель, а как средство коммуникации между производителем и потенциальным потребителем. При переводе рекламных текстов переводчик должен учитывать: цель текста, характер потребителя, языковые качества текста оригинала, культурные и индивидуальные возможности языка в культурном аспекте потребителя и многое другое. Эф-

фективный перевод рекламы связан с прогнозированием лингво-этнической реакции получателя текста на языке перевода; важно опираться на знание особенностей национальной психологии, различий в культурно-исторических традициях, знания исходного и переводящего языка.

Предметом нашего исследования стали рекламные слоганы известных во всем мире компаний, так как его целью было установить эквивалентность немецких и русских слоганов на основе сопоставления реакции потребителей. Слоган является одной из важнейших вербальных составляющих рекламного текста. Ф.И. Шарков и В.И. Гостенина дают следующее ему определение: «Слоган – рекламный девиз, лозунг, формула в виде сжатой, легко воспринимаемой, эмоционально заряженной фразы, используемой как элемент корпоративной идентификации» [1, с. 63]. В отличие от рекламного заголовка, слоган призван выражать не конкретные достоинства товара, а скорее идеологию фирмы, производящей товары, услуги. Благодаря ясной сжатой формулировке рекламной идеи, слоган легко воспринимается и запоминается. Точный слоган повторяется во всех объявлениях независимо от избранного СМИ. При этом должны учитываться специфические особенности канала [2, с. 9].

В ходе анализа была проведена диагностика восприятия национальных и переведенных зарубежных рекламных слоганов аудиторией рекламы. В основу была положена теория динамической эквивалентности Ю. Найды, который предложил устанавливать полноценность перевода не путем сравнения исходного текста с текстом перевода, а сопоставления реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке [3, с. 3]. Таким образом, сила воздействия, экспрессия, способность вызвать строго определенную ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи текста на переводящем языке. Основными методами для исследования были выбраны: выборка рекламных слоганов, анкетирование, анализ и подсчет результатов.

Для проведения эксперимента было отобрано 30 рекламных слоганов на немецком языке и их соответствия на русском. Источником послужили официальные интернет-сайты данных фирм. Было составлено три анкеты: первая предназначалась для русской аудитории – опрошено 17 человек, вторая – для немецкой аудитории – 19 человек, и третья – для россиян, хорошо владеющих немецким языком – 29 человек.

К первой и второй анкете задание сформулировано следующим образом: «Вызывают ли у Вас интерес следующие рекламные слога-

ны? Оцените каждый из предложенных слоганов по данной ниже шкале и поставьте в колонке соответствующую цифру». Для проведения анкетирования были разработаны следующие критерии оценки реакции людей на слоганы:

- слоган не понятен
- слоган не нравится, вызывает неприязнь
- никаких эмоций слоган не вызывает, равнодушие (прошел бы мимо и не заметил)
- довольно интересно
- очень большой интерес к рекламируемому товару, желание купить / посмотреть (сайт). Слоган легко запомнить.

В третьей анкете кроме этого же задания добавилось еще и следующее: «Какой из двух слоганов, по вашему мнению, производит более яркое впечатление и лучше запоминается (отметьте)? Если слоганы в этом отношении равны, то оставьте поле пустым». Здесь были представлены рекламные слоганы на немецком языке и их соответствия на русском.

В результате анализа анкет были получены следующие результаты.

В отличие от русских, опрошенные немцы очень редко выбирали 5-ый критерий, что говорит об их сдержанности и большем равнодушии к рекламе. Лишь 9 из 30 рекламных слоганов, по их мнению, вызывают положительные эмоции и наибольший интерес (см. табл. 1).

Таблица 1

Рекламодатель	Рекламные слоганы	Критерии (в % от числа опрошенных)				
		1	2	3	4	5
Институт им. Гёте	"Deutsch lernen – die Zukunft gestalten"	-	5.3	36.8	52.6	5.3
Bosch	Bosch – Technik fürs Leben	-	-	73.7	21.1	5.3
Haribo (Харибо)	Haribo macht Kinder froh und Erwachsene ebenso	-	5.3	15.8	31.6	47.4
BMW	BMW – Freude am Fahren	-	10.5	42.1	42.1	5.3
Metylan	Garantiert gut tapeziert.	-	5.3	47.4	31.6	15.8
Dove	Dove – Wohlfühlpflege für Ihre Haut	-	-	52.6	47.4	-
Nivea	Nivea – Was die Haut zum Leben braucht	-	-	47.4	52.6	-

Rexona	Rexona lässt dich nicht im Stich!	-	15.8	36.8	42.1	5.3
Intel	Intel entwickelt schon heute die Technologie von Morgen.	5.3	-	31.6	47.4	15.8

Очевидную неприязнь у немцев вызвали такие слоганы, как *Taft – Endlich: Diamanten für Ihr Haar!*; *Mode sooo günstig! [bonprix]*; *Everywhere in the sky! [Utair Aviation]*. У россиян же преобладают положительные оценки: не оказалось ни одного из 30 слоганов, который бы не понравился большинству. По данному критерию лидирует слоган компании bonprix – *Ооочень выгодная мода*, который выбрали 28.3% опрошенных. Стоит отметить также одну особенность, присущую оценкам немцев: многим из них не пришлись по душе слоганы на английском языке. Приведем несколько примеров:

- *Everywhere in the sky! [Utair Aviation]* – 36.8%
- *made in Germany* [сайт Немецкий национальный павильон] – 21.1%
- *Nestle – Good Food, Good Life* – 31.6%
- *Londacolor – ColoRevolution* – 15.8%

Это говорит о том, что большинство хотели бы видеть рекламу на своем родном немецком языке. Этот немаловажный факт может сыграть значительную роль для рекламодателя, поэтому его также следует учитывать при написании слоганов.

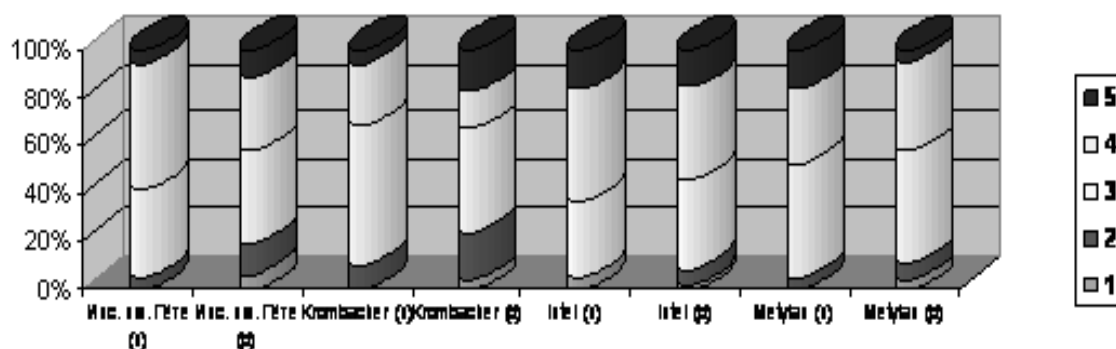
В России сложилась несколько иная ситуация: иностранные надписи, вывески, слоганы пользуются огромной популярностью в нашей стране из-за стереотипа, который появился еще во времена дефицита в СССР, что зарубежные товары намного лучше и качественнее отечественных. Этот факт могут наглядно проиллюстрировать результаты опроса среди россиян, хорошо владеющих немецким языком (далее РН). Почти все немецкие рекламные слоганы были оценены ими намного выше, чем немцами, для которых они предназначались.

По результатам анкетирования были отобраны рекламные слоганы, в которых процентное соотношение опрошенных немцев и россиян почти совпало по большинству критериев, погрешность может составлять $\pm 14\%$. Они вызывают схожие эмоции, интерес у потребителей, таким образом, их можно назвать эквивалентными согласно теории динамической эквивалентности, предложенной Ю. Найдой. Сюда относятся такие слоганы, как:

- *"Учить немецкий – думать о будущем"; "Deutsch lernen – die Zukunft gestalten"* [Институт им. Гёте]

- *BMW – Удовольствие за рулем; BMW – Freude am Fahren*
- *made in Germany* [сайт Немецкий национальный павильон]
- *Немецкое пиво Franziskaner Weissbier – свежесть баварских Альп; Franziskaner Weissbier – Zeit für das Besondere.*
- *Krombacher – Жемчужина природы; Krombacher – Eine Perle der Natur.*
- *Клейте обои с удовольствием; Garantiert gut tapeziert.* [Metylan]
- *Intel разрабатывает технологии будущего уже сегодня; Intel entwickelt schon heute die Technologie von Morgen.*

На диаграмме №1 четко увидеть равнозначность трех из этих слоганов, близкую к полной. Критерии – 1, 2, 3, 4, 5 – соответствуют приведенным в анкетах. Буквами *n* обозначены ответы немцев, *p* – россиян (см. диаграмму 1).

Это подтверждают и данные опроса РН: многие из этих слоганов получили либо равное количество голосов по большей степени производимого впечатления, либо большинство опрошенных оставили это поле в анкете пустым, таким образом, признав оба слогана равноценными. Это такие слоганы, как:

- *Потому что кошка вам доверяет; Jeden Tag ein neues Katzensglück.* [WHISKAS]
- *Rexona никогда не подведет!; Rexona lässt dich nicht im Stich!*
- *Intel разрабатывает технологии будущего уже сегодня; Intel entwickelt schon heute die Technologie von Morgen.*
- *Londacolor – РЕВОЛЮЦИЯ ЦВЕТА; Londacolor – ColoRevolution*
- *Nivea – Was die Haut zum Leben braucht; Nivea – Все что нужно вашей коже*

- *Krombacher – Жемчужина природы; Krombacher – Eine Perle der Natur.*

К этой же группе можно отнести слоган *Mach dir das Leben bueno* [Киндер Буэно]. 31% опрошенных РН изъявили большое желание купить данный товар, в отличие от немцев, у которых это число равно нулю. В данном слогане обыгрывание названия происходит с помощью многозначности: в первом случае bueno – это и название бренда, а во втором, в контексте это слово приобретает свое изначальное значение, что в переводе с испанского означает «хороший, приятный, веселый». 15.8% опрошенных немцев слоган не нравится, а 10.5% его не поняли. Это может быть связано с тем, что немногие немцы знают испанский язык. Поэтому следует обязательно учитывать уровень образованности, социальный уровень целевой аудитории и избегать употребления иностранных слов.

В целом россияне оценили немецкие слоганы более высоко, чем немцы. Не исключено, что на это могли повлиять известность бренда и стереотип о превосходном качестве немецких товаров. Поэтому можно утверждать, что в целом слоганы были правильно переведены на русский язык, с учетом всех культурных факторов, т.к. главная цель рекламной кампании была достигнута – товар стал пользоваться спросом, фирмы вышли на международный рынок, и занимают лидирующие позиции в своей сфере.

Таким образом, эффективный перевод рекламы связан с прогнозированием лингво-этнической реакции получателя текста на языке перевода; важно опираться на знание особенностей национальной психологии, различий в культурно-исторических традициях, знания исходного и переводящего языка. Чем полноценнее перевод передает эмоциональный посыл, заложенный создателем рекламы в текст, тем более качественным его можно считать.

С учетом сказанного, перевод рекламных текстов представляется трудоемким процессом, требующим научного подхода, который поможет выявить возможности передачи «смысловой информации», выраженной вербально, визуально и акустически, средствами языка перевода без смысловых и стилистических потерь.

Литература

1. Шарков Ф.И., Гостенина В.И. Технология рекламы / Под общей редакцией Ф.И. Шаркова. – М.: РИП-Холдинг, 2007.
2. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиторал УРСС, 2003.
3. Найда Ю. Наука переводить // Вопросы языкознания, № 4, 1970.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

Царькова Я. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. А. Прудникова, ассистент

Устный последовательный перевод (УПП) как особый вид перевода возник стихийно после второй мировой войны. В связи с этим достаточно поздно назрела необходимость в теоретических, в том числе дидактических, исследованиях процессов, связанных с работой устного переводчика. В наши дни наибольшим спросом пользуется не только УПП, но и синхронный перевод. Но поскольку синхронный перевод требует не только предельной концентрации и совершенно особых навыков, позволяющих одновременно слушать и говорить, но и специального оборудования, то УПП, не требующий каких-либо особых условий, является на сегодня самым доступным видом перевода.

Одной из составляющих переводческой компетенции в области УПП является владение специальной записью, позволяющей зафиксировать и воспроизвести речь любой продолжительности.

Необходимо отметить, что в литературе можно встретить разнообразные термины, обозначающие профессиональные записи переводчика. Среди них «переводческая запись» (Е.Н. Сладковская, С.А. Бурляй), «краткая запись» (В.Н. Комиссаров), «система записи» (Р.К. Миньяр-Белоручев, Н.А. Краевская), «скоропись» (Р.К. Миньяр-Белоручев, Е.В. Цыганкова), «универсальная переводческая скоропись» (А.П. Чужакин), «переводческая нотация» (И.С. Алексеева). Но все эти толкования, вкладываемые вышеперечисленными авторами в понятие переводческой записи, достаточно близки друг к другу. Все они подразумевают специальным образом «организованное фиксирование переводчиком информации в ситуации длительного высказывания на исходном языке с целью снятия нагрузки на оперативную память и концентрации сопутствующих психологических механизмов» [1, с. 16].

Итак, переводческая скоропись (ПС) – это система ускоренной записи речи оратора с помощью различных заранее выработанных переводчиком сокращений, условных значков и т.д. для облегчения переводчику последующего воспроизведения всего этого на языке перевода [2].

Основные целями ПС являются: полное и четкое воспроизведение прецизионной информации, передача логических связей высказывания без нарушения хода мыслей, сохранение последовательности ар-

гументации, внутренней логики высказывания, а также передача стилистических приемов при сохранении структуры высказывания [3, с. 246].

В настоящее время единство отсутствует не только в терминологии, но и в классификации приемов ПС. И это логично, так как ПС – вещь сугубо индивидуальная. Однако большинство ученых все-таки выделяют следующие основные три типа приемов ПС: лексические (выпадение гласных), грамматические (аббревиация, цифровое обозначение, символизация), структурно-композиционные (вертикальное расположение записей).

Для того чтобы определить оптимальный прием ПС из вышеперечисленных, нами было проведено исследование, в котором сравнивались эти приемы переводческой скорописи.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) выбор текста для транскрибирования единицами ПС;
- 2) транскрибирование текста лексическими, грамматическими и структурно-композиционными приемами ПС;

Текст № 1 (фрагмент)

e Rskozschlge fr gr Statsanleihn sind af n Fnnzmrktn so hch wi ni zvr - trtz r Grntn, e e EU fr GR abggbn hat. EU-Rtspräsndt Van Rompuy ernrte s Vrsprchn.

Текст № 2 (фрагмент)

Ⓐ zschlg² fr gr STanleihn sind af n Fnnzmrktn so ↑wi ni zvr - trtz r Grntn, e e EU fr GR abggbn hat. EU-Rts S Van Rompuy ernrte s Vrsprchn.

Текст № 3 (фрагмент)

Ⓐ zschlg² gr STanleihn
sind
Fnnzmrktn so ↑
ni
≠
Grntn, e e EU fr GR
EU-Rts S Van Rompuy
neu s Vrsprchn

- 3) анализ получившихся результатов по выделенным критериям.

С точки зрения оптимизации процесса перевода для анализа приемов ПС были определены следующие критерии их сравнения: по количеству единиц ПС, по затраченному времени, по задействованию мыслительных операций, по качеству перевода. Для более наглядного

сравнения был применен оценочный метод с использованием трех-балльной шкалы:

1 балл	в меньшей степени удовлетворяет критерию
2 балла	в большей степени удовлетворяет критерию
3 балла	полностью удовлетворяет критерию

Каждый прием был проанализирован по вышеуказанным критериям и оценен по данной шкале.

Результаты исследования были следующими:

– *по количеству единиц ПС, в сравнении с оригиналом (%)*:

Сначала в процессе транскрибирования текста были использованы лексические приемы ПС, а именно, выпадение гласных. В результате полученный текст №1 в сравнении с оригиналом, где насчитывалось 1137 знаков, состоит из 719 знаков, что составило 63.2% от исходного текста.

При вторичном транскрибировании текста к лексическим приемам были добавлены грамматические, а именно, использование телескопических образований, аббревиация, цифровое обозначение и символизация. Использование грамматических приемов позволило зашифровать как общеупотребительные слова, так даты и месяцы, что помогло сократить текст с 1137 знаков до 690 в тексте №2 и составило 60.6% от текста-оригинала.

При транскрибировании текста третьим типом ПС к лексическим и грамматическим приемам были добавлены структурно-композиционные приемы, которые подразумевают под собой вертикальное расположение записей, так называемый «вертикализм». Этот подход требует вычленения самой главной информации, зашифровку этой информации системой ПС и ее вертикального расположения. В результате полученный текст №3 был сокращен до минимума, т. е. до 408 знаков и составил менее чем 35% от исходного текста.

Результаты сравнения по трехбалльной шкале следующие: текст № 1 – 1 балл, текст № 2 – 2 балла, текст № 3 – 3 балла.

– *по затраченному времени*:

При проведении исследования было установлено, что на то, чтобы затранскрибировать текст приемом № 1 понадобилось 4,75 минуты. Количество времени объясняется тем, что в данном случае транскрибируется каждое слово исходного текста.

На транскрипцию текста вторым приемом было затрачено 3,5 минут. Так как некоторые из слов были зашифрованы символами и аббревиатурами, это позволило сэкономить 1,25 мин.

Зашифровка текста приемом № 3 потребовала около 3 минут. Однако, несмотря на то, что объем этого текста наименьший, большую

часть времени занимает вычленение главной информации и зашифровка ее системой ПС.

Результаты сравнения по трехбалльной шкале схожи с первым критерием: текст № 1 – 1 балл, текст № 2 – 2 балла, текст № 3 – 3 балла.

– *по задействованию мыслительных операций:*

При транскрибировании текста первым приемом задействуются следующие мыслительные процессы:

- восприятие исходного текста на слух;
- процесс письменного фиксирования текста с помощью лексических приемов ПС;
- осмысление текста и понимание структуры предложений;
- воспроизведение зашифрованной информации.

В процессе записи текста № 2 выполняются следующие мыслительные операции:

- восприятие исходного текста на слух;
- воспроизведение в памяти символов ПС;
- процесс письменного фиксирования текста с помощью лексических и грамматических приемов ПС;
- осмысление текста и понимание структуры предложений;
- расшифровка символов ПС при переводе информации на другой язык.

При транскрибировании текста № 3 были задействованы следующие мыслительные процессы:

- восприятие исходного текста на слух;
- осмысление текста и понимание структуры предложений;
- вычленение самой главной информации;
- построение логической структуры предложений;
- воспроизведение в памяти символов ПС;
- процесс письменного фиксирования текста с помощью лексических, грамматических и структурно-композиционных приемов ПС;
- расшифровка логических связей и символов ПС в процессе перевода исходного текста.

Таким образом, наименьшее количество операций задействуется при транскрибировании текста приемом № 1, наибольшее количество мыслительных операций требуется при зашифровке текста приемом № 3.

Результаты сравнения по трехбалльной шкале в этот раз полностью противоположны: текст № 1 – 3 балла, текст № 2 – 2 балла, текст № 3 – 1 балл.

– *по качеству перевода:*

К УПП предъявляются множественные требования, такие как лингвистическая правильность, лаконичность перевода, отсутствие «со-ра» в речи, точность перевода, отсутствие искажений в процессе перевода, количество затраченного времени и т.д. Однако в данном исследовании особое внимание уделяется трем основным требованиям УПП – лаконичности перевода, точности перевода и количеству затраченного времени, которое требуется переводчику для воспроизведения информации, используя свои записи. В какой мере эти требования соблюдаются при использовании различных приемов ПС, можно будет увидеть по результатам нашего исследования с точки зрения критерия качества перевода.

Лаконичный перевод – перевод, в котором воспроизводится только та информация, которая несет важную смысловую нагрузку. С этой точки зрения текст № 1 в меньшей степени удовлетворяет данному требованию, так как транскрибированию подлежит каждое слово, соответственно перевод содержит достаточно подробную информацию.

Текст № 2 в большей степени соответствует требованию лаконичности перевода, так как при зашифровке некоторых слов были использованы символы ПС, что позволило сократить объем записи, однако перевод также остался подробным.

Текст № 3 полностью удовлетворяет данному требованию, так как в нем используются структурно-композиционные приемы ПС, которые предполагают вычленение главной информации и ее вертикальное расположение.

Результаты сравнения по трехбалльной шкале таковы: текст № 1 – 1 балл, текст № 2 – 2 балла, текст № 3 – 3 балла.

Точный перевод – перевод, семантически полно и правильно передающий план содержания оригинала. Рассматривая требование точности перевода можно сказать, что текст № 1 полностью ему соответствует. Переводческая запись содержит всю необходимую информацию для точного воспроизведения смысла текста.

Текст № 2 также удовлетворяет данному требованию, так как транскрибированию подлежит каждое слово. Отличие от текста № 1 лишь в том, что в данном случае некоторые общеупотребительные слова зашифровываются символами ПС.

Текст № 3 в большей степени удовлетворяет требованию точности перевода, так как основная цель структурно-композиционных приемов ПС, которые применены в данном тексте – вычленить главную

информацию. Однако эта главная информация также содержит точный смысл всего текста.

Результаты сравнения по трехбалльной шкале: текст № 1 – 3 балла, текст № 2 – 3 балла, текст № 3 – 2 балла.

Количество затраченного времени

В связи с тем, что в тексте № 1 транскрибированию подлежат все слова, переводчику понадобится достаточно много времени для воспроизведения услышанной им информации.

Текст № 2, также как и текст № 1 в меньшей степени удовлетворяет данному требованию, так как переводческая запись этих текстов содержит достаточно подробную информацию.

В отличие от текста № 1 и № 2, для воспроизведения текста № 3 требуется гораздо меньше времени, так как затранскрибированный текст имеет хорошо выстроенную логическую структуру, что позволяет кратко, но точно передать весь смысл текста.

Итог сравнения по трехбалльной шкале таков: текст № 1 – 1 балл, текст № 2 – 2 балла, текст № 3 – 3 балла.

Итак, после суммирования баллов получились следующие результаты: текст № 1 – 10 баллов, текст № 2 – 13 баллов, текст № 3 – 15 баллов из 21 возможных.

Текст № 1 получил 10 баллов, что показывает, что данный текст в меньшей степени удовлетворяет таким критериям как: количество используемых единиц ПС; время, требуемое для транскрибирования текста; качество перевода, а именно его лаконичность и время, требуемое для воспроизведения исходного текста, которые направлены на четкий, краткий, но в тоже время емкий перевод. Однако, тем критериям, которые направлены на полноту перевода, на его подробное изложение текст № 1 удовлетворяет в полной мере.

Поскольку при транскрибировании текста приемом № 2 к лексическим приемам ПС были добавлены грамматические приемы, данный текст стал в большей степени удовлетворять критерию, который направлен на скорость транскрибирования текста, так как некоторые слова были зашифрованы символами ПС.

Текст № 3 получил самое большое количество баллов. Это доказывает то, что при использовании всех приемов ПС, а именно лексических, грамматических и структурно-композиционных, в результате можно получить адекватный, точный, емкий перевод исходного текста.

Таким образом, исследование показало, что способ транскрибирования текста приемом № 3, является самым оптимальным с точки зрения процесса перевода. Он позволяет вычленить самую главную информацию, определить логическую структуру всего текста, запи-

сать ее за короткий промежуток времени и воспроизвести тем самым оптимальный перевод заданного текста.

В любом случае каждый переводчик разрабатывает свою систему скорописи, выбирая для себя оптимальные приемы ПС. Однако, стоит отметить, что применение системы ПС имеет смысл только в том случае, если переводчик владеет ею в совершенстве, ведь запись – это еще одна ступень переключения с одной знаковой системы на другую, и недостаточное владение ею может только затруднить осуществление качественного перевода.

Литература

1. Аликина Е.В. Переводческая семантография. Запись при устном переводе. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.
2. Системы записей [Электронный ресурс]: Глоссарий – Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRoxyls:lngvoxo.
3. Чужакин А.П. Устный перевод XXI: теория + практика, переводческая скоропись. – М., 2001.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Букина А. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. В. Корнилова, к. ф. н., доц.

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью».

Существует множество дефиниций понятия «перевод», часто отличающихся друг от друга столь же решительно, как отличаются друг от друга концепции их авторов. Вот некоторые из самых распространённых определений.

А.В. Фёдоров: «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [1, с. 15].

Л.С. Бархударов: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [2, с. 11].

А.П. Лилова: «Перевод – это специфическая устная или письменная деятельность, направленная на пересоздание существующего на одном языке устного или письменного текста (произведения) на другом языке при сохранении инвариантности содержания и качеств оригинала, а также авторской аутентичности» [3, с. 6]. Эти понятия объединяет мысль о том, что перевод – это не дословная передача содержания того или иного текста, а его творческое преобразование.

Переводу фразеологизмов уделено немало внимания в теоретических работах, посвящённых переводоведению. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. И это объяснимо: однозначного, стандартного решения здесь не может быть. Бывают

моменты, когда при наличии равноценного фразеологического соответствия приходится искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не годится для данного контекста. Даже в границах одной группы фразеологических единиц может потребоваться индивидуальное решение.

Данное исследование опирается на работы Влахова и Флорина [4, с. 201], которые отмечают, что возможность достижения полноценного словарного перевода фразеологической единицы зависит от соотношений между единицами ИЯ¹ и ПЯ²:

1. Фразеологическая единица имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации), т.е. фразеологизм ИЯ, равный фразеологизму ПЯ, переводится эквивалентом.

2. Фразеологическую единицу можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ, приблизительно равный фразеологизму ПЯ, переводится вариантом (аналогом).

3. Фразеологическая единица не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, неперебиваемое в словарном порядке, т.е. фразеологизм ИЯ, неравный фразеологизму ПЯ, передается иными, нефразеологическими средствами.

Целью данной работы является исследование способов передачи немецких пословиц на русский язык.

В соответствии с целью данного исследования в работе решаются следующие задачи: отбор из общей массы немецких пословиц корпус тех, которые отражают понятие «труд», рассмотрение существующих классификаций способов передачи фразеологизмов на русский язык, классификация и систематизация пословиц.

Материалом исследования послужили данные фразеологических, этимологических и толковых словарей немецкого и русского языков, сборников общеупотребительных пословиц и поговорок в немецком и русском языках, а также материалы по переводоведению. В работе используются описательный метод и сопоставительный анализ пословиц немецкого и русского языков. Объектом исследования служат 60 пословиц немецкого языка, содержащих понятие «труд».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах по лексикологии и фразеологии немецкого языка.

¹ исходный язык

² язык перевода

Методологической основой данного исследования послужили труды И.И. Чернышевой, В.В. Виноградова, В.П. Аникина, Я.И. Рецкера, А.В. Фёдорова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова.

Методом сплошной выборки из сборников пословиц и поговорок были отобраны 60 немецких пословиц, отражающих понятие «труд». В качестве ключевых слов выступает существительное «Arbeit» и его синонимы: «Handwerk», «Werk», глагол «arbeiten» а также слова, тематически связанные с ключевым словом: «Arbeiter», «Arbeitsmann», «Meister». 43 пословицы содержат ключевое слово «Arbeit», 11 включают слово «arbeiten», 5 пословиц представлены наличием ключевого слова «Handwerk», и только 4 пословицы из представленного списка имеют в своём составе ключевое слово, обозначающее деятеля: «Arbeiter», «Arbeitsmann», «Meister».

Проводя структурный анализ данных пословиц, было обнаружено, что они неоднородны по своей структуре. Во многих из них наблюдается отступление от нормативного порядка слов, что можно объяснить тем, что пословицы функционируют в устной речи, для которой характерно опущение артикля, стяжение слов, сокращение окончаний, отсутствие того или иного члена предложения. Например: Пословица *Wer nicht arbeiten will, der lass' das Brot auch liegen still* служит примером ненормативного порядка слов, а также сокращения окончания в глаголе «lassen».

Семантический анализ немецких пословиц показал, что они также неоднородны по своему значению. Существуют пословицы, характеризующие «работу» в бытийном плане; пословицы, ориентирующие человека в жизни. При анализе материала выяснилось, как по-разному отражается понятие «труд» в русских и немецких пословицах. В них есть много общего, но также и много особенного, колоритного, присущего только одному из народов. Это находит отражение в передаче пословиц с одного языка на другой.

Можно выделить четыре группы пословиц в зависимости от способа их передачи на русский язык:

1) Первая группа представлена пословицами, которые имеют полный фразеологический эквивалент в русском языке. Данная группа сравнительно мала, к ней относятся 6 пословиц из числа исследуемого материала.

Эти пословицы характеризуются тем, что в русском языке имеется полный образный эквивалент, который совпадает с образным выражением оригинала как по значению, так и по лексическому наполнению. *Arbeit ist des Lebens Würze* передаётся на русский язык как: *Работа –*

соль жизни [5, с.191]. Прямое значение слова «Würze» – пряность, приправа, но не нужно забывать его переносное значение: изюминка, соль чего-либо. В русском языке также используется образ «соли» в её переносном значении: «смысл чего-либо». Следовательно, можно считать, что немецкое слово «Würze» и русское существительное «соль» выполняют одну и ту же функцию и являются полными фразеологическими эквивалентами.

2) Ко второй группе относятся пословицы, имеющие в языке перевода относительный фразеологический эквивалент. Эта группа представлена 25 пословицами и является самой многочисленной из числа анализируемых пословиц.

Данные пословицы объединены тем, что в русском языке отсутствует образный эквивалент, а имеется аналог, т.е. выражение, аналогичное по значению, но не по форме. В данной группе можно выделить ряд пословиц, при передаче которых на русский язык, один образ был заменён другим. Например, в немецкой пословице, *Arbeit ist nicht Hase, läuft nicht in den Wald.* – *Работа не волк, в лес не убежит.* В основе пословиц лежит образная ассоциация с диким животным, которое невозможно приручить. Образность пословиц достигается путём сравнения работы с зайцем в языке оригинала и с волком в переводящем языке. При различии образов в обеих пословицах смысл их полностью совпадает: работа никуда не денется, её нужно выполнять.

3) К третьей группе можно отнести пословицы, переданные на русский язык с помощью калькирования:

Arbeit vermag alles. – *Работа может всё.* В данных пословицах совпадение идёт вплоть до порядка слов, не говоря уже об их лексическом наполнении.

Хотя группа пословиц и передана на язык перевода дословно, всё же имеются некоторые отличия немецких и русских вариантов. Это проявляется в отсутствии рифмы в русских аналогах при их наличии в немецких пословицах, например: *Arbeit, Mäßigkeit und Ruh' schliesst dem Arzt die Türe zu.* *Труд, умеренность и покой закрывают двери врачу.* *Lebe, als sollest du morgen sterben, und arbeite, als sollest du ewig leben.* *Живи, как будто завтра умрёшь, работай, как будто будешь вечно жить* [5, с.192].

4) К четвёртой группе относятся пословицы, взятые из одноязычных словарей. В отечественных сборниках эти пословицы не зафиксированы, поэтому авторы данной работы попытались подобрать им русский эквивалент, основываясь на сборниках русских пословиц.

Saure Arbeit, süßer Schlaf. Данная пословица говорит о том, как прекрасен сон после тяжёлой работы. В русском языке ей соответст-

вует пословица: После трудов сладок покой, которая является относительным фразеологическим эквивалентом в силу того, что немецкий и русский варианты разнятся в лексическом и грамматическом наполнении.

Группа пословиц *Wie einer isst, so arbeitet er auch./ Wie zum Essen, so zur Arbeit./ Wie man arbeitet, so isst man* объединена одним смыслом: кто как ест, тот так и работает. К данным пословицам в русском языке можно найти следующие эквиваленты: *В работе заяц, а в еде жидовин./ Работать – ребята, а есть – жеребята./ Работать не горазд, а поесть – как раз.*

В первой пословице идёт сравнение с зайцем, ведь именно этому зверю присущи такие черты как кротость, пугливость. Вторая пословица даёт сравнение с ребятами, которые тоже отличаются некоторой робостью. Сравнение с жеребятами вполне очевидно, ведь они едят много, так как много сил тратят на развитие. А вот слово жид, жидовин требует некоторого объяснения. Так называют людей еврейской национальности. В новое время евреи в Европе занимались ростовщичеством и перекупкой: это касалось и евреев, попавших в Россию в 17в. после раздела Польши. Отсюда образ еврея – жадного скряги. Так слово «жид» приобрело в нашей стране негативную окраску [6]. В этой пословице данное слово выступает в роли ругательства, т.е. так называют всех людей, которые едят или делают что-то с жадностью.

Немецкие и русские пословицы построены по принципу противопоставления. В немецком языке это достигается в результате использования конструкции “Wie..., so...”, в русском языке с помощью противительного союза «а». В обоих языках сравниваются два вида деятельности «еда, как приём пищи» и «работа», что передаётся разными способами: через употребление глаголов «есть, поесть» – «работать»/ “isst”-“arbeitet”, либо через существительные с предлогом «в еде» – «в работе»/ “zum Essen” – “zum Arbeit”. Русские пословицы являются образными, немецкие же образности не содержат. Следовательно, данный вид передачи пословицы является относительным фразеологическим эквивалентом.

Обзор особенностей, свойственных пословицам, и анализ применяемых к ним способов передачи на русский язык убеждает в том, что огромному многообразию языковых средств, служащих для передачи образности немецких пословиц, отвечает не меньшее разнообразие средств, служащих для их передачи на язык перевода.

Литература

1. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1968. – 303 с.

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 178 с.
3. Лилова А.П. Введение в общую теорию перевода: Моногр./ Пер. с болг. Л.П. Лихачёвой. – М.: Высш. шк., 1985. – 256с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1963. – 201 с.
5. Немецкие пословицы и их русские аналоги. Русские пословицы и их немецкие аналоги / Ред.-сост. В.Ш. Штраймель. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.
6. Из истории русских слов: Словарь-пособие. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

ПУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Васищева Т. О.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В. А. Сусеков, к.ф.н., доцент

«Немецкий язык был попеременно дружелюбен и враждебен по отношению к другим языкам, а иногда и то и другое одновременно. Таким образом, Ксенофобия, как и Ксенофилия, имеют давнюю традицию». Данное высказывание современного исследователя в области германистики – Циммера, отражает мысль, что тенденции защиты и очистки немецкого языка от иностранных влияний существовало всегда. Однако чрезмерное использование иностранных слов в немецком языке привело к отрицательной реакции общественности. Появилось течение, противостоявшее чрезмерному употреблению иностранных слов. Это было так называемое движение по очистке немецкого словарного состава от заимствований. В лингвистике это понятие получило название пуризм [1, с. 113]. Рассматривая современные пуристические тенденции нельзя не заметить резкое увеличение притока лексических заимствований в немецкий язык с середины XX века.

Большинство современных заимствований появляются преимущественно под влиянием английского языка. Это, в первую очередь, объясняется глобальным распространением английского языка и престижностью его использования. Поэтому проблема пуризма в немецком языке достаточно популярна по сей день и становится объектом изучения для многих лингвистов. Интерес к данной проблеме с течением времени не ослабевает, что свидетельствует о ее многоаспектности и неисчерпаемости.

Анализ современного немецкого языка показывает, что его словарный состав разнороден. На равне с исконным словарным составом выделяются лексические единицы из других языков. Это явление вполне закономерно и легко объясняется историческими собы-

тиями. На земле не существует ни одной страны, которая развивалась бы полностью обособленно. Экономические, политические и культурные отношения существуют среди всех народов и ведут к неизбежному взаимному влиянию языков друг на друга.

Что касается Германии, то с древних времен она состояла в тесных отношениях с другими народами, что не могло не отразиться на развитии словарного состава немецкого языка. В течение всего развития немецкого словарного состава он подвергался вторжению большого количества заимствований. Решающее значение сыграли другие народы и культуры в определенные периоды развития языка. Экономические, политические и культурные центры дали толчок для перенятия иностранной лексики. Так например утонченная культура древнего мира, миссионерская деятельность Германцев, французское Рыцарство средних веков, гуманитарный университет и римское право, итальянская торговля и музыка, английское судоходство, американская техника, кинематограф и спорт оказали значительное влияние на развитие и формирование словарного состава языка.

Пуристы существовали во все времена, у всех народов. Не подлежит, однако, сомнению, что особенно заметен пуризм в периоды значительных сдвигов в организации языка, когда язык быстро и наглядно реформируется, вбирая в себя много заимствований, неологизмов и иных новообразований. Отсюда, следует, что историческое содержание пуризма изменяется: каждая эпоха имеет своих пуристов, всякие серьезные явления в языке предъявляют пуристам требования новые.

Время возникновения пуристических движений в разных странах датируется по разному. Например, во Франции гражданское пуристическое движение возникло еще в 16 веке, а в Чехии только в 19. Пуристические тенденции в России берут начало 19 веке. Наиболее ярким представителем является Шишков. Он стремился к искоренению всех иноязычных слов в русском языке и замене их русскими эквивалентами.

Процесс создания этого единого для господствующих классов литературного языка в Германии, как и всюду, связан с развитием капитализма. Усиление торговых отношений и производственных связей между различными частями страны требовало единого и общего средства связи для заинтересованных в этом классов. Для успешного развития этих отношений новому классу – буржуазии – необходим был более или менее единообразный общий язык, каковым и явился в XVI в. языка среднегерманской торговой буржуазии, наиболее ярко зафиксированный в произведениях Лютера. Являясь, по выражению Энгельса, официальным представителем бюргерской реформы, т. е.

буржуазно-дворянской коалиции в революционном движении Германии XVI в., Лютер своим переводом Библии на немецкий яз. дал образец литературного "общего" языка на основе верхнесаксонского наречия. Пуризм же развивался совместно с ростом национального самосознания и свидетельствовал о стремлении найти более широкую "народную" базу для литературного языка, разбить его сословную ограниченность и создать единство языка в стране, так господствующие классы в то время стремились целиком усвоить иноязычную культуру, что вело к росту сословного разделения языка [1, с. 114].

Развитие пуризма в Германии имеет свою специфику и исторические корни. Не смотря на то, что явление было известно во многих Европейских языках, в Германии оно отличалось интенсивностью и длительностью [1, с. 114]. Причины возникновения пуристической деятельности, как при любом социальном явлении обусловлены исторически. Это объясняет выделение германистикой двух направлений в пуризме: прогрессивный пуризм 17-18 веков и реакционный 19-20 веков.

Следует отметить, что, выступая против загромождения языка иностранными элементами, доступными лишь немногим двуязычным представителям господствующего класса, пуристы 17-18 веков широко используют опыт языкового строительства, в особенности в области синтаксиса и семантики, обогащая язык кальками и новыми синтаксическими оборотами.

Совершенно другой характер носит пуристическая практика 19-20 веков. Выступая против "засорения" языка международными политическими и научными терминами, заменяя их переводами, часто нарочито неверными и искажающими значение слова, Пуризм этой эпохи стремится отгородить свой язык от сближений с другими языками, уничтожить возможность его интернационализации. Однако пуризм в данный период это не только очищение языка от заимствований, но соответствие стандартизированному его варианту. Соответственно этому можно сказать, что пуризм выступает здесь в более широком плане, как стремление к очищению национального языка [4, с.79].

Литературный язык – это вариант общественного языка, принимаемого как образцовый. Он функционирует как в письменной так и устной форме. Для него типично наличие сознательно применяемых правил. Письменная разновидность языка наиболее строго кодифицирована. Устная же регламентируется в частности орфоэпическими нормами (нормами правильного произношения). Национальный литературный немецкий язык обладает широким набором функций и используется в настоящий момент во всех культурных сферах: в ху-

дожественной литературе, науке, юриспруденции, литургии, прессе. На нем ведется преподавание в школах и университетах, проходят научные и политические дискуссии, издаются журналы и газеты.

Постановка вопроса о пуризме, при тех взаимоотношениях, какие начинают складываться ныне между обществом и научным языковедением, кажется мне не только целесообразной, не только законной, но и неизбежной. Постоянное противостояние растущему числу заимствований из латинского, галльского и особенно в последнее столетие английского языков, стало проблемой не только германистов, но и привело к вниманию со стороны государства, которое в свою очередь предприняло ряд мер, способствующих сохранению стандартизированного немецкого языка и очищению его от чрезмерного количества заимствований из других языков. Споры о необходимости проведения реформы правописания в Германии имеют долгую историю [6, с. 1-2].

На рубеже 19 и 20 столетий в Германии были проведены две орфографические конференции, имевшие своей целью упрощение правописания немецких слов. Однако первые две реформы не решили всех задач, стоящих перед ними, именно по этой причине в последующие годы неоднократно предпринимались попытки проведения общегерманских лингвистических конференций, посвященных проблемам немецкой орфографии.

Следует обратить внимание на то, что написание немецких слов в течение последних 150 лет постоянно менялось. Это легко заметить, сравнив различные издания словарей. Так, например, в 14 издании «Duden» (1954) можно встретить две формы написания слова Kautsch и Couch, хотя еще менее десяти лет тому назад в 13 издании 1947 года, формы Kautsch в словаре не было. Причем менялось не только написание тех или иных слов, кардинально изменялись и правила: так, в 10 издании Duden(a) (1929) можно было прочесть: «Für *ß* wird in großer Schrift *SZ* angewandt», несколько позднее вариант *SZ* употребляли наряду с *SS* только лишь с целью избежать путаницы в словах типа MASZE – MASSE.

Орфографическая реформа 1996 года с самого начала подверглась жесточайшей критике, отголоски которой слышны в немецком обществе до сих пор. Однако стоит признать, что «новые» правила 1996 года затронули самые «болезненные» места в немецком правописании – о них спорили в течение десятилетий до этой реформы и продолжают спорить и в 21 веке.

Несмотря на это, новые правила вступили в силу с 1 августа 2006 года. Опросы, проводимые различными средствами массовой информации и лингвистическими организациями, показывают, что боль-

шинство граждан Германии не принимает новых правил и не желает им следовать. Так, газета «Deutsche Sprachwelt» в начале 2001 провела опрос, результаты которого говорят сами за себя: только 13 % из более двух тысяч опрошенных собираются придерживаться новых орфографических правил, все остальные выступают против реформы.

Безусловно, решаясь на предложенную реформу орфографии, которая существовала в немецком языке около 100 лет, авторы руководствовались наилучшими побуждениями: совершенствовать немецкую орфографию с учетом накопившихся проблем, чтобы соответствовать задачам в области культуры немецкого языка на его современном этапе.

Усилия немецких пуристических обществ тоже не остались без внимания и приобрели некоторый успех в связи с поддержкой правительства. Так например рассматривая официальную терминологию, можно отметить постепенное вытеснение из языка иностранных названий таких как Schaffner вместо Conducateur, Wettbewerb вместо Konkurrenz и т.п. Замена слов немецкими эквивалентами тоже приносит свои успехи, так как современные пуристы не заменяют их как раньше собственно выдуманными словами, а устраивают конкурсы с премиями за удачные слова для замены иностранных. Таким образом получают свои особые названия предметы обихода, повсюду известные под международными названиями: Fernsprecher -телефон, Fahrrad – велосипед и др.

На данный момент немецкие лингвисты всерьёз обеспокоены стремительным наступлением английского языка; по их мнению, если эти тенденции сохранятся, немецкий язык будет полностью вытеснен гибридным языком, который учёные называют "Denglish". Специалисты, выступающие за чистоту языка, отмечают стремительное вытеснение немецкой лексики англицизмами; причём многие жители Германии уже фактически разучились говорить на литературном немецком, используя вместо этого своеобразный гибрид английского и немецкого языков. Уже предпринимаются попытки остановить наступление "Denglish" административными мерами: англицизмы запрещены к употреблению в деловой сфере, кроме того, любая немецкая продукция должна в обязательном порядке носить немецкое название [5].

Анализируя меры, предпринимаемые со стороны правительства и существующих пуристических организаций следует отметить, что борьба за чистоту языка это чрезвычайно сложный и острый вопрос на сегодняшнем этапе развития языка. В свою очередь чрезмерное влия-

ние англицизмов на немецкий язык может вызвать новую волну пуристических настроений в обществе.

Литература

1. Iskos A. Deutsche Lexikologie. – Л.: Просвещение, 1970. – 294S.
2. Lewkowskaja K.A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau, 1968. – 94S.
3. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. – М., 1962. – 102с.
4. Polenz P. Sprachpurismus und Nationalsozialismus. – Berlin: Erich Schmidt, 1967. – 220S.
5. Янг М. Как немецкий побеждает "Denglish" [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – 2004. Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1397774,00.html>
6. Steinfel Th. Wir haben fertig [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung GmbH. – 2009. Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/891/485319/text/>
7. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1984. – 280S.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Лейс А. П.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И. Е. Козлова, к.ф.н, доцент

Мы все, конечно же, знаем о государственной политике России, а вот о языковой политике сегодня мало кто знает, несмотря на то, что она оказывает огромное влияние на общество, являясь, на протяжении многих веков, одним из важнейших факторов формирующих и изменяющих языковую ситуацию в нашей стране.

Язык и политика теснейшим образом связаны между собой и эта взаимосвязь, на мой взгляд, отнюдь не случайна. Ведь язык – это сложнейшая целостная система, обуславливающая и тип культуры, и тип человека, и само развитие общества. Через язык творится социокультурная реальность, и именно посредством языка национальная политика пытается во все времена привить народу определенную идеологию, которая в результате изменяет в нужную для государства сторону не только жизнь и мышление людей, но и сам язык, навязывавший данные изменения. Именно эти языковые изменения и являются предметом моего исследования. Ведь у каждого поколения свой русский язык, он постоянно меняется, отражая те или иные изменения в обществе. Вот почему, на мой взгляд, так важно обсудить, что же происходит с русским языком в наши дни, и узнать как государственная политика влияет на его структуру и функционирование. А это раз-

говор не только о текущем дне, но и о нашем будущем, будущем России.

Сегодня в Федеральной целевой программе Правительства России выражена серьезная тревога за состояние современного русского языка. В ней отмечается «снижение уровня владения русским языком особенно среди представителей молодого поколения, искажение норм русского литературного языка в речи политических деятелей, госслужащих и работников культуры, радио и телевидения, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения...» [1, с. 130]. Отмечается также, что «создается угроза разрушения единого информационного, образовательного, социально-культурного и экономического пространства РФ, снижение престижа России в мировом сообществе» [1, с. 131]. Следует особо выделить снижение уровня речевой культуры представителей российского общества, что непосредственно связано со снижением духовной культуры россиян. В первую очередь снижение культуры проявляется в распространение сквернословия. Сегодня оно охватило все слои населения от людей старшего возраста до детей детского сада. В словаре В.М. Мокиенко «Поле русской брани» собрано 8500 нецензурных слов и выражений, что свидетельствует о «процветании» русского мата. На страницах центральной и местной прессы о нецензурной лексике отмечается не только вред сквернословия, но и его польза. Для оправдания мата называются в публикациях различные нелепые причины: снять стресс, облегчить душу, предупредить физическую расправу и т.д. По данным проведенного опроса, среди различных групп населения оказалось 29% относящихся к мату как к «неприличным» словам, 54% считают их «невежливыми», а 17% относятся к ним терпимо, как к разговорному сленгу. Показателен и следующий результат опроса: «Среди любителей «со вкусом» говорить непристойные слова оказались и все российские премьер-министры, кроме Кириенко и Примакова, почти все звезды эстрады и многие гениальные актеры» [2]. Помнится, некоторое время назад выходил указ о запрещение мата в публичных местах, грозились даже наказать злостных «любителей сквернословия» денежным штрафом. Но обнародован этот указ так и не был, что, на мой взгляд, и к лучшему, ведь в противном случае россиянам пришлось бы дорого заплатить за «любимый народный фольклор».

Не менее острой проблемой современной языковой политики, направленной на решение языковых проблем, является жаргонизация русской речи, в которой отмечается необычайная устойчивость криминального лексикона. «Жаргон сегодня охватывает 5-7 смысловых сфер, в нем много слов пренебрежительных по отношению к старше-

му поколению (*предки, шнурки*), к сверстникам (*лох, лопух*) и т.д.» [3, с. 20]. Из безобидного явления речи молодежный жаргон превратился в социальное зло, с которым ведут борьбу СМИ, а в отдельных случаях даже поощряют его укоренение. Еще одна болезнь русской современной речи – это слова-вставки, заполнители пауз. В наше время таким заполнителем пауз стало продолжительное «а» или «э». Речь, наполненную данными словами-паразитами, очень тяжело слушать. На наших глазах возникла еще одна напасть на русскую речь. На этот раз в жертву было принесено слово «блин», из существительного превратившееся сначала в бранное слово, а потом, обретя оглушительную популярность на телевидении и в прессе, перешло в междометие.

По мнению В.М. Аспатова, «одной из важнейших проблем, вызывающей неутихающие споры, является проблема безоглядного заимствования иностранных слов во все сферы общественной жизни, которое подобно лавине продолжает сыпаться на голову обывателя. Несомненно, заимствования в русский язык были всегда, они приходят к нам в результате контакта с другими народами, в тех случаях, когда в языке нет соответствия. Сейчас мало кто знает, что слова *артель, латша, болван, чулок* пришли к нам из тюркских языков, а слова – *наивный, солидный, кошмар, партизан* – из французского и т.д.» [4, с. 150]. Нашествие политической и рыночной терминологии на современный русский язык в последние годы проложило дорогу его повсеместному обыностраниванию. В области спорта теперь фигурируют такие заимствования, как «*виндсерфинг, кикбоксинг, фристайл*» и др. Более оправданными представляются заимствования в области компьютерной техники: *дисплей, монитор, файл, принтер* и т.п. поскольку русские эквиваленты здесь отсутствуют. Среди каналов, по которым льется сегодня поток иноязычных слов, ведущую роль играют СМИ. Лавина заимствований идет через рекламу. В результате нормальный человек оказывается в чужом безликом мире, возникает чувство незащищенности в родном городе от чужих слов. Принимать, на мой взгляд, в родной язык иностранные слова в чересчур непомерных дозах, как это делается сейчас, – значит уничтожить наш язык, не доверять его внутренним резервам. А ждать, пока журналисты, работники радио и телевидения осознают всю пагубность занятой многими позиции – значит быть проводниками чужих слов. Хороший пример был когда-то подан Президентом Франции Жаком Шираком, запретившим использование заимствований в рекламе. По новому закону большинство передач должны транслироваться на французском языке. За нарушение этого положения радиостанции рискуют потерять право пользоваться эфиром, а также подвергнуться крупному штрафу. Лин-

гвисты подыскивают французские эквиваленты современным английским словам, и эти эквиваленты моментально попадают в лексику французского языка. Из официального обращения уже изъято около двух тысяч слов и понятий англоязычного происхождения.

К сожалению, этого нельзя сказать о России. Наше российское правительство отстранилось от забот о русском языке. Под натиском англomании и с благословения Министерства образования сокращается преподавание русского языка и литературы в школах, по существу сокращается издание словарей русского языка русских классиков, на телевидении и радио практически отсутствуют программы о русском языке. Сейчас патриотически настроенная русская общественность все энергичнее поднимает свой голос в защиту русского языка.

Забота о процветании русского языка накануне нового тысячелетия есть задача национального русского государства, воплощающего народные интересы и заботящегося о народном благе. Ведь именно культивирование родного языка, родной культуры помогает не только объединить всех россиян, но и сохранить все то, что составляет гордость России. Рано или поздно, но уже в первых десятилетиях XXI в. возникнет языковой союз стран СНГ, в котором русский язык – как бы его не называли, – языком официальным, языком межнационального общения – по-прежнему будет ведущим средством интеллектуального общения и будет способствовать развитию и обогащению народов, населяющих страны СНГ. Несмотря на все сложности современного периода, не следует забывать, что русский язык – наше национальное достояние, и мы должны обходиться с ним как с национальным богатством – хранить и приумножать.

Литература

1. Цивилизации и культуры. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения: Научный альманах. – М.: Издательство востоковедения, 1996. – Выпуск 3. – 413 с.
2. Аргументы и факты. – 2000. – №1-2.
3. Любимов Н.А. Конституционно-правовой институт языка: проблемы формирования // Вестник Московского университета: Научный журнал. – Сер.11, Право. – М., 2004. – №2. – С.17-34.
4. Аспатов В.М. 150 языков и политика 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: ИВРАН, 1997. – 190 с.

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Панкратова М. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Ф. Л. Косицкая, к.ф.н., доц.

Актуальность данной темы определяется недостаточной разработанностью в сопоставительном языкознании механизма репрезентации концептов на уровне лексики при сравнении нескольких языков как родственных, так и неродственных. В современной лингвистике остаются малоисследованными проблемы выявления функционирования как ядерных, так и периферийных лексических единиц вместе с их синонимами в текстах определенной стилистической направленности в синхроническом аспекте.

В современном языковедении в последнее время все чаще отмечается процесс интеграции среди его разделов в их современном развитии.

Работающие и основополагающие понятия такого раздела языковедения как когнитивная лингвистика довольно успешно используются в других разделах языкознания. Чаще всего при сравнительном изучении явлений в родственных и неродственных языках сопоставительное языкознание использует инструментальный и понятийный аппарат когнитивной лингвистики, к числу которых можно отнести понятие «концепт». Система знаний о мире, которая складывается у человека с момента его рождения, постоянно развивается за счет получения значительного количества информации, формирующейся в общие понятия. Данная система состоит из концептов, различимых по уровню сложности и абстракции, которые образуются по-разному.

Концепт – это содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс наиболее близко связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями [1, с. 603]. Понятие, лежащее в основе концепта, имеет свой собственный потенциал, оно способно дифференцироваться: элементарное отражение этой способности словари показывают как тенденцию к образованию разнообразных словесных оттенков и переносов.

Изучение концепта представляется возможным путем исследования лексико-семантических полей, которые позволяют выяснить семантику и валентность лексем.

Лексико-семантическая система языка представляет собой сложную структуру. Лексика классифицируется по многим основаниям. Важное место в системном описании словарного состава языка, являющегося исходным для системного изучения лексики, занимает моделирование объединений лексических единиц, основанных на общности значения: лексико-семантических полей, лексико-семантических групп и т.д. [1, с. 605].

Французское слово *beau* (*bel, belle*) восходит своими истоками к латинскому *bellus*, которое, в свою очередь, восходит к слову *bonum* – хороший. Таким образом, идея красоты представляет собой конкретизацию общеоценочного положительного признака. В этом смысле можно заметить, что смысловое сближение общей положительной оценки и эстетической положительной оценки является, вероятно, естественной оценочной квалификацией объектов, и эта квалификация осуществляется в челночном режиме: хорошее – красивое – хорошее.

В этимологическом словаре русского языка корень крас- сближается с древнеисландскими и древневерхненемецкими словами со значениями «хвалиться», «слава». Приводится также гипотеза о возможном сближении с литовским *grozis, grazus* – «красота, красивый». Исходя из возможного колебания инициальной фонемы *g/k*, можно предположить сходство древнеславянского корня крас- с латинским *gratia*, которое через *gratus* сближается с санскритским *gurtas*. Этот корень восходит к древним индоиранским и балтийским словам, обозначающим «восхваление». Хвала есть выражение эмоциональной оценки одобрения и восхищения. В данном случае также идея красоты развивается по линии «конкретное действие с положительной оценкой» – «общая положительная оценка» – «эстетическая положительная оценка». Но эта гипотеза, естественно, нуждается в дальнейшей проверке.

Идея эстетической оценки выражается через слова со значением «удивляться». Во французском языке глагол *admirer* является заимствованием из латинского и восходит к слову «чудо» – *miracle*. Латинское обозначение этой идеи связано с понятием «смотреть».

В русском языке удивление этимологически трактуется через «диво», т. е. чудо, и ассоциативно связано со словами, обозначающими в индоевропейском ареале языков Бога. Этимология слова «чудо» объясняется через сближение с греческим словом, обозначающим честь, славу.

Понятийные характеристики концепта «красота» раскрываются в словарных толкованиях синонимов, обозначающих этот концепт. Обратившись к французскому синонимическому словарю, мы обнаруживаем следующие дистинкции [2, с. 307-323]:

1. Общим признаком для синонимов beau (bel, belle), gentil, joli, sympathique, agréable выступает качество «доставлять удовольствие при созерцании». В словаре специально оговаривается то обстоятельство, что удовольствие при созерцании красоты является чувственным или эстетическим. Важно отметить, что противопоставление 1) непосредственно чувственного и 2) эстетического как мысленно опосредованного созерцания лежит в основе выделения эстетики как специальной области знания.
2. Дифференциальные признаки сравниваемых синонимов сгруппированы в следующих направлениях:
 - 1) мысленно опосредованное созерцание (beau);
 - 2) совершенство, соответствие идеалу (beau);
 - 3) интенсивное эмоциональное восхищение, очарованность (charmant, délicieux);
 - 4) рациональное (неэмоциональное), дистанцированное удовольствие от созерцания совершенства (bien fait);
 - 5) тонкость, изящество, деликатность созерцаемого объекта (обычно небольшого размера) (joli);
 - 6) акцент на удовольствии от (чувственного) созерцания объекта (joli);
 - 7) гармоничность, соразмерность и противопоставление простому, заурядному (harmonieux);
 - 8) подчеркивание чистоты, безупречности и свежести предмета созерцания (impeccable);
 - 9) меньшая степень экспрессивности (avoir l'air bien).

В синонимических словарях русского языка мы видим слова, обозначающие концепт «красота»: 1) красота, красивость, краса; 2) красивый, прекрасный, распрекрасный, хороший, пригожий; 3) миловидный, миленький, милый, хорошенький, смазливый. В ряду существительных дифференциация проходит по признакам «внешний – внутренний» и «поэтическое – общеупотребительное». В ряду прилагательных выделяются признаки «интенсивность», «очарование», «стилевые характеристики – народнопоэтическое, книжное, разговорное», «уточнение объекта оценки – ребенок, молодая женщина, девушка», «пренебрежительная оценка». В качестве ассоциативно связанных слов с концептом «красота» фигурируют единицы

очаровательный, прелестный, обаятельный, чарующий, обворожительный, пленительный. В толкованиях этих слов актуализируются признаки «покоряющая сила», «внешность, поведение, поступки человека», «интенсивность», «колдовская, сверхъестественная власть».

Сравнив релевантные признаки синонимов, уточняющих концепт «красота» во французском и русском языках, мы можем сделать следующие выводы:

1. Общие признаки синонимов в сравниваемых языках совпадают.
2. Дифференциальные признаки приведенных синонимов обнаруживают как совпадение, так и различие. К совпадающим характеристикам можно отнести следующие: а) соответствие идеалу; б) интенсивность; в) ироничная оценка красивой внешности. Различительные признаки таковы: 1) противопоставление непосредственного и мысленно опосредованного созерцания (во французском языке); 2) противопоставление внешней и внутренней красоты (в русском языке); 3) противопоставление рационального и эмоционального удовлетворения от созерцания красоты (во французском языке); 4) акцентирование сверхъестественной силы красоты (в русском языке); 5) конкретизация неиспорченности объекта эстетической оценки (чистота, свежесть, безупречность) (во французском языке).

На наш взгляд, различия в эстетической оценке между французской и русской лингвокультурами носят глубинный закономерный характер.

В русской фразеологии выделяются следующие образы, лежащие в основе закрепления концепта «красота»: 1) молодость; 2) хорошее здоровье; 3) произведение искусства; 4) сравнение с божеством; 5) сравнение с демоном; 6) сравнение с цветами и звездами; 7) сравнение с благородными животными и птицами (он красив, как орел, она – как пави или лебедь) [3, с. 102-111].

Что касается французских фразеологизмов, положительная эстетическая оценка закреплена в следующих признаках [4, с. 306-309]: 1) произведение искусства; 2) сравнение с божеством; 3) сравнение с цветами и звездами; 4) сравнение с благородными животными и птицами.

Во французских пословицах красота провозглашается ценностью менее важной, чем честь и совесть, например: *La belle gloire plutôt que le beau visage*.

В русских пословицах красота занимает важное место (Скромность красит человека; Коса – девичья краса; Красива пава перьем, а жена – мужем). Красота уступает уму: Красавице ум не помеха; Краса до венца, а ум до конца; Красота и без разума пуста. Поступки человека ценятся больше, чем его внешность: Личиком гладок, да делами гадок; Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гош.

Что касается художественной литературы, то основные различия в отношении к красоте во французской и русской лингвокультурах таковы: 1) для французских авторов важно отметить связь красоты, свободы, самоотверженности как проявлений жизни («Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie» Rouget de Lisle), для русских наиболее существенным является сопоставление красоты и добра, т.е. внешнего и внутреннего в человеке; очень важен тезис о том, что подлинная красота постигается не умом, а сердцем («Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с сердцем человека» Ф.М. Достоевский); 2) французские писатели подчеркивают соотношение красоты и бесполезности, красоты и эфемерности, красоты и незащищенности («Belle, oh! belle, les bras, la gorge, les épaules, d'un amber fin solide, sans tache ni felure» Daudet), русские – соотношение красоты и здоровья, красоты и гармонии («Прекрасное и красивое в человеке немыслимо без представления о гармоническом развитии организма и здоровья» Н. Г. Чернышевский).

Результаты выполненной работы подтверждают тезис о двух важнейших культурных доминантах поведения, свойственного французскому и русскому миропониманию, – отношению к действительности с позиций «деятеля» либо с позиций «созерцателя». Можно констатировать, что с позиций «созерцателя» концепт «красота» является самым важным в системе жизненных ценностей.

Перспективы исследования мы видим в изучении социокультурных характеристик эстетической оценки, воплощенной в языковой семантике, в освещении взаимосвязей между концептом «красота» и другими концептами и в исследовании дискурсивного воплощения этого концепта в различных типах текстов.

Литература

1. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1970. – 701 с.
2. Колесникова А.Д., Люльчак Л.М. Французско-русский иллюстрированный словарь синонимов. – М.: Русский язык, 1977. – 856 с.
3. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 902 с.

4. ФСФЯ – Фразеологический словарь французского языка. – М.: Русский язык, 1991. – 896 с.
5. Мещерякова Ю. В. Эстетические ценности в языковой картине мира // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 29-34.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ТРУД/ЛЕНЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА

Потапова А. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И. Е. Козлова, к. ф. н., доц.

В последнее время много внимания уделяется проблеме определения концепта ТРУД/ЛЕНЬ во французском языке, которая вызывает повышенный интерес у лингвистов, философов, психологов и социологов. Этот концепт отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира и внутренней, духовной жизни личности, этими обстоятельствами и объясняется выбор темы.

Науке известны многочисленные исследования структуры и семантики русских паремий. Изучение пословиц и поговорок русского народа всегда было чрезвычайно важным как для литературоведов, так и для культурологов и лингвистов. Являясь своеобразными накопителями и трансляторами народной мудрости, опыта и знания русских людей, паремии несут в себе богатейшую информацию об особенностях мировосприятия русского народа, особенностях его отношения к жизни [1, с. 148]. Работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований, поднимает ряд важнейших для данного направления лингвистики вопросов, предлагает нетрадиционное решение одной из важнейших в человеческом обществе проблем – отношения к труду.

«Концепт (concept; Концепт) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [2, с. 80]. Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [3, с. 88].

Понятийный слой концепта ТРУД/ЛЕНЬ легко восстанавливается из словарных определений ключевых слов, входящий в понятийное ядро данного концепта. Сравним эти определения:

«Труд – целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения» [4, с. 45].

Лень – отсутствие желания работать, нелюбовь к труду. Безделье – пребывание в праздности» [5, с. 166].

Анализ пословиц и поговорок объективирующих концепт ТРУД/ЛЕНЬ, показал, что паремии о труде можно отнести к четырем основным группам, включающим в себя следующие концептуальные признаки:

I место труда в жизни человека:

1. 'труд – это жизнь, существование человека' (*Человек рожден для труда; Благо людей в жизни, а жизнь в труде*);
2. 'труд присутствует в жизни человека постоянно' (*За трудами дня не видно, Без труда день годом кажется*);
3. 'труд необходим' (*Без труда не проживешь. Без труда и станок ржавеет*);
4. 'к труду следует относиться с полной мерой ответственности' (*Дело холода не любит*);
5. 'труд следует чередовать с отдыхом' (*Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем*);
6. 'труд следует предпочитать отдыху' (*На забаву час у труда никогда не отнимай*);
7. 'следует трудиться максимально долго' (*Ранний час на работу*);
8. 'не следует торопиться с выполнением работы' (*День к вечеру, а работа к завтраму*);
9. 'лень прогрессирует' (*Работать лень – мигрень*).

Так же существуют аналоги во французском языке:

1. 'Fait un métier qui peu avance' (*Делай работу, которую можешь продвигать. Смысл: следует выполнять то дело, которое человеку по силе*);
2. 'Fais ce que dois, advienne que pourra' (*Что можешь сделать сегодня, не откладывай на завтра*);
3. 'Le travail paie les dettes, La paraisse les fait' (*Работа оплачивает долги, а лень их создаёт. – Смысл: работая, можно покрыть все долги, которые имеются у человека, как материальные, так и моральные. Труд – средство достижения результата*).

II характеристика труда как процесса:

1. 'труд требует усилий, напряжения' (*Без трудностей труд не мыслим; Невелик кусок пирога, а стоит много труда*);

2. 'Grand diseur n'est pas grand faiseur' (*Великий говорун – не великий работник*. В русском языке можно привести схожую по смыслу поговорку:

'Меньше слов, больше дела' (*Смысл: чем больше человек говорит и обещает, тем меньше он рабаёт, и выполняет обещания*);

3. 'Les affaires font les homes' (*Дела делают человека*. Смысл: по делам человека, судят каков он есть. *Труд – оценивание личности*);

4. 'Affaire menne sans bruit, Se fait avec plus de fruit' (*Дело, сделанное без шума, это дело с результатом*. Смысл: дело, о котором не говорится много слов, имеет хороший результат. *Труд – положительный результат*);

5. 'Besogne qui plait est a demi faite' (*Работа, которая нравится, наполовину сделана*. Смысл: если человеку нравится дело, которое он выполняет, оно будет выполнено быстро и качественно. *Труд – быстрый конечный результат*);

7. 'Parle peu, fais ta besogne; Sage est qui ainsi besogne' (*Говори мало, делай свою работу; Мудр тот, кто таким образом работает*. Смысл: кто много говорит, тот мало делает. *Труд – достижение результата*);

8. 'L'exactitude est la politesse des montres' (*Точность – вежливость часов*. Смысл: нужно правильно и точно выполнять работу. *Труд – точный процесс*).

III результаты труда в жизни человека:

1. 'труд приносит плоды, результаты' (*Без труда и блоху не поймает; По работе и плата*);

2. 'труд ценен результатом' (*Что с трудом дается, то и люди берегут*),

3. 'плоды своего труда ценятся' (*Самым дорогим кажется то, во что вложен свой труд*);

4. 'результат труда окупит усилия' (*Работа черна, да денежка бела; Горька работа, да хлеб сладок*);

5. 'труд приносит моральное удовлетворение' (*Труд славит человека; За подвиг трудовой награждают золотой звездой*);

6. 'труд является/не является источником материального достатка' (*Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; От трудов сыт будешь, а богат не будешь*);

7. 'труд кормит' (*Труд кормит; Дело в руках – хлеб в устах*);

8. 'бесполезный труд не ценится' (*За бесплодный труд и спасибо нет; Труд без пользы – то же безделье*);

9. 'интенсивный труд вредит здоровью человека' (*От работы кони дохнут*);

10. 'следует распределять материальные блага в соответствии с затраченным трудом' (*Кто не работает, тот не ест*).

Так же имеются аналогии во французском языке:

1. 'Besogne commencée est plus qu'à demi faite' (*Начатая работа – наполовину сделанная. Смысл: стоит только начать работу, а закончить ее уже можно. Труд – дело которое нужно начать*);

2. 'Il y a toujours des affaires à faire à qui sait les trouver. Mais il y a aussi de mauvais marchés qu'il faut savoir éviter' (*Имеются всегда дела, которые надо делать, их надо уметь найти. Но имеются также невыгодные сделки, их надо уметь избегать!* – Смысл: следует делать дела, которые можно выполнить и человек способен на это. Делать работу нужно с выгодой для себя. Труд – средство обогащения, извлечения выгоды).

IV типы поведения людей в соответствии с их отношением к труду:

1. 'не все одинаково относятся к труду' (*Одни жнут, другие ждут; Один с сошкой, а семеро с ложкой*);

2. 'труженики активны' (*Заботливый всегда себе дело найдет; На охотного рабочего дело найдется*);

3. 'труженики достойны уважения в обществе' (*Кто первый в труде, тому слава везде; Кто любит труд, того люди чтут*);

4. 'бездельники пассивны' (*Без дела сидит, в пустой угол глядит*);

5. 'бездельники избегают работы' (*От меня работа не заплачет; Бегает от работы, как собака от мух*);

6. 'бездельники предпочитают труду сон и еду' (*За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать против нас не сыскать*);

7. 'бездельники живут за счет чужих трудов' (*Белоручка чужие труды любит*);

8. 'бездельники слабы и медлительны в работе' (*Здоров в еде, да хил в труде*);

9. 'у бездельников слово расходится с делом' (*Складно бает, да дела не знает; Словами туда и сюда, а делом никуда*).

Так же имеются аналогии во французском языке

1. 'Au travail, le plus difficile, c'est d'allumer la petite lampe du cerveau. Après, ça brille tout seul' (*На работе самое трудное зажечь маленькую лампочку мозга, потом она горит сама. Смысл: работу*

тяжело начать. Но если начнешь, появиться идея и дело быстро пойдет. *Труд – трудное начинание дела*);

2. 'Le travail fatigue même les ânes' (*Работа утомляет даже ослов*. – Смысл: любое дело может утомить человека. *Труд – утомительное занятие*);

3. 'Si l'on veut gagner sa vie, il suffit de travailler. Si l'on veut devenir riche, il faut trouver autre chose' (*Если хотим заработать на жизнь, достаточно работать. Если хотим оказаться богатыми, надо найти что-либо иное*. Смысл: чтобы иметь пищу, дом, одежду следует работать. А чтобы обогатиться надо найти иной источник дохода. *Труд – средство для существования, а не для обогащения*).

На основе данных можно сделать вывод о том что, работа воспринималась как нечто подневольное, не приносящее радости или материального достатка, поэтому существовало много оправданий для избегания работы, однако во все времена ценились люди трудолюбивые, так как труд – нравственная ценность.

Литература

1. Бабина Л.В. Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 141-149.
2. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. – М., 2001. – № 4. – С. 79-86.
3. Труд и лень в русских пословицах и поговорках // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири: Сб. статей.- Тюмень, 2002.- С. 86-90.
4. Содержание концепта труд (по данным лексикографических источников) // Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи (Рождественские чтения): Материалы областной научно-практической конференции. - Тюмень, 2003. – С. 44-47.
5. Концепт ТРУД в русской языковой картине мира // Актуальные вопросы русистики: Сб. статей.- Тюмень, 2003.- С. 166-171.

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОЙ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Руденко Е. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В. В. Соколова, к.ф.н., доц.

Была предпринята попытка проследить путь развития романских глагольных форм и факторов, которые способствовали превращению латинской конструкции в глагольные временные формы.

Одним из важнейших качественных преобразований глагольной системы в ее развитии от латинского языка к французскому было создание аналитических видовременных форм глагола: аналитический перфект (*passé composé*), плюсквамперфект (*plus-que-parfait*), прошедшее предварительное (*passé antérieur*), сложная конструкция (*conditionnel passé*), перфект субжонктива (*subjonctif passé*), плюсквамперфект субжонктива (*plus-que-parfait du subjonctif*). Сущность аналитических форм состоит в том, что в них служебное, т.е. строевое слово выражает грамматическое значение другого строевого слова.

По мнению петербургских лингвистов Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой аналитическая конструкция является результатом грамматизации [1, с. 224].

Высокая степень грамматизации предполагает следующие обязательные признаки:

1) Утрата служебным словом собственного лексического значения, что проявляется в практически неограниченной лексической сочетаемости. Например, глагольные формы в предложениях: *J'ai vendu l'amoire*, *J'ai perdu le livre*. возможны только потому, что здесь произошла десемантизация глагола *avoir*: человек не может обладать тем, что он потерял или продал.

2) Контактность расположения или четко ограниченная дистантность расположения служебного и знаменательного слова.

3) Неспособность служебного элемента вступать в самостоятельные синтаксические связи с другими членами предложения

4) Вхождение в систему противопоставления синтетическим формам. Например, *il a traversé* противопоставлено в видовременном отношении форме *il traverse* как законченное действие в прошлом незаконченному настоящему, а форма *il avait traversé* противопоставлено *il traversait* по признаку законченности и предшествования действия в прошлом незаконченности и непредшествования, т.е. длительности действия в прошлом. Среди аналитических видовременных форм французского глагола имеются формы, образуемые вспомогательным глаголом *avoir*, и формы, образуемые вспомогательным глаголом *être* [2, с. 144].

Сложные аналитические глагольные временные формы появились в старофранцузский период развития языка и, хотя элементы их составляющие (т.е. глаголы *avoir* < *habēre*, *participe passé* < *participium perfecti passivi*) присутствовали и функционировали самым активным образом и в латинском языке, грамматизации их в рамках латыни не произошло. Поэтому вызывает интерес, какие языковые факторы спо-

собствовали соединению названных элементов в грамматизованные языковые единицы.

Существование в латыни конструкции предикативного определения при прямом дополнении с глаголом *habeo* (типа *habeo fructum collectum* – имею урожай собранным) с причастием прошедшего времени страдательного залога не случаен и определяется какими-то особенностями конструкции, присущими ей еще в латинском языке. Поскольку по форме конструкция, управляемая глаголом *habeo*, является оборотом двойного accusativa, то, по-видимому, ее специфика заключается в семантике управляющего глагола.

При глаголе *habeo* предикативное определение рисует признак, существующий в действительности, кроме того, *habeo* выражает состояние обладания, управляя конструкцией двойного accusativa, а в качестве предикативного определения фигурирует причастие прошедшего времени страдательного залога и, таким образом, функцию выражения признака, которое было результатом действия, несет на себе причастие.

При этом возникает новая синтаксическая связь между глаголом *habeo* и причастием и рвется прежняя синтаксическая связь причастия с существительным. Обладание результатом действия есть выражение законченности этого действия, иными словами – конструкция становится средством выражения совершенного вида, употребляясь в ряде случаев вместо латинского перфекта, который превращался уже в классической латыни в простое прошедшее время (*Perfectum historicum*), утрачивая в значительной мере свою первоначальную функцию выражения совершенного вида (*Perfectum logicum*).

В новом сочетании глагол *habeo* утрачивает постепенно свое конкретное значение обладания и дает сочетанию временную характеристику, а также значение переходности. Причастие утрачивает страдательное значение и придает сочетанию значение совершенного вида. Определяемый причастием член конструкции становится прямым дополнением не только глагола *habeo*, но всего сочетания.

Уже в латинских текстах позднего периода (3-7 в. д.н.э.) конструкция, управляемой глаголом *habeo*, приобретает черты, сближающие ее с временными формами:

- 1) употребление ее становится чаще;
- 2) конструкция начинает употребляться без прямого дополнения; хотя в более ранние периоды в виде дополнения мог быть инфинитив, придаточное дополнительное предложение, инфинитивный оборот или прямая речь.

Думается, именно в старофранцузский период (9-13 вв.) развитие конструкции с *habere* происходит и в основном заканчивается постепенным процессом ее превращением в различные сложные формы времен глагола. У Н.А. Катагощиной мы находим, что в старофранцузском языке была в наличии именно та система, которая характеризует современный французский язык. На рассматриваемой эпохе заканчивается история конструкции предикативного определения при прямом дополнении и начинается история глагольных форм для выражения различных временных отношений [3, с. 124].

Конструкция, управляемая глаголом *avoir* в данную эпоху старофранцузского периода характеризуется следующими особенностями:

1) частота ее употребления возрастает;
2) распространен именно тот вид оборота двойного аккузатива, где имеется совпадение субъекта глагола *habere* (*avoir*) с агенсом действия, выраженного причастием. В текстах XI века старофранцузского периода можно встретить употребление конструкции в современной функции сложных времен.

3) оформление новой грамматической связи конструкции с *avoir*: *avoir* + причастие + дополнение;

4) появление сочетаний глагола *avoir* с причастием прошедшего времени непереходных глаголов. Данное обстоятельство свидетельствует о полном преобразовании первоначального характера конструкции, ибо само прямое дополнение, которое в латыни являлось связующим звеном между глаголом и причастием, теперь не просто отсутствует, но и становится невозможным благодаря непереходному характеру причастия. Естественно, что употребление сочетания *avoir* с непереходным глаголом развилось постепенно. еще в латыни отмечаются случаи употребления вместо прямого дополнения инфинитивного оборота и придаточного дополнительного предложения. В старофранцузском языке целый ряд причастий также имеет не прямое дополнение, а либо последующую прямую речь, либо различные наречия, например, *riens*, *bien*. Употребление подобных наречий сыграло определенную роль в том, что и другие наречия в конструкции могли восприниматься как прямое дополнение, что и дало возможность употребления в ней причастий от непереходных глаголов, которые также, как и причастия от переходных глаголов, могли употребляться с различного рода обстоятельственными словами [4, с. 38 -47].

По наблюдениям Е.А. Реферовской, сложное время, образованное с причастием от непереходного глагола, выступает первоначально только в сопровождении различного рода обстоятельств рассматриваемая конструкция в старофранцузском языке без обстоятельств или

"косвенных дополнений" не употребляется. Употребление причастия от непереходного глагола означает полную утрату конструкцией характера предикативного определения при прямом дополнении и превращение ее в сложную временную форму [5, с. 258].

При исследовании рассматриваемой конструкции с точки зрения выражения ею видовых отношений обнаруживается, что в латинском языке она выражала законченность, это присуще ей и в старофранцузском языке. Но она уже перестает быть единственной. Однако наличия обстоятельств, играющих роль временных ограничителей типа *tant*, *set*, *anz* и др.) конструкция приобретает в старофранцузском языке возможность выражать протяженность действия в прошлом, а также указывать на момент начала действия, или на повторяемость действия в прошлом.

Возможность приобретения конструкцией новой видовой характеристики зависит во французском языке от видового характера причастия.

Выражать длительность или начало действия может прежде всего конструкция с причастием от непереходного глагола. При этом в старофранцузском языке конструкция обычно сопровождается наречиями времени, указывающими на протяженность или повторность. Следовательно, как уже указывалось, она может употребляться без прямого дополнения. Большая часть случаев выражения конструкцией начинательного, повторного и длительного действий связана с отсутствием прямого дополнения и с употреблением причастия от целого ряда непереходных непереходных глаголов, как *parler*, *estre*, *plaidier*. В XI-XII веках в сочетании с глаголом *avoir* вступают только причастия от непереходных непереходных глаголов.

Превращение конструкции в сложную форму для выражения временных отношений не завершается полностью в период старофранцузского языка, где мы находим еще самые разнообразные виды употребления рассматриваемой конструкции. Порою бывает трудно определить, имеет ли конструкция временное значение или выражает результативность. Грамматическими показателями значения конструкции могут быть до некоторой степени порядок слов и согласование причастия с дополнением. Но эти показатели не всегда бывают точными. Поэтому надо обратить внимание на употребление в старофранцузском языке рассматриваемой конструкции в сочетании с простыми временными формами.

В старофранцузских текстах она часто встречается рядом с простыми временными формами. Употребление рядом этих двух различ-

ных форм может быть вызвано тем, что у сложной формы явно ощущается результативный характер.

При сочетании рассматриваемой конструкции с настоящим временем она, кроме результативного значения, приобретает еще значение предшествования.

Рассматриваемая конструкция может выражать предшествование и по отношению к другим временам, для этого употребляются сочетания различных форм глагола *avoir* с причастием. Выражение предшествования свойственно конструкции начиная с эпохи старофранцузского языка. Развитие временных признаков за счет видовых происходит у сложных с *avoir* форм не сразу и в связи со всеми выше перечисленными факторами: установлением порядка слов, упразднением в ряде случаев согласования причастия с дополнением, утратой единой видовой характеристики – законченности.

К XV веку сложные времена с глаголом *avoir* приобретают в основном характер, присущий им в современном языке. Оформление конструкции как формы прошедшего времени дает ей возможность выражать различные видовые значения, а разрыв причастия с дополнением приводит к возможности обойтись без дополнения и обуславливает употребление в конструкции непереходных глаголов [4, с. 40-51].

Литература

1. Скредина Л.М. История французского языка / Л.М. Скредина, Л.А. Становая. – М.: Высшая школа, 2001. – 463 с.
2. Сабанеева М.К. Историческая грамматика французского языка / М.К. Сабанеева, Г.М. Щерба. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 2005. – 270 с.
3. Катагощина Н.А. История французского языка / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 446 с.
4. Калининская Т.Л. О роли конструкции предикативного определения при прямом дополнении в развитии аналитических форм глагола во французском языке // Ученые записки. – Л.: Ленинградский педагогический университет им. А.И. Герцена, 1959. – Том 212. – С. 35-52.
5. Реферовская Е.А. К вопросу о выборе вспомогательного глагола для сложных глагольных форм французского языка // Ученые записки ЛГУ. -1952. – Вып.15. – С. 257-264.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Тайдонова С. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. В. Корнилова, к.ф.н., доц.

Как в немецком, так и в русском языке можно выделить богатый набор модальных слов. Живое общение немыслимо без них, т.к. они передают тончайшие оттенки смысла, придают эмоциональную окраску и колорит естественного общения. Взяв любое литературное произведение, можно убедиться, что немецкая разговорная речь изобилует модальными словами, поскольку отражает естественную диалогическую немецкую речь.

Модальные слова – это часть речи, (но не являются служебными частями речи, и не являются членами предложения), к которой относятся неизменяемые слова, выражающие субъективное отношение говорящего к содержанию, форме события, источнику информации, а также эмоциональное состояние говорящего к высказываемой мысли [1, с. 23].

Модальные частицы еще больше, чем модальные глаголы употребительны в диалогах обиходной речи и в разговорном стиле.

Целью данного исследования является определить грамматическую направленность и семантические особенности модальных слов в современном немецком языке.

Семантическим признаком модальных слов является их значение субъективного отношения к высказыванию с точки зрения его достоверности, предположительности или желательности.

По своему значению модальные слова могут быть подразделены в зависимости от выражаемого ими субъективного отношения к фактам реальной действительности на:

- 1) слова, выражающие утверждение;
- 2) слова, выражающие предположение;
- 3) слова, выражающие субъективную оценку содержания высказывания с точки зрения его желательности или нежелательности [2, с. 163].

В пределах каждой группы модальные слова близки между собой по значению, но вместе с тем каждое из них выражает свои оттенки или отличается по своему употреблению в речи от других модальных слов той же семантической группы.

Г. Шредер считает, что модальные частицы вносят в высказывание самые разнообразные эмоции. Например, модальная частица *denn*

способна выразить в вопросительных предложениях многообразие эмоций:

- 1) участие – *Wie geht es dir denn?*
- 2) беспомощность – *Was soll ich denn machen?*
- 3) любопытство – *Was war denn los?*
- 4) враждебность – *Wie heißt er denn, der Herr?*
- 5) сомнение – *Ist das denn so wichtig?*
- 6) нетерпение, раздражение – *Was denn?*

В зависимости от контекста вопрос *Was soll ich denn machen?* может прозвучать и беспомощно, и раздражительно, и с испугом, и с насмешкой. Вопрос *Ist das denn so wichtig?* не обязательно должен выражать сомнение, он может выразить и одобрение: *Wieder ein Mißerfolg? Ist das denn so wichtig? Arbeite nur weiter!* Высказывание *Sei doch nicht dumm!* можно воспринять как дружеский совет, а можно усмотреть в нем и прямое оскорбление. Правильное понимание таких высказываний зависит не только от модальной частицы, но и от лексического состава предложения, от интонации, от контекста, в рамках которого это предложение выступает.

Будучи служебными словами, модальные частицы не могут быть употреблены самостоятельно, вне рамок предложения, поэтому и свое лексическое значение они реализуют только в предложении. Тип предложения играет при этом большую роль. В зависимости от типа предложения реализуется тот или иной лексико-семантический вариант модальной частицы.

Представление об отсутствии лексического значения у немецких модальных частиц возникло благодаря тому обстоятельству, что их трудно перевести на другой язык. Не каждый язык располагает такой обширной системой модальных частиц, как немецкий. Например во французском и английском языках модальных частиц гораздо меньше, и при переводе немецких предложений с модальными частицами приходится прибегать к другим языковым средствам: это могут быть полнозначные слова, порядок слов, междометия.

В русском языке насчитывается большое количество модальных частиц, в связи с чем почти каждую модальную частицу немецкого языка можно перевести. Однако полного совпадения нет.

Разговорная речь имеет стилистическую окрашенность, которая проявляется в её эмоциональности. Разговаривая с собеседником, обмениваясь репликами, говорящий и слушающий выражают, в первую очередь, свое отношение к тому, что говорит каждый из собеседников, но при этом каждый из них может повлиять на собеседника, передать свое отношение к высказанному, свои чувства, настроение и побудить

его к действию, определенной реакции, выражению определенной позиции: радостной, одобрительной и, наоборот, отрицательной, печальной.

Одним из средств достижения этой цели является интонация – важный оформитель содержания высказывания, а также жесты, мимика, улыбка, покачивание головой, выражение глаз. Выражению эмоций и субъективного отношения к высказыванию служат лексические средства – модальные слова. Палитра эмоциональной окраски речи разнообразна, но мы рассмотрим два сущих противоположных полюса восприятия речи: положительный – радость, одобрение, согласие, восторг и отрицательный – печаль, огорчение, сомнение, сожаление, раздражение.

Рассмотрим грамматическую направленность модальных компонентов в эмоциональных плоскостях положительного – отрицательно-го, радостного – печального восприятия. Например:

1. „aber“, будучи модальным словом выражает значение противопоставления, не соответствия между словосочетаниями и предложениями.

Es war eine Reise, aber zu Hause ist es auch ganz schön. – Это было изумительное путешествие, но дома тоже неплохо. В данном примере говорится об интересном путешествии и следовало бы ожидать сожаления по поводу его завершения, но сожаления не происходит, поскольку возвращение домой тоже прекрасно, высказыванию здесь придается положительный радостный смысл, хотя и оформлен на противоположном значении модальной части „aber“.

Zu ihm hatten die Menschen großes Vertrauen, in der Familie aber stand er allein. – Люди нитали к нему большое доверие, но в семье он был одинок. „Aber“ здесь выполняет функцию связующего противопоставления. Содержание самой ситуации определяет трагично-печальный смысл высказывания, модальная частица через свое значение, противопоставление усиливает этот смысл.

2. „bloß“(nur) имеет ограничительное значение, «только», «лишь».

Den Herbert haben Berufsgärtner gefragt, wie er das bloß macht mit seinem herrlichen Rosen? – Герберта спрашивали садовники, как это он только выращивает такие розы? Модальная частица „bloß“ ограничена положительным восприятием смысла конкретного приятного действия.

Arhold entfernte den Ölfleck auf der Jacke, woher sie bloß die Farbe nehmen? – Арнольд вытирал масляное пятно на куртке, откуда они только краску достают? Данная реплика содержит негативный эмо-

циональный заряд раздражения, а „bloß“ усиливает печально-досадное восприятие смысла конкретного действия [3, с.28].

„Schon“ – уже, при сопоставлении двух предметов, явлений, действий „schon“ усиливает и выделяет одну из сопоставляемых частиц, а положительное или негативное восприятие смысла диктует ситуация.

Schon der Gedanke daran ist nur schrecklich! – Уже мысль об этом мне страшна! Восприятие чего-то страшного не может, естественно, вызвать положительно – радостные эмоции, а, напротив, усиливает печально-тревожные ассоциации.

„Ach du schaffst es schon“ – meinte sie vertrauensvoll. „Wenn du willst du alles“. – Ах, ты уж своего добьешься! Если захочешь, ты всего добьешься! Мысль обнадеживающего успеха воспринимается положительно и „schon“ подтверждает это.

По этой причине не составляет трудности распознать иностранца, даже безупречно владеющего немецким языком, но не обладающего эмоциональным чутьем, если речь идет об употреблении средств эмоциональной окраски. Его речь производит впечатление сухой и искусственной и выдает особенность иноязычия.

Именно поэтому изучение многозначности и грамматического употребления модальных слов является важной задачей в обучении немецкому языку.

Литература

1. Баранникова Л.И. Введение в языкознание. – Изд-во Саратовского университета, 1973. – 322с.
2. Пророкова В.М. Слова-«приправы», слова-«заплаты» модальные частицы в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1991. – 267с.
3. Девкин В.Д. Сборник упражнений по лексикологии немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1971. – 268с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Тризунова О. В.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. В. Корнилова, к.ф.н., доц.

Фразеология как раздел языкознания рассматривается с двух сторон. Во-первых, наука, которая изучает фразеологический состав языка с точки зрения его современного состояния и исторического развития. Во-вторых, как наука, исследующая семантические, морфологические и

стилистические особенности самих фразеологизмов (устойчивых сочетаний слов) в рамках речевого стандарта и в сфере контекста.

Фразеологизмы делают нашу речь более яркой и выразительной и поэтому широко используются в литературном языке. Для правильного использования каждого фразеологизма в речи, необходимо знать следующее: форму, в которой он употребляется, его лексические, структурные и другие варианты, его основное содержание и различные дополнительные значения, в том числе, стилистическую окраску; возможность его изменения, т.е. меру его формальной и смысловой стабильности; ситуацию или контекст, в которых уместно применение данного фразеологизма.

Русский академик В.В. Виноградов определяет фразеологические обороты как устойчивые словосочетания и образные выражения, специфические для того или иного языка, часто дословно или вообще непереводимые. Эти обороты, как правило, не допускают изменения порядка слов или замены какого-либо компонента синонимами, характеризуются идиоматичностью семантики, не совпадающей со значением составляющих их слов. Чаще всего фразеологические обороты используются в речи как готовые выражения в традиционной форме.

В качестве объекта исследования мной выбраны фразеологизмы литературного происхождения, которые включены в разновидность крылатых слов традиционной классификации Ф. Зейлера, а также источники их происхождения.

Крылатые слова – это особый вид устойчивых словосочетаний: лозунги, цитаты, изречения, авторами которых являются известные политики, знаменитые писатели и поэты. Эти устойчивые словосочетания зафиксированы в литературе, истории либо пришли к нам из древних мифов и легенд.

Исследователи в данной области выделяют три основных признака крылатых слов: наличие источника возникновения, длительный период существования, известность и их употребляемость.

Источники возникновения крылатых слов разнообразны. Таковой служит библия, история и мифология.

Предметом нашего исследования явилось изучение семантики крылатых слов и выражений, источником которых стала литература, а также особенностей их функционирования в различных жанрах литературы, функциональных стилях, их семантической трансформации применительно к настоящему времени.

Источником отбора крылатых слов послужили литературные произведения писателей, философов, поэтов Германии, Англии и Франции по

различным литературным жанрам, а также цитаты античных и библейских реалий в прозе и поэзии.

Проведенный семантический анализ показал, что крылатые слова и выражения находят свое отражение и применение в различных функциональных стилях общения.

Словосочетание *«wie ein roter Faden zieht sich»* von J.W. Goethe – «красной нитью проходит» берет начало в романе И.В. Гете «Родственные натуры». Данное выражение означает какую-либо господствующую идею, мысль, тенденцию.

В греческой мифологии существует легенда о красной нити Ариадны, которая подарила ее Тезею, чтобы он не заблудился в лабиринте, где жил минотавр.

В романе И.В. Гете «Родственные натуры» это выражение имеет следующее объяснение: речь шла об особом оснащении английского королевского флота, в котором снасти были сплетены таким образом, что красную нить, которая проходит через все сплетение, невозможно выпутать из снастей, не развязав плетение целиком. Таким же образом через все повествование в дневнике Оттилии (героини романа) красной нитью проходит преданность, которая соединяет все мысли об этом в единое целое.

Крылатое выражение «красная нить» обладает еще одним значением, которое является окказиональным и имеет территориальное ограничение. Красной нитью в Ганновере обозначено направление к 36 главным достопримечательностям города. Красная нить изображена в виде красной стрелки, указывающей направление. Таким образом, крылатое выражение используется только в Ганновере и, следовательно, не фиксируется в соответствующих словарях.

Исходя из происхождения и семантики данного крылатого выражения, можно сделать вывод о том, что оно имеет два значения: господствующую мысль, тенденцию и окказиональное территориальное ограничение при указании направления.

Свое применение данное крылатое выражение нашло в публицистическом труде А. Нордена *“Um die Nation”*. *“Wie ein roter Faden zieht sich durch sie (die sowjetische Außenpolitik) hindurch die hohe Achtung vor dem Recht aller Völker auf ihre ungeschmälerte nationale Existenz”*.

В цитате, взятой из произведения А.Нордена, четко прослеживается значение «красной нити» как основной идеи, главенствующей тенденции во внешней политике Советского Союза, а именно уважение права народа на не ущемленное существование.

Крылатое выражение в представленном контексте имеет переносное метафорическое значение соответствующее конкретной сфере употребления в цитате (политика), которая взята из публицистического текста.

Анализ содержания словарей крылатых слов и выражений показал, что крылатые фразы часто употребляются в повседневном стиле общения.

Крылатое выражение “Was ist der langen Rede kurzen Sinn?” берет свое начало из драмы Фридриха Шиллера “Die Piccolomini”, где один из героев произносит речь, не называя имени того человека, о чьих заслугах он говорит, присваивая их себе. Словами «В чем смысл столь длинной речи?» его речь была прервана.

В настоящее время данный вопрос задают человеку, который очень долго держит речь, говорит не по существу из желания показаться умным.

В лексикографических источниках (Moderne deutsche Idiomatik) мы можем встретить примеры употребления данного крылатого выражения в повседневном разговорном стиле общения: *«Ich verstehe schon – was der langen Rede kurzer Sinn ist, dass du weiterlesen willst und ich für dich einkaufen soll»*. В приведенном примере крылатое выражение цитируется не в полном варианте. Оно изменило форму – из вопросительного предложения перешло в односоставное повествовательное и приобрело более нейтральную окраску в сравнении с оригиналом. С точки зрения семантики, как показывает пример, также произошли изменения, а именно употребление выражения в бытовой сфере, применительно к человеку, который пытается увильнуть от ответа или просьбы, обращенной к нему, и приобретает значение «вообщем, короче говоря ...».

Крылатые слова и выражения, восходящие к древней мифологии, находят свое отражение и интерпретацию в произведениях художественной литературы различных жанров.

«Die Architektur ist eine verstummte Tonkunst». Архитектура – это немая музыка. Эти слова встречаются в произведении И.В. Гете “Maximen und Reflexionen über die Literatur und Ethik”. Данное сравнение восходит к учениям латинского поэта Витрувия, жившего в первом веке до нашей эры. В своем учении поэт требовал от архитекторов обязательного знания музыки, так как связь этих двух видов искусства была гораздо большей, чем сегодня. Точность пропорций архитектуры находило отражение в гармонии музыки. Архитекторы, музыканты и философы Древней Греции и Древнего Рима находились в постоянном поиске взаимосвязи этих видов искусства.

Артур Шопенгауэр иронично сравнил архитектуру с замершей музыкой, так появилось выражение – “Architektur ist gefrorene Musik”. У Вильгельма Шеллинга архитектура сравнивается с застывшей музыкой: “Architektur ist eine erstarrte Musik”. Таким образом, данное крылатое выражение претерпело несколько изменений, но, в сущности, его семантика осталась неизменной. Она полностью соответствует первоначально вложенному смыслу.

Крылатые слова и выражения находят свое отражение и применение в поэзии. Так, например, крылатая фраза «Das Leben ist kurz, die Kunst ist lang» – «Жизнь коротка, искусствоечно».

Крылатое выражение, сказанное греческим врачом Гиппократом, которое использовал Гете в трагедии «Фауст». Следует отметить, что смысл изречения Гиппократа не в том, что искусство долговечнее жизни, хотя именно в этом значении оно стало крылатым. Гиппократ говорил о том, что искусство настолько велико, что на овладение им не хватает целой человеческой жизни.

«Ach Gott!

Die Kunst ist lang, und kurz ist unser Leben, mir wird bei kritischem Bestreben, doch oft um Kopf und Busen bang» (J.W. Goethe).

В приведенном примере крылатое выражение обладает конкретным, прямым смыслом, в сравнении с данным первоисточником. Здесь имеет место изменение семантики от абстрактного к конкретному значению.

Следует также выделить крылатые слова, которые с течением многих лет претерпели семантическую трансформацию применительно к настоящему времени, а именно эпохе, развитию общества и государства, ситуациям общения, стилю и образу жизни.

Подобного рода семантические изменения или трансформация крылатых слов затронула не только отдельные их компоненты, но семантику в целом.

Некоторые крылатые выражения литературного происхождения полностью утратили смысл, данный автором.

Крылатое выражение «Luft! Luft! Clavigo!» (von J.W. Goethe “Clavigo”) – «Задыхаюсь! Клавиго!» восходит к трагедии И.В. Гете «Клавиго». Это были последние слова умирающей Мари, которая не пережила предательства Клавиго. Последние слова Мари звучали: *«Ach! Luft! Luft! (fällt zurück) Clavigo!»*

В настоящее время, данное крылатое выражение носит шуточный характер и употребляется, как призыв открыть окно, когда в помещении душно.

Исходя из семантики оригинала и значения крылатого выражения в настоящее время, мы можем говорить об изменении смысла крылатого выражения на противоположный. В трагедии И.В. Гете данное крылатое высказывание носит явно не шуточный характер, а наоборот наполнено болью человека, который не смог простить предательства.

Следующим аспектом трансформации выступает замена какого-либо компонента (слова) крылатого слова другим, более актуальным для современной жизни. Этими компонентами могут выступать предметы, действующие лица, условия, в которых происходит действие.

«Ein Pferd! Ein Pferd! Ein Königreich für ein Pferd!». «Коня! Коня! Полцарства за коня!». Выражение из драмы Шекспира «Ричард III», который, потеряв своего любимого коня, был готов отдать за него полцарства. В настоящее время это высказывание часто употребляется, но в отношении других предметов.

“...und noch nie, selbst in keiner Zeit auf dem Wege von hinter Berlin her, hatte das Kind in dem Dachkämmerchen ein Paar Schuhe... so nötig gehabt wie jetzt.

Über ein Schlachtfeld nach einem Gaul zu rufen und ein Königreich dafür zu bieten, klingt wohl tragischer, ist es jedoch unter Umständen für den in eigener Tragödie auf der Lebensbühne Auftretenden keineswegs. Ein Königreich für ein Pferd – die ganze Welt für ein Paar Schuhe! (W.Raabe. Horacker).

Известное крылатое выражение У. Шекспира использовал в своем произведении Вильгельм Рабе, но применительно для иного рода обстоятельств, событий, героев. В данной цитате герой, выступая на «сцене жизни», готов отдать полмира за пару ботинок. Противопоставляя это высказывание оригиналу в одной цитате, автор придает ему оттенок иронии. В представленном примере компоненты крылатого выражения противопоставляются компонентам в цитате, например, «das Pferd – der Gaul» – «лошадь – кляча» как выражение иронии автора. Противопоставление «ein Königreich – die ganze Welt» – «полцарства – полмира» выступает также как яркий стилистический прием, который служит для обозначения значимости происходящих событий, выражения безысходности и безвыходности, трудности положения.

Однако общий смысл выражения остался неизменным: готовность отдать самое дорогое за что-либо, чего вернуть нельзя. Представленная цитата имеет связь с реалиями и событиями времени, в котором употребляется и обладает переносным значением.

Крылатое выражение “Ein Pferd! Ein Pferd!Ein Königsreich für ein Pferd!” Уильяма Шекспира применительно к современной жизни, настоящему времени претерпело некоторые изменения. Образно полцарства современные люди готовы отдать за чашку кофе, чтобы проснуться утром или, например, стакан воды в жаркий день. Таким образом, чаще можно услышать такую интерпретацию выражения «Ein Königsreich für ein Glas Wasser!», чем исходный вариант.

Сохранение семантики крылатых слов и выражений мы можем найти в различных жанрах литературы, а также в переводах данных произведений, фразы которых стали крылатыми. Несмотря на их длительный период существования, они не потеряли не только своей актуальности, но и особенности значения, оттенки значения, данные авторами.

Крылатое выражение “Nichts ist dauernd, als der Wechsel”, сказанное Людвигом Берне в произведении “Denkrede auf Jean Paul”.

Данная крылатая фраза нашла свое отражение в произведении Генриха Гейне.

“Nichts ist dauernd, als der Wechsel, nichts beständig, als der Tod. Jeder Schlag des Herzens schlägt um seine Wunde, und das Leben wäre ein ewiges Verbluten, wenn nicht die Dichtkunst wäre. Sie gewährt uns, was uns die Natur versagt: eine goldene Zeit, die nicht rostet, einen Frühling, der nicht abblüht, wolkenloses Glück und ewige Jugend. (H.Heine. Harzreise. Motto).

Данная цитата Г. Гейне посвящена его любви к поэзии. Свою мысль он начинает со сравнения того, что нет ничего продолжительнее, чем перемены и ничего более постоянного, чем смерть. Крылатое выражение имеет в данном контексте прямой конкретный смысл и означает, что время перемен всегда продолжительно, особенно если их ждешь. Данное выражение непосредственно связано с событиями и временем, в котором было написано это произведение. Оно четко отражает внутреннее состояние автора, который живет в этом времени и связан с происходящими событиями.

Проведенный этимологический и семантический анализ, а также исследование функционирования крылатых слов в языке были реализованы с целью правильного понимания происхождения крылатых выражений, их безошибочного применения в конкретных условиях речевого взаимодействия, а также с целью доказать актуальность их употребления в речи, различных функциональных стилях и жанрах литературы.

Литература

1. Бинович А.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1956. – 656с.
2. Фляйшер В. Фразеология современного немецкого языка. – Тюбинген, 1997. – 299с.
3. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970. – 200с.
4. Duden. Zitate und Aussprüche. – Zürich: Dudenverl., 1993. – 595с.
5. Шишкина И. П., Финкельштейн Р. В. Крылатые слова. – Л., 1972. – 167с.

WORTPAARE

Фельцан Е. П.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. В. Корнилова, к.ф.н., доц.

Die Phraseologie als eine Wissenschaft war von anderen sprachlichen Disziplinen in den 20er Jahren des 20. Jahrhunderts abgesondert. Sie ist ein neuer Bereich der Linguistik, der sich mit festen Wortkomplexen einer

Sprache befasst. Der Terminus Phraseologie wurde vom französischen Linguisten Charl Bally 1905 eingeführt. Ein weiteres Mittel der Wortschatzerweiterung sind die Phraseologismen. Die Phraseologismen des Deutschen wurden in unserer Germanistik nach verschiedenen Prinzipien systematisiert. Diese Prinzipien sowie die Klassifikationen selbst spiegeln in gewissem Sinne die Entwicklungsperioden der phraseologischen Forschung in der Linguistik im Allgemeinen wider.

Die semantische Klassifikation der deutschen Phraseologie entstand Anfang der 50er Jahre. Die funktionale Klassifikation der Phraseologismen entstand Anfang der 60er Jahre.

Noch ist die lexikalisch-syntaktische Klassifikation zu nennen. Sie umfasst:

- Verbale Phraseologismen;
- Substantivische Phraseologismen;
- Adverbiale Phraseologismen.

Eine andere, die sogenannte traditionelle Klassifikation kann die strukturell-semantische genannt werden. Laut dieser Klassifikation werden die Phraseologismen in folgende Gruppen eingeteilt:

1. Wortpaare;
2. Idiome. Darunter versteht man Wortgruppen, die in ihrem Gebrauch erstarrt sind. Sie entstehen aufgrund bildhafter Vorstellungen von der Wirklichkeit, entwickelt sich meist aus freien syntaktischen Wortgruppen und bekommen einen allgemein umgedeuteten Sinn;
3. Geflügelte Worte. Sie ist eine besondere Art der stehenden Wortverbindungen. Es sind vor allem Aphorismen, Losungen, Zitate, die von Schriftstellern, Wissenschaftlern, Politikern stammen;
4. Sprichwörter. Sie sind erstarrte im Volksmund umlaufende Sprüche, gewöhnlich mit belehrendem oder moralischem Sinn. Sie existieren meist in Form eines Satzes und drücken bildlich einen abgeschlossenen Gedanken aus.

Für die deutsche Sprache sind Zwillingsformeln typisch. Wortpaare sind stehende Verbindungen von 2 Wörtern, die einer und derselben grammatischen Wortart angehören. Das wichtigste strukturelle Merkmal der Paarformeln ist, dass die binäre Wortfügungen sind, d.h. Fügungen aus zwei Lexemen der gleichen Wortart. Paarformeln verdienen unter phraseologischen Einheiten eine besondere Beachtung, weil sie sehr produktiv sind und neben den kodifizierten alten und älteren Paarformeln zahlreiche Bildungen dieser Art nach den strukturell-semantischen Modellen der Paarformeln in der Gegenwartssprache entstehen. Dieser Aspekt bei der Betrachtung der Paarformeln wird in der einschlägigen Forschung oft übersehen. Z.B.: *Mann und*

Maus, schalten und walten (хозяйничать), fix und fertig (совершенно готов).

Die meisten Paarformeln haben wie auch die anderen adverbialen Phraseologismen vorwiegend modale Bedeutung, ein kleinerer Teil lokale und temporale. Sie werden wie Adverbien als adverbiale Bestimmungen gebraucht [1, S.158].

Das Wortpaar besitzt eine einheitliche Bedeutung und bezeichnet einen einheitlichen Begriff.

Was die Bedeutung der Komponenten des Wortpaares anbetrifft, so sind es häufig zwei Synonyme: Z.B.: *Art und Weise, Hab und Gut, Feuer und Flamme.*

Wortpaare können auch aus zwei Antonymen bestehen. Z.B.:

Auf Leben und Tod – навсегда;

Durch dick und dünn – любыми средствами;

Freud und Leid – всё.

Andere Wortpaare bestehen aus Wörtern mit verschiedenen Bedeutungen, die meist einander ergänzen und dadurch eine Einheit bilden: Z.B.:

Mit Mühe und Not – с большими усилиями;

Jemandem mit Rat und Tat zur Seite stehen – помогать кому – либо словом и делом.

Der Struktur nach unterscheiden sie sich von anderen phraseologischen Gruppen sehr deutlich. Am häufigsten tritt als Verbindungsmittel die Konjunktion “und” auf: Z.B., *Hoffen und harren macht manchen zum Narren. – Долго ждал, а проку не видал, kurz und gut.*

Seltener sind diese Wortpaare durch die Konjunktion “oder” verbunden. Z.B.: *über kurz oder lang.*

Als Verbindungsmitteln erscheint auch die Konjunktion “weder ... noch”.

Z.B.: *weder Haus noch Hof – ни кола ни двора;*

weder Fisch noch Fleisch – ни рыба ни мясо.

Manchmal werden sie auch durch Präpositionen verbunden: *Schritt für Schritt, Stunde um Stunde, Wurst wider Wurst, Kopf an Kopf.*

Entsprechend den syntaktischen Modellen werden die Paarformeln unterschieden in

1. Subsantivische: Z.B.: *Feuer und Flamme, mit Haut und Haar;*
2. Adjektivische: Z.B.: *krumm und lahm, alt und jung;*
3. Verbale: Z.B.: *hegen und pflegen;*
4. Adverbiale: Z.B.: *hin und wieder, ab und zu.*

Außerdem werden sie oft durch euphonische Mittel gestaltet und bekommen dadurch eine besondere lautliche Form. Sie werden charakterisiert:

- a) durch die Alliteration (gleicher Anhalt mehrerer betonter Silben)
Z.B.: *ohne Zweck und Ziel, Himmel und Hölle, durch Nacht und Nebel* (*во тьме ночной*).
- b) Auch durch den Reim (Gleichklang der letzten Silben). Z.B.: *mit Ach und Krach* (*с большим трудом*), *auf Schritt und Tritt, mit Sack und Pack* (*со всеми пожитками*), *weit und breit*.

In manchen Wortpaaren existieren jetzt noch solche Wörter, die sonst ungebräuchlich sind und als Archaismen aufgefasst werden: Z.B.: *gang* im Wortpaar *gang und gäbe*. Diese Erscheinung und spezifische euphonische Mittel erlauben uns zu sagen, dass die Wortpaare den ältesten Arten der Phraseologie angehören.

Die Wortpaare besitzen auch eine eigenartige phonetische Gestaltung. Sie sind nicht nur im Deutschen, sondern auch in anderen Sprachen verbreitet. Wortpaare verleihen der Alltagsrede die Bildhaftigkeit und Ungezwungenheit, deshalb gelten sie als ein Forschungsgegenstand und müssen gründlich untersucht werden. Die Zwillingsformeln treten als ein wichtiger Teil der deutschen Alltagsrede auf und sind für die Fremdsprachenlerner sehr wichtig.

Литература

1. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1982. – 158S.
2. Лексикология современного немецкого языка: курс лекций: Учебное пособие/ Л.В. Шевелева. На нем. языке. – М.: Высш. шк., 2004. – 240с.
3. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: /Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр Академия, 2003. – 256с.
4. Хрестоматия по лексикологии немецкого языка. Учебное пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. языков. – Л.: Просвещение, 1975. – 208с.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ширяева Е. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. В. Корнилова, к. ф. н., доц.

В современной системе языков существуют сотни тысяч нарицательных слов, обозначающих предметы и их свойства, явления природы и другие реалии нашей жизни. Кроме них существует и другой, особый мир слов, выполняющих функцию выделения, индивидуализации и представляющих собой разнообразные имена и названия.

В науке о языке существует специальный раздел, целое направление лингвистических исследований, посвященное именам, названиям, на-

именованиям – ономастика. Ономастика (от греч. *onomastike* – «искусство давать имена»): 1) раздел языкознания, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием в другие языки; 2) собственные имена различных типов (ономастическая лексика), онимия, которая в соответствии с обозначаемыми объектами делится на антропонимику, топонимику, зоонимию (собственные имена животных), астронию, космонию (название зон и частей Вселенной), теонию (имена богов) и др. [1, с. 10].

Особый интерес представляет раздел ономастики – антропонимика. Антропонимика – научная дисциплина, изучающая именование человека – антропонимы (от греч. «антропос» – человек и «онимо» – имя). Несмотря на то, что антропонимика имеет строго очерченный объем изучения – только именование людей – она представляет собой очень комплексную науку, так как именование людей представляют собой лингвистический факт особого рода, тесно связанный с общественным развитием, историей культуры, особенностями психологического склада того или иного народа [2, с. 28]. Основное назначение имен собственных в языке – различение, обозначение единичного предмета, лица, в ряду однородных предметов. В научной литературе эту основную функцию имен собственных принято называть идентифицирующей функцией. Другая важная функция имен собственных употребляется для выражения эмоционально-оценочных значений. Различные способы именования лица – прозвищный уровень, форма имени и др. – определенным образом отражают взаимоотношения носителя имени и того, кто его называет.

Немецкая антропонимическая система прошла долгий путь формирования и развития. Древнегерманская антропонимическая система сформировалась между 700 и 400 годами до н. э. как одночленная система [3, с. 7]. Изменения в немецкой антропонимической системе определяются взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов. Экстралингвистические факторы (особенности исторического развития, характер социальных отношений, идеологическая ситуация, психологические моменты, географическая среда) обуславливают тенденции в развитии. Лингвистические особенности системы языка определяют закономерности функционирования антропонимов в языке.

Идентифицирующую функцию антропонимов немецкого языка, их функционирование в эмоционально-оценочных значениях можно рассмотреть на исследовании конкретного произведения – романа Эрвина Штримматтера «Оле Бинкоп» («Ole Bienkopp») [4]. Объектом исследования выступают характерологические наименования деятеля, антропонимы.

Эрвин Штритматтер (1912—1994), один из наиболее значительных и самобытных немецких писателей. Он родился и вырос в деревне, рано начал трудовую деятельность и познал нелегкую долю рабочего человека в Ваймарской республике и гитлеровском рейхе. С 1950г. Эрвин Штритматтер – профессиональный писатель [5]. Его поэтическую прозу отличает единство реалистически достоверных изображений природы, быта, конкретных характеров и сказочно-романтической приподнятости языка, щедрой метафоричности и смелого юмора.

Значительным событием стало появление романа «Оле Бинкоп» («Ole Bienkopp») в 1963 году. Роман посвящен преобразованию жизни в немецкой деревне. В ходе развития действия в нем происходит переакцентовка конфликта. Вначале основой сюжета является конфликт нового, социалистического, со старым, буржуазным. Крестьянин-бедняк Оле Ханзен, который по завету своего погибшего друга Антона Дюрра организует в деревне Блюменау крестьянское трудовое товарищество, сталкивается прежде всего с местным богатеем, владельцем лесопилки Рамшем, всячески мешающим утверждению нового. Немало сил тратит Оле Ханзен и на убеждение крестьян, нелегко изживающих частнособственнические стремления. На первый план выдвигаются конфликты, связанные с совсем другими помехами социалистическому строительству: с догматизмом, бюрократизмом, боязнью творческой инициативы. Фигура Рамша отодвигается на задний план. Оле теперь приходится воевать с бургомистром Фридой Симсон, с районным секретарем Вуншгетрейем.

Борьба с догматизмом и формализмом оказывается нелегкой и драматичной. Оле в этой борьбе побеждает, но гибнет. Вопреки недоверию и запрету со стороны Фриды он сам вскапывает участок поля, где, как он знал со слов своего отца, были сокрыты ценные удобряющие вещества, он копает упрямо, всю ночь напролет, в холод и ветер, надрывается и умирает.

В современной ономастической науке используются следующие исследовательские методы: описательный, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный, семиотический, стилистический, лингвопсихологический, статистический. Данное исследование представляет собой симбиоз статистического, описательного и стилистического методов. Описательный метод используется во всех общественно-исторических и естественных науках и стоит на первом месте по широте применения. Функционирование эмоционально – оценочных значений характерологических наименований деятеля отразит стилистический метод. Использование статистического метода основано на том, что у объекта изучения, помимо его качественной стороны, имеется сторона количественная [6].

В романе Эрвина Штритматтера «Оле Бинкоп» представлено 23 действующих лица. Каждого из них автор наделяет какими-либо характеристиками. Главный герой романа Оле Ханзен отмечен в 43 наименованиях различного рода, признака, характера, значения. Это самое большое число характерологических наименований в романе. Все наименования можно разделить по признакам, формирующим характеристику лица: онтологические, этические, эстетические, утилитарные. Онтологическая характеристика человека отражает степень его интеллекта, волевые особенности и тип темперамента. В основу характеристики лица в онтологическом плане могут быть положены его интеллектуальные способности, например: Ole Hansen: *ist ein Mann mit drei Köpfen und einem Dickkopf* (характеризуется сильными интеллектуальными способностями), *ein Ivan* (как противопоставление предыдущей характеристике от русского Иван-дурак, отражает возможно не только интеллект, но и простоту); Anton Dürr: *ein heller Kopf*. Можно выделить онтологическую характеристику на основе волевых качеств: Ole Hansen: *aus gleichem Holze, roter Bull in einer Herde, der Dickschädel (ynпрямеу), ein Initiator, Kapitan, der Aktivist der ersten Stunde, ein Stein an der Schwelle, ein Denkmal, verrückter Graukopf*; Anton Dürr: *eine Fackel*. Все приведенные характеристики являются положительными и выносятся человеку, являющемуся сильной личностью. Этическая характеристика отражает отношение индивида к моральным нормам, степени его уважительного и неуважительного отношения к другим людям: Ole Bienkopp: *der Sittlichkeitsverbrecher, Heiliger*; Anngret Anken: *die Ehebrecherin*; Frida Simson: *ist die Partei*. К данной группе можно отнести широко представленные характеристики лица, находящегося в алкогольной зависимости: Mampe-Bitter: *das Schnapsfass, elender Herumsäufer, Saufsack, Bierkeller, Neigenschlucker, Spritflasche*. Эстетическая характеристика основывается на внешних данных персонажа: Ole Bienkopp: *rot wie das Tüchlein, ein Klotz*; Anngret Anken: *wie ein Holzweib aus dem Walde, Anngrets Blondhaar flatterte wie Wollgras im Winde*; Willi: *kraushaar*. Также выделяется утилитарность, как признак отражающий узкий практицизм, стремление человека извлекать выгоду в своих интересах: Frida Simson: *die Rachgöttin*; Der dicke Serno: *der Geldgiermensch*.

В представленной классификации выражается идентифицирующая функция антропонимов, однако антропонимы как особые единицы языка, выполняют так же функцию прагматическую, то есть выражают эмоционально-оценочные значения. Специальным антропонимическим средством эмоционально-оценочного именования лиц является прозвище (Übern timer). Прозвища находятся на периферии антропонимической системы, совмещая в себе признаки апеллатива и антропонима. От апел-

лятива у них – характеризующая функция, от антропонима- соотнесенность с конкретным индивидом. Немецкие ономотологии отмечают, что на современном уровне прозвища имеют тенденцию употребляться главным образом в функции отрицательной оценки.

В зависимости от силы отрицательной оценки различаются следующие виды прозвищ:

1. Neckname, Ulkname, Scherzname – прозвища со слабо выраженной отрицательной оценкой. В эту группу можно отнести главного героя романа Оле Ханзена по прозвищу Бинкоп (*Bienkopp*)- пчелиная голова. Данное прозвище происходит от способности Оле общаться с животными, цветами, насекомыми. Стилистически маркированное *Bienkopp* несет слабо выраженную отрицательную оценку, так как чудаковатая способность Оле лишь выделяет его на фоне остальных персонажей, дает преимущество. Большинство прозвища со слабо выраженной отрицательной оценкой образуются от имен и фамилий на основе звуковых и семантических ассоциаций. Примером в данном романе выступает *Willi Kraushaar* – одновременно является фамилией и прозвищем одного из героев.

2. Schandname, Scheltname, Schimpfname – прозвища с сильно выраженной отрицательной, уничижительной (пейоративной) характеристикой. Такого рода прозвища всегда имеют социальную обусловленность (культурно-образовательный уровень, идеологические разногласия и т.п.). В качестве примера можно привести одного из противников Оле Ханзена – Рамша (*Sägemüller Ramsch*) – пер. старьевщик. Социальная обусловленность заключается в противостоянии Рамша развитию социализма, он борется за старый буржуазный режим. К единомышленникам Рамша относится *Familie Nietnagel* – заклепка. *Mampe-Bitter* – т.к. постоянно пьет. Автор романа отмечает данных персонажей с помощью прозвищ как негативных.

Другим средством эмоциональной оценки являются так называемые гипокористические имена (уменьшительно-ласкательные). В таких именах позитивная оценка выражается с помощью суффиксов: -i, -chen, -lein, -e, -er, -o, -us. Например: *Ole Bienkopp – Olechen, Olelein, das Tüchlein*; *Emma Dürr – ein Hünchen, das zentnerchen Balast*; *Franz Bummel – das Lebemännchen*; *Julian Ramsch – Söhnchen*.

Одним из языковых средств для выражения взаимных отношений между лицами является форма обращения. Использование в обращении фамилии в абсолютном употреблении – без имени или актуализаторов (*Herr, Frau, Genosse* и т.п.) воспринимается негативно. В такой форме обращения находят выражение чувства дистанции, отчуждения, пренеб-

режения. Например: *Simson (Frida Simson)*, *Nietnagel (Familie Nietnagel)*, *Ramsch (Sägemüller Ramsch)*.

Эмоционально-оценочные значения могут выражаться и фонетическими средствами [3, с.29]. Для этого используются интонация, умлаут, гипокористическая гемитация (удвоение согласных), напр.: *ein gutter Soldat*.

Современная ономастика – это комплексная научная лингвистическая дисциплина, обладающая своим кругом проблем и методов. Изучение антропонимов является давней традицией в отечественном и зарубежном языкознании. Аспекты ономастических исследований многообразны. На протяжении последних лет исследования ведутся по пяти основным направлениям: общая теория имени собственного, история антропонимов, современное состояние антропонимики, прикладные вопросы антропонимики, антропонимы в художественной литературе. Наличие и функционирование антропонимов в художественном произведении формирует образ действующих лиц, дает представление о героях произведения, является источниками исследования, сравнения и описания во многих языках и произведениях мира.

Литература

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 366 с.
2. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1927. – С. 28.
3. Комарова Р.А. Немецкая антропонимика. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного ун-та, 1979. – 36 с.
4. Strittmatter E. Ole Bienkopp. – Berlin; Weimar : Aufbau-Verl., 1970. – 303 S.
5. Биография Эрвина Штритматтера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.wikipedia.de>
6. Ономастика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.about-onomastics.ru>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Архипова Т. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. С. Коваленко, к. филол. н., доц.

Существование антонимов в языке обусловлено характером восприятия действительности человеком во всей ее противоречивой сложности, в единстве и борьбе противоположностей. Поэтому контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, не только противопоставлены, но и тесно связаны между собой [4, с. 141]. Антонимы определяются как слова, принадлежащие к одному и тому же языку, к одной и той же части речи, идентичные по стилю и употребляющиеся вместе, первые значения которых противопоставляются [1, с. 193]. Большую часть общеупотребительной лексики составляют многозначные слова. Среди антонимов встречаются как однозначные слова, так и многозначные. Наличие у слова более одного значения называется полисемией (или многозначностью) [4, с. 121]. Существует два процесса семантического развития слова: расхождение значений *radiation* «расхождение, лучистость» и соединение значений *concatenation* «соединение, связь» [3]. Суть первого процесса заключается в том, что основное значение слова находится в центре, а второстепенные значения уже образуются из основного, и каждое второстепенное значение может соотноситься с главным. Например, *face* «лицо» – *the front part of the human head* «передняя часть головы человека» – основное значение; *the front part of a building* «фасад здания», *the front part of a watch* «циферблат часов», *outward appearance* «внешность» – второстепенные значения [6, с. 279]. Суть второго процесса заключается в том, что второстепенные значения слова образуются по цепочке. Например, существительное *crust* имеет следующие значения: *hard outer part of bread* «корка», *hard part of anything* «корочка», *harder layer over soft snow* «затвердевший слой снега», *sullen gloomy person* «угрюмый человек», *impudence* «дерзость», при этом последние два значения не имеют ничего общего с основным [3].

Если слово полисемично – значит оно может иметь несколько антонимов. Для установления основного (прямого) и переносного значений слов используется учение о первичной и вторичной денотативной семеме¹. Первичная денотативная семема узнается в лексеме вне контекста, по прямому соответствию с денотатом, известному людям из опыта. Например, word «слово» – одна из основных единиц языка, лексикализованное понятие, простейший носитель значения; to lead «вести» – определять направление движения человека, животного, вещи; bright «ясный» – светлый, чистый, свободный от осадков, немутный [6, с. 90]. Вторичная денотативная семема обозначает некоторый денотат по сходству с другим денотатом. Чтобы ее опознать, нужен контекст, ситуация, направленность мысли на известную область реалий. Например, to lead «вести» в определенном контексте имеет значение «руководить»; bright «ясный» может иметь значение «способный, смывленный, живой» [5, с. 80–81].

Так, например, следующие слова могут иметь несколько значений и несколько антонимов: bright «яркий» – dim «тусклый», bright «веселый» – dull «скучный», bright «веселый» – sad «грустный»; full «полный, целый» – empty «пустой», full «сытый» – hungry «голодный», full «полный, несокращенный» – reduced «сокращенный» [6, с. 90].

Можно провести последовательное противопоставление прямых и переносных значений антонимов: берутся два антонима, потом к одному из членов оппозиции противопоставляется другой антоним и так далее. В результате этого образуется цепь противопоставлений. Эта цепь связывает значения самых разнообразных слов по одному признаку – противопоставлению противоположных значений. Например, прилагательное *dry* имеет следующие основные значения: 1) сухой; 2) сухой, высохший, неболотистый; 3) без масла, джема (хлеб); 4) сыпучий, твердый (о продуктах) [6, с. 243].

Переносными значениями прилагательного *dry* являются: 1) сухой, скучный, неинтересный (книга, доклад); 2) сухое, несладкое (о вине); 3) холодный, сдержанный (например, о юморе); 4) трезвый [6, с. 243].

Можно привести следующие примеры антонимов на разные значения прилагательного *dry*: *dry* «сухое» – *sweet* «сладкое» (о вине); *dry* «сдержанный» – *emotional* «эмоциональный»; *dry* «яловая» – *lactating* «дающая молоко» (о корове); *dry* «трезвый» – *drunk* «пьяный»; *dry* «сухой» – *wet* «влажный»; *dry* «сухо» – *rainy* «дождливо» [3].

¹ Семема (семантема) – единица плана содержания языка, соотносимая с морфемой как совокупность компонентов ее содержания. Тем самым семема является минимальной единицей системы содержания, соотносимой с элементом системы выражения [2].

Для продолжения цепочки антонимичных противопоставлений достаточно, чтобы слово имело два противоположных (антонимообразующих) значения. Например, *dry* «сухой» – *wet* «влажный»; *wet* «пьяный» – *sober* «трезвый»; *sober* «спокойный, неяркий (о цвете)» – *bright* «яркий» [5, с. 81].

Полная антонимия всех многозначных слов встречается сравнительно редко, гораздо чаще в антонимические отношения вступают лишь некоторые значения полисеманта (многозначного слова). Например, существительное *day* «день» имеет следующие значения: 1) сутки, 24 часа; 2) дневное время, с утра до вечера; 3) период, эпоха, отрезок времени [6, с. 192]. Существительное *day* имеет антоним только в значении «дневное время»: его антонимом является существительное *night* «ночь» [7].

В приведенных примерах перечислены лексически и грамматически симметричные антонимы, ассоциативно отрицающие друг друга. Однако антонимы не просто отрицают друг друга, а предполагают нечто общее, на основании чего их можно сравнивать. Этим общим должно быть родовое по отношению к ядру наименование, суперордината. Очертить круг возможных в речи конкретных антонимичных противопоставлений в пределах одного поля невозможно, но очевидно, что он подвижен и может в речи постоянно расширяться [5, с. 83]. Тесная связь антонимии с многозначностью подчеркивает системность отношений лексических единиц, их взаимозависимость и взаимообусловленность при сохранении каждым из явлений своих различительных признаков.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1973.
2. Википедия: Свободная энциклопедия – Режим доступа: <http://www.wikipedia.org/>
3. Единое окно доступа к образовательным ресурсам: Лекции по лексикологии английского языка – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=41095&p_page=4
4. Кронгауз М.А. Семантика. – М.: Изд. Центр «Академия», 2005.
5. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.
6. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
7. Словарь синонимов, антонимов и определений – Режим доступа: <http://www.synonym.com/antonym/>

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК СИНОНИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Заремба А. С.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. С. Коваленко, к. филол. н., доц.

Эвфемизмами называют слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются по определенным причинам неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они входят в словарный состав языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия [1, с. 173]. Слово «эвфемизм» образовалось от греческого слова *euphemismos* из *eu* «хорошо» + *phemi* «говорю» [2, с. 485].

Эвфемизмы используются в большинстве случаев для того, чтобы избежать табу¹ и грубых или неприличных слов и выражений. Традиционными табуированными темами являются человеческое тело, смерть и болезни, секс, насилие, расовая принадлежность, национальные меньшинства, деньги и некоторые другие [3, с. 35]. Эвфемизмы позволяют людям сходить в *bathroom* «ванную комнату», *powder room* «дамскую туалетную комнату» или *restroom* «уборную» вместо *toilet* «туалета», даже если они не имеют намерения принимать ванну, припудривать носик или отдохнуть [4, с. 124; 5].

Часто говорящий прибегает к использованию эвфемизмов для того, чтобы ввести в заблуждение слушающего, поскольку говорящему есть что скрывать, или он просто желает смягчить жестокую реальность. Однако иногда все же эвфемизмы употребляются для того, чтобы не обидеть собеседника, используя при этом, например, прилагательное *passed away* / *passed* «исчезнувший, ушедший» вместо прямого *died* «умерший» [4, с. 128; 5]. Использование в речи более мягкого слова *passed away* не является попыткой скрыть что-либо или ввести в заблуждение, это всего лишь попытка сделать речь более приятной. *Passed away* может быть использовано просто потому, что говорящий относится щепетильно к членам семьи, недавно пережившей смерть любимого им человека [4, с. 128].

Эвфемизмы могут служить не только средством обогащения языка, но также они могут стать причиной исчезновения языковой единицы. Недавним примером такого вытеснения значения слова может служить слово *gay* как существительное, так и прилагательное, кото-

¹ Табу (словесное) – слово, употребление которого запрещено или ограничено под влиянием внелингвистических факторов (суеверия, предрассудков, стремления избежать грубых выражений и тому подобное) [2, с. 436].

рое в настоящее время используется практически всегда как синоним слова *homosexual* «гомосексуалист, гомосексуальный» и практически не употребляется в значении «веселый, радостный», которое оно имело в прошлом [3, с. 35].

Способы образования эвфемизмов весьма разнообразны, однако наиболее распространенным способом является употребление метонимии, то есть выражение каким-нибудь одним признаком самого понятия. Например, глагол *to glow* «быть очень горячим» используется в значении *to sweat* «потеть, обливаться потом» [1, с. 176]. Эвфемизмы также образуются и посредством метафор¹, при помощи деривации, например, *the underprivileged* заменяет *the poor* «бедный, неимущий», также эвфемизмы образуются путем составления сложных слов, например, существительное *a mentally handicapped* «умственно отсталый», образованное путем сложения наречия *mentally* и прилагательного *handicapped* является эвфемизмом слова *a moron* «дебил, слабоумный» [3, с. 36; 5]. Особенно часто эвфемизмы образуются путем использования иностранных слов [1, с. 174]. Ж. Вандриес пишет, что заимствование из чужого языка смягчает грубость выражаемого понятия, поэтому иностранное слово в таких случаях становится эвфемизмом [6, с. 205]. Часто эвфемизмы образуются путем простого описания неприличного или грубого слова, то есть при помощи перифразы. Так, например, существительное *a liar* «лгун» можно заменить на *a person who does not always tell the truth* «человек, который не всегда говорит правду», а *a stupid man* «глупец» – *not exactly brilliant* «не совсем выдающийся» [7, с. 210-213].

Большинство эвфемизмов представляют собой эвфемистические синонимы и эвфемистические перифразы, уже закрепленные в языке, и поэтому являющиеся частью его словарного состава. Однако эвфемизмы также могут быть созданы в процессе данной речевой ситуации, то есть «на данный случай», и тогда такие эвфемистические синонимы называют «речевыми эвфемизмами». Это средство используется для того, чтобы обозначить понятия для конкретных художественных целей, то есть такие эвфемизмы выступают в качестве контекстуальных синонимов² уже существующих слов в языке. В большинстве случаев это эвфемистические перифразы, которые раскрываются только в широком контексте. Их стилистическая функция остается той же, что и функция эвфемистических синонимов, то есть

¹ Метафора (греч. *metaphora* – перенос) – употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений [2, с. 160].

² Контекстуальные синонимы – слова или выражения, сближающиеся своими значениями в условиях контекста [2, С. 351].

функция смягчения слов и выражений, по каким-либо причинам кажушихся автору или герою произведения грубыми. Например, в предложении *they think we have come by this horse in some dishonest manner* (Dickens), *to come by this horse in some dishonest manner* «прибывать на лошади каким-либо нечестным путем» является эвфемистическим перифразом *to stole the horse* «красть лошадь». В рассказе Г. Уэллса “The Truth About Pyecraft”, вместо выражения *getting rid of fat* «избавляющий(ся) от полноты» автор использует эвфемистический оборот *reducing weight* «уменьшающий вес, худеющий» [1, с. 175; 5].

Тема беременности породила большое количество эвфемистических синонимов, поскольку она является довольно щекотливой. Так вместо прилагательного *pregnant* «беременная» в речи чаще употребляются такие выражения как: *in an interesting condition*, *in a delicate condition* «в интересном положении»; *in the family way* «в (интересном) положении»; *(big) with child*, *with a baby coming* «на сносях, на последнем месяце беременности»; *expecting* «ожидаящая» [5; 7, с. 211].

Существуют слова, которые представляют собой легкие «мишен» для эвфемистических синонимов. Сюда, например, относятся слова, которые ассоциируются с пьянством. Прилагательное *drunk* «пьяный», например, имеет огромное множество эвфемизмов, некоторые из которых являются деликатными, но большинство – ироничными: *intoxicated* «опьяненный» (офиц.); *under the influence* «в состоянии алкогольного опьянения» (офиц.); *tipsy*, *mellow*, *fresh*, *high* «подвыпивший»; *merry* «навеселе»; *flustered* «опьяненный»; *drunk as a lord* «пьян как сапожник, пьян в стельку» (разг.); *drunk as a piper* «изрядно пьян» (разг.); *boiled* «опьяневший, набравшийся» (сленг); *tanked* «упившийся пивом» (сленг); *tight* «пьяный» (сленг); *stiff*, *pickled* «бухой, пьяный» (сленг); *three sheets in the wind* «вдрызг пьяный» (сленг); *high as a kite* «вдребезги пьяный» (сленг); *half-seas-over* «подвыпивший, пьяный» (сленг) и так далее [5; 7, с. 212].

Некоторые исследователи также выделяют еще так называемую группу политических эвфемизмов, однако И.Р. Гальперин считает это суждение ошибочным, поскольку эвфемизмы – это замена одного обозначения понятия другим, которое носит смягченный характер. Это смягчение не несет искажения понятия, оно не ведет к неправильному толкованию понятия. Как тот, кто использует эвфемизм, так и тот, кто его воспринимает, понимают значение этой замены. Однако то, что называют политическим эвфемизмом, фактически не несет функции эвфемизма, поскольку «политический» эвфемизм в английском языке является всего лишь попыткой исказить факты. Например, И.Р. Гальперин приводит такие примеры заголовков английских и

американских газет как: “Tension in Kashmir” фактически обозначает «восстание», а не «напряженное положение в Кашмире», “Difficulties of the Canadian Farmer” описывает катастрофическое положение канадских фермеров, вынужденных вырубать фруктовые сады для того, чтобы сеять пшеницу, то есть *difficulties* обозначает «разорение», а не «трудности» канадских фермеров [1, с. 175].

В отличие от бытовых и религиозных эвфемизмов «политические эвфемизмы» не являются синонимами слова, выражающего основное понятие, а выражают другие понятия. При этом происходит замена одного понятия другим. Так, например, слова *slump* «резкий экономический спад, кризис» и *depression* «экономический спад, застой, депрессия» заменяются следующими синонимами: *recession, a rolling adjustment, a slippage, a downswing* «экономический спад», *a lull* «временное затишье», *a return to normalcy* «возврат в нормальное состояние», *an industrial trouble* «промышленная беда» и другие [1, с. 175]. Не смотря на то, что в большинстве случаев «политические эвфемизмы» искажают реальность, они все-таки довольно часто используются в политической терминологии, например, *redundancy* «излишек рабочей силы» является эвфемизмом слова *unemployment* «безработица» [8, с. 60]. Политически корректные слова также являются синонимами нежелательных слов и при этом они могут иметь абсолютно идентичное значение с тем словом, которое они заменяют, например, политически корректный синоним *the worst* «наихудший» – *the least best* «наименее лучший»; *parentally challenged* «не имеющий родителей» заменяет существительное *orphan* «сирота»; *follicularly challenged* «не имеющий волос» – *bald* «лысый», *differently abled* «имеющий особые возможности» вместо *handicapped* «физически / умственно неполноценный», *disabled* «инвалид», *Native American* «коренной американец» заменяет *Indian* «Индеец» и так далее [5; 8, с. 60; 9, с. 297]. Все эвфемизмы представляют собой синонимы тех понятий, которые они выражают. Употребление эвфемизмов и их существование обусловлено либо обычаями и традициями носителей языка, либо особыми психологическими факторами.

Литература

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: «Высшая школа», 1977.
2. Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. – М.: «Просвещение», 1972.
3. Gramsley S., Paetzold K. A survey of Modern English. – Routledge, 2002.
4. Andrews L. Linguistics for L2 teachers. – Taylor & Francis e-Library, 2008.
5. Электронный словарь ABBYY Lingvo [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.lingvo.ru/>

6. Вандриес Ж. Язык. – М.: Соцэкгиз, 1937.
7. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: Учеб. Пособие для студентов. – М.: Дрофа, 2001.
8. Ломакина О.О., Коваленко Н.С. Лексикология английского языка. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009.
9. Denham K., Lobeck A. Linguistics for everyone: an Introduction. – Cengage Learning, 2010.

ЛИНГВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Игнатенко Ю. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Р. М. Бутко, специалист по учебно-методической работе

Эпитет – один из изобразительно-выразительных средств языка, привлекающих внимание многих стилистов с давних времён. Не смотря на долгую историю употребления авторами данного языкового средства, исследователи не пришли к единству в определении эпитета, его классификаций, отображающих многообразие форм и типов эпитета, что обуславливает многочисленное количество подходов к его изучению. По мнению И. Р. Гальперина, эпитет – выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующее данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления [9, с. 157]. С точки зрения Ю. М. Скребнева и М. Д. Кузнец эпитет – слово или словосочетание, содержащее экспрессивную характеристику предмета речи, прилагаемую к наименованию последнего [5, с.87]. Как считает большинство исследователей, эпитет всегда субъективен, он всегда имеет эмоциональное значение или эмоциональную окраску. Эмоциональное значение в эпитете может сопровождать предметно-логическое значение, либо существовать, как единственное значение в слове. Эпитет рассматривается многими исследователями как основное средство утверждения индивидуального, субъективно-оценочного отношения к описываемому явлению. Посредством эпитета достигается желаемая реакция на высказывание. Как известно, эпитет обладает рядом функций, благодаря которым он и приобрёл столь важное значение в художественной литературе. Исследователи эпитета выделяют такие функции, как экспрессивная, благодаря которой выражение, которое содержит эпитет, приобретает выразительность, сильное проявление чувств, переживаний; выполняя эту функцию, эпитет выступает как изобразительный прием, который, взаимодействуя с основными типами семантических

переносов – метафорой, метонимией, метаморфозой, оксюмороном, гиперболой и другими – придает тексту в целом определенную экспрессивную тональность. Например: *surly sullen bells* «мрачные колокола», *vile world* «подлый мир», *sweet boy* «милый мальчик», *iron hate* «стальная ненависть», *shapeless day* «бессмысленный день» [1, с.90]; создание образности или изобразительная функция: в некоторых случаях эпитеты не так прямолинейно служат выявлению личного, оценочного отношения к фактам действительности. Это становится особенно очевидным, когда эпитет метафорический, то есть, когда в качестве эпитета употребляется метафора. Так, в *sleepless river* «неугомонная река», *small and round convictions* «мелкие и круглые убеждения» эпитет лишь опосредствованно выражает отношение автора к предмету мысли [10, с.111]. Здесь, как и в любой метафоре, образ требует разъяснения, толкования, анализа; функция выявления отношения автора к предмету мысли: это основная стилистическая функция эпитета. Например: *bonny boy* «хорошенький мальчик», *false steward* «поддельный управляющий», *proud porter* «гордый носильщик» [1, с.90]. Такие сочетания, как *bright face* «яркое лицо», *ridiculous excuses* «нелепые извинения», *valuable connections* «ценные отношения», *amiable lady* «приветливая женщина», *sweet smile* «милая улыбка», *deep feelings* «глубокие чувства» и многие другие становятся употребительными словосочетаниями; информативная функция, которую можно разграничить на эстетическую и смысловую. Под первой необходимо понимать экспрессивную оценку предмета или явления, например, *a fair woman* «прекрасная женщина», *sweet smile* «милая улыбка», а под второй – конкретно смысл, который несёт в себе эпитет: *green apples* «зелёные яблоки», *a big house* «большой дом».

Говоря об эпитете, не стоит забывать, что, прежде всего, эпитет – это слово, языковая единица. Основным и конституирующим компонентом семантической структуры слова признается его лексическое (понятийно-предметное или вещественное) значение. Лексическое значение слова – реализация понятий, эмоции или отношений средств языковой системы.

Рассуждая об эпитете как о слове, языковой единице, важно отметить, что оно обладает экспрессией, выразительностью, способностью выражать эмоции и отношение говорящего к предмету мысли, то есть обладает коннотативным значением. Коннотация – это тот компонент семантики языковой единицы, с помощью которого выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение и которые называются в логико-

предметном значении этой единицы. Иначе говоря, по словам Гуревича В.В., коннотация – это добавочный компонент значения, который выражает некоторую эмоциональную окраску или оценку предмета, о котором идёт речь [4, с.7].

Стилистическое содержание слова может быть реализовано значениями, которые правомерно можно квалифицировать как значения эмоциональной, оценочной и экспрессивно-образной направленности. Именно эти три компонента являются главными составляющими коннотации, а также они являются главными функциями эпитета. Понятие «оценочность» чаще всего рассматривается неразрывно с понятием «эмоциональность»; термины «эмоциональность» и «экспрессивность» также нередко употребляются синонимично для выражения «субъективно – характеристической и идейной оценки». Рассмотрим понятия эмоциональности, оценочности и экспрессивной образности. В плане изучения характера стилистических значений – это те эмоции и чувства, которые возникают в связи с процессами, связанными с познавательной деятельностью человека – ощущениями, восприятиями, представлениями, мыслями, обусловленными объективными качествами предмета, но отражающими не сами предметы, а отношение к ним самого человека. «Экспрессивно – стилистическая окраска – это не окраска слова, как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается «смысл», связанный с данным звуковым комплексом» [8, с.111]. Слово обладает оценочным компонентом значения, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет, то есть одобрение или неодобрение. Экспрессивность (от лат. *expressio* – выражение) – совокупность семантико – стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном процессе как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [6, с.591]. Экспрессивность, в частности, художественной речи определяется как «высшая степень образности». Слово обладает экспрессивным компонентом значения, если своей образностью или каким – нибудь другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах. Например: *The girl was a thin* «девочка была стройная», или в следующих словосочетаниях: *hot tears* «горячие слёзы», *caked snow* «затвердевший снег», *fat little steps* «частые мелкие шаги» [8, с.115]. Непременное условие экспрессивной образности слова – одновременное восприятие перенесенного признака и новой номинации слова. Только такое совмещение ввиду сохранения предметно – конкретных представлений и признаков, делающих вос-

приятие более конкретным, чувственно – осязаемым, и создает экспрессивно – образное представление, а в лингвистических терминах – экспрессивную образность. Например: *pitiless sunlight* «безжалостный солнечный свет» [1, с.155]. Различают экспрессивность образную и увеличительную. В обоих случаях экспрессивный компонент зависит от предметно – логического, но совершенно иначе, чем оценочный. Увеличительная экспрессивность изучена меньше, чем образная; слова, выражающие данный вид экспрессивности, получили специальное обозначение «интенсификаторы» [1, с.153]. К ним относятся усиительные наречия, которые образуются от различных основ, обозначающих эмоции (некоторые лексикографы не разграничивают экспрессивность и эмоциональность, считая, что экспрессивность всегда достигается за счёт эмоциональности). Очень много таких наречий образовалось от слов, обозначающих страх: *frightfully*, *awfully*, *terribly* и так далее, а также в оксюморонных сочетаниях (оксюморонный эпитет): *she looks frightfully well, terribly smart, awfully pleased* «она выглядит ужасно хорошо, крайне остроумной, очень счастливой» и так далее [3, с.160]. В английском языке широкое распространение получает эпитет, выраженный прилагательными. Эпитет, выраженный именем прилагательным, несёт в себе функцию не только атрибутивную, но и экспрессивную, благодаря которой речь писателя становится эмоционально – окрашенной и яркой. Прилагательные, именуя особую область реальной действительности – сферу свойств, признаков, качеств, мыслимых в отвлечении от объектов, предметов, явлений, ими характеризуемых, формируют отдельный слой лексики и отличаются от других типов лексических единиц прежде всего своей содержательной основой. Обозначение прилагательными свойств, качеств и признаков предмета детерминирует не только их содержательные, но и функциональные характеристики. В силу особенностей своей семантики прилагательные, как часть речи, представляют собой богатый материал для выявления коннотативных признаков. Определенный субъективный характер оценочных прилагательных придает им коннотативную направленность. Увеличение эмоциональности, экспрессивности в предложении может достигаться путем употребления нескольких прилагательных, иногда это целый букет прилагательных, которые, каждое отдельно и все вместе, производят эмоциональное, экспрессивное воздействие на читателя: *Jack would have liked to go over and kiss her pure, polite, earnest, beautiful American forehead* (Irwin Shaw) «Джек хотел бы подойти и поцеловать её чистый, благородный, большой, красивый, американский лоб» [10, с.112].

Единственная грамматическая категория, присущая в современном английском языке прилагательным, – это категория сравнения. Она передаёт степень интенсивности выраженного прилагательным признака и, следовательно, очень близка к стилистической категории экспрессивности. Например, *a most valuable idea* «наиболее стоящая идея», *the sweetest baby* «самый милый малыш» [5, с.93]. В литературно – разговорном стиле эмоционально-оценочный компонент вводится при парном употреблении с оценочными словами: *nice and warm* «хороший и тёплый», *good and strong* «хороший и сильный». Важную стилистическую роль играет нарушение предметной отнесённости и соответственно изменение валентности в перенесённом эпитете: *green days* «зелёные дни», *waiting silence* «ждущая тишина» [10, с.115]. Аналогичное повышение экспрессивности наблюдается и в разговорной речи. Прилагательное *idiotic* может характеризовать не только умственные способности человека, но и передавать раздражение говорящего, сочетаясь с неодушевлёнными существительными. Например, *my idiotic shoes are undone* «мои идиотские туфли испорчены». Сравнивая разные лексико – грамматические разряды прилагательных с точки зрения их коннотативных возможностей, нетрудно заметить, что качественные прилагательные богаче коннотациями, чем однокоренные с ними относительные: *glass-glassy*; *gold-golden* и так далее. В английском языке, как и в других, частое использование эпитетов с конкретными определяемыми создает устойчивые сочетания. Такие сочетания постепенно фразеологизируются, то есть превращаются во фразеологические единицы. Эпитеты как бы закрепляются за определенными словами. Так, например, в английском языке такие сочетания, как *bright face*, *ridiculous excuses*, *valuable connections*, *amiable lady*, *sweet smile*, *deep feelings* и многие другие становятся общеупотребительными словосочетаниями. Автор не создает свои собственные, так сказать, творческие эпитеты, а пользуется такими, которые из – за частого употребления стали «реквизитом» выразительных средств в общей сокровищнице языка. Эпитеты делятся на языковые и речевые. Прилагательные, использованные, как языковые эпитеты, постепенно теряют свое предметно – логическое значение и все больше сращиваются со своим определяемым. В результате получают неразложимые фразеологические единицы, в которых определяемое и определение сливаются в одно понятие, например, *true love* «правдивая любовь», *dark forest* «тёмный лес» и другие. В такого рода сочетаниях эпитеты называются постоянными (*fixed epithet*). О постепенной потере основного предметного значения в эпитете писал еще А. Н. Весе-

ловский. Он называл это «забвением» реального смысла эпитета, а его прилепленность к определяемому – процессом «окаменения» [2, с.17].

Эпитет противопоставлен логическому определению. По мнению Б. В.Томашевского, эпитет, в отличие от логического определения, не уменьшает объем понятия и не расширяет его содержания, а оставляет его неизменным. «Задача логического определения – индивидуализировать понятие или предмет, отличить его от подобных же понятий. Эпитет – это такое определение, которое этой функции не имеет. Эпитет ничего не прибавляет к содержанию, он как бы перегруппировывает признаки, выдвигая в ясное поле сознания тот признак, который мог бы там и не присутствовать» [7, с.115]. Логические определения выявляют общепризнанные объективные признаки и качество предметов и явлений. В сочетаниях *round table* «круглый стол», *green leaf* «зелёный лист», *large hand* «большая рука», *little girl* «маленькая девочка», *blue eyes* «голубые глаза», *solid matter* «твёрдое вещество» и так далее слова *round, green, large, little, blue, solid* – логические определения. Однако любое из этих определений может стать эпитетом в том случае, если оно будет использовано не только или не столько в предметно – логическом, сколько в эмоциональном значении. Так, например, прилагательное *green* в сочетании *a green youth* «зелёный юноша» является эпитетом, поскольку в этом сочетании реализуется производное предметно – логическое значение *green* – молодой и связанное с ним эмоциональное значение. Актуализаторами имен прилагательных, в том числе и прилагательных цвета, в большинстве случаев являются определяемые существительные (достаточно привести такие примеры из художественных текстов, как: *white passion* «белая страсть», *white silence* «белая тишина», *white music* «белая музыка», *purple voice* «пурпурный голос» [3, с.158]). В результате эпитет обретает эмоционально – оценочный смысл высокой интенсивности. Проблема эпитета, как средства выражения личного, оценочного момента в высказывании, является одной из ведущих проблем стилистики. Недаром А. Н. Веселовский считал, что «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании». Роль эпитета в речи, а также экспрессивный потенциал данного стилистического приёма в английском языке очень велик. Именно с помощью эпитета создаётся образность, экспрессивность, оценочность в речи, как разговорной, так и литературной. Исходя из вышеперечисленного, положение о том, что эпитет является одним из основных стилистических приёмов и несёт в себе огромный экспрессивный потенциал не вызывает сомнения.

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1973.
2. Веселовский А.Н. Из истории эпитета. – Л., 1940.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1958.
4. Гуревич В.В. Стилистика английского языка. М.:Флинта–Наука, 2005.
5. Кузнец М.Д., Скребнев Ю. В. Стилистика английского языка. –Л.: Учпедгиз. Ленинское отделение, 1973.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
7. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – Л., 1958.
8. Шмелёв Д.Н. Слово и образ. – М.: Наука, 1964.
9. Galperin I.R. Stylistics. – Moscow: Higher School, 1977.
10. Kukharensko V.A. Seminars in style. – Moscow: Higher School Publishing House, 1971.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Konn Ю. Н.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. Д. Смирнова, ст. преподаватель

Имена и названия всегда играли особую роль в жизни общества. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Собственные имена чрезвычайно важны для общения людей. Изучением имен собственных занимается наука – ономастика. Она включает в себя антропониимику (изучает личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы), топонимику (географические названия), этнонимику (название народов, родов, племен, этнических групп), космониимику (названия космических объектов), теониимику (собственные имена мифических существ и божеств), зоониимику (клички животных) [2, с. 92].

«Собственные имена – это единицы языка (слова и субстантивированные словосочетания), служащие для подчеркнута конкретного названия отдельных предметов действительности и, вследствие такой специализации, выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании» [2, с. 27]. Существует много способов образования имен собственных, один из них – создание имен собственных на базе имен нарицательных. В русской и английской антропонимических системах существует такое понятие как «говорящие» имена. Еще их называют «смысловые», «знаменательные». «Говорящими» могут быть не только имена, но и фамилии [4, с. 47].

«Говорящие» имена являются разновидностью антономазии. Существует огромное количество определений термина антономазия. Во-первых, антономазия – это наименование именем собственным, обычно персонажа в литературных произведениях, которое содержит намек на наиболее типичную черту характера, как например: *Squire Allworthy* (Достопочтенный Сквайр), *Doctor Sawbones* (хирург). Во-вторых, под антономазией понимают использование имени собственного для обозначения индивидуума определенной группы, например, *Solomon* (Соломон) (по имени древнееврейского царя, который считался мудрым правителем) – для обозначения умного человека. В-третьих, антономазия – это использование официального титула, эпитета вместо имени собственного: *Chief Executive* (глава исполнительной власти) вместо *the President* (президент), *His Honour* (Ваша Честь) вместо *the Judge* (судья) [7].

Согласно словарю современных литературных терминов, антономазия – это троп, стилистическое средство, при котором имя собственное используется для обозначения общей идеи. Антономазия – это также употребление эпитета или словосочетания вместо имени собственного, например, *The Iron Duke* (Железный Герцог) вместо *Wellington* (герцог Веллингтон), *The Little Corporal* (Маленький Капрал) вместо *Napoleon* (Наполеон). Ю. М. Скребнев дает свое определение, в котором антономазией называется употребление имени собственного в качестве нарицательного, и наоборот, употребление описательного словосочетания вместо имени собственного, например, *The Iron Lady* (Железная Леди) вместо *Margaret Thatcher* (Маргарет Тэтчер) [5, с. 78].

«Говорящим» именам свойственна экспрессивная этимология. Личные имена героев становятся чрезвычайно выразительными, благодаря словам, лежащим в их основе. Слова, лежащие в их основе, имеют вторичные значения – ругательные или негативные, с которыми связаны фамилии. Согласно Б. О. Унбергауну «говорящие» фамилии по значению исходных форм можно объединить в следующие группы: 1) фамилии, указывающие на поведение, духовные или душевные качества именуемых людей, на их пороки и добродетели: *Robinson Crusoe* – Робинзон Крузо (*D. Defoe*), *Rebecca Sharp* – Ребекка Шарп (*W. Thackeray*); 2) фамилии, указывающие на сходства именуемых людей (по складу ума, характера, по поведению и другим признакам) с животными, птицами: *Fox* (от англ. *fox* «лиса»); 3) фамилии, указывающие на род деятельности, профессию именуемых людей: *Wakeman* (от англ. *wakeman* «человек, который всех будил»)[8, с.68].

Таким образом, имена собственные могут быть источником первичной номинации, использоваться для обозначения людей, персонажей, а также источником вторичной номинации, когда имя собственное переходит в ранг нарицательных. Собственные имена, переходя в ранг нарицательных имен, получают более или менее конкретное значение. Можно проследить огромное количество нарицательных имен, образованных от личных имен персонажей литературных произведений. Например, характер и поведение некоторых героев западноевропейской классической литературы отразились в их именах. Из многих пьес английского драматурга У. Шекспира особой популярностью пользуются произведения «Отелло» и «Гамлет, принц датский». Наричательным именем Отелло (Othello) называют ревнивого человека, поскольку герой трагедии У. Шекспира, мавр Отелло, был болезненно ревнив и из ревности задушил свою жену Дездемону. Гамлетом (Hamlet) называют человека, всегда и во всем сомневающегося. Леди Макбет (Lady Macbeth) – имя нарицательное, используемое для обозначения злодейки, которая не останавливается ни перед какими средствами для осуществления цели, сопрягающей любовь с властью и богатством. Герой комедии Ж. Мольера, Дон Жуан, реализует образ человека, проводящего жизнь в любовных приключениях. Любителей таких приключений называют донжуанами. Главный герой романа испанского писателя М. Сервантеса де Сааведра «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», Дон Кихот, – бескорыстный смешной мечтатель, растрачивающий свои силы в борьбе с воображаемыми препятствиями, не учитывающий, что эта борьба бесполезна, и вызывающий у всех насмешки. Таких мечтателей-фантазеров, далеких от реальной жизни, называют донкихотами [4, с. 99].

Для передачи на русский язык иностранных личных имен существует три основных способа: 1) транскрипция, то есть более или менее сходное изображение звуковой формы имени; 2) транслитерация, то есть воспроизведение кириллицей буквенной структуры имени; 3) традиционный перевод, предполагающий передачу имени имеющимися в языке лексическими средствами. Имя является неотъемлемой составляющей личности и при упоминании имени в другом языке оно, по возможности, воспроизводится. Такая транскрипция очень условна, то есть, так называемая, практическая транскрипция. Например, фамилия Nome в русском языке передается как Хоум, Worcester – Вустер [1, с. 14]. В тех случаях, когда транскрипция не дает желаемых результатов, используется метод транслитерации, то есть воспроизведения написания имени. Английским буквам тут соответствуют аналогичные русские буквы, при этом определенные устойчивые букво-

сочетания рассматриваются как элементы графики: буквосочетание *ph* передается как *ф*, *igh* как *ай* и так далее. Например, *Beatles* транслитерируется как *Биттлз* [3, с. 45]. Традиционный перевод понимается двояко. Во-первых, многие распространенные английские имена имеют параллели в русском языке: Иван – *John* (Джон), Катерина – *Catherine* (Кэтрин), Михаил – *Michael* (Майкл). Эти пары имен образовывались исторически, благодаря различным экстралингвистическим факторам: близости культур, наличию общих религиозных текстов, давнему соприкосновению литературных традиций. Помимо этого есть и собственно перевод, то есть передача смысла согласно значению. Например, *Leather Stocking* – Кожаный Чулок, *Running Deer* – Бегущий Олень. Таким образом, при переводе передается значение каждого из слов, в то время как *Раннинг Дир*, *Ледер Стокинг* были бы бессмысленным набором звуков [1, с. 17].

При переводе имен собственных с английского языка на русский язык необходимо уделять особое внимание «говорящим» именам, поскольку они, как правило, заключают в себе различную информацию о своем обладателе. «Говорящие» имена в литературных произведениях представляют особый интерес так, как они отражают характерные национальные черты и позволяют глубже понять характеры героев.

Литература

1. Бернштейн Н. Английские имена // Иностранная литература. №4, 1998.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
3. Казакова Т.А. *Translation Techniques. English-Russian*. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2000.
4. Леонович О.А. В мире английских имен. – М.: Изд-во Астрель, 2002.
5. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
6. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975.
7. Унбергаун Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989.
8. *Webster's third new international dictionary of the English language. Unabridged*, Encyclopedia Britannica, Inc. – Chicago: Random House, 1993.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ВЫРАЖЕНИЯ РАДОСТИ. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Резник М. А.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. Д. Смирнова, ст. преподаватель

Целью данной статьи является исследование фразеологических единиц современного английского языка, выражающих состояние радости, а также их перевод на русский язык. Объектом исследования являются способы перевода фразеологизмов с английского языка на русский. Предметом исследования выступают фразеологизмы, выражающие состояние радости в английском и русском языках.

Английский язык имеет тысячелетнюю историю. За это время в нем накопилось большое количество выражений, которые люди назвали удачными, меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка – фразеология.

Фразеология – (греч. *phrasis* – «выражение», *logos* – «учение») – это лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания – фразеологизмы. Фразеология изучает только такие существующие в речи сочетания слов, общее значение которых не равно сумме отдельных значений слов, составляющих фразеологический оборот [7].

С лингвокультурологической точки зрения пословицы, поговорки, крылатые выражения выступают как носители национального своеобразия истории, культуры, традиционного образа жизни народа, традиции той или иной общности, объединенной одной культурой. В настоящее время наиболее распространенной семантической классификацией фразеологизмов является классификация по семантическим полям [3, с. 81]. Термином «семантическое поле» в лексикологии обозначаются группы слов, объединяемые по их лексическим значениям. Компонентный анализ позволяет установить интегрирующий компонент, по которому слова объединяются в поле. Признаки, по которым объединенные в поле слова различаются между собой, называются дифференцирующими. Так, например, интегрирующим признаком поля, в которое входит слово *love* «любовь», является компонент «эмоция». Внутри поля эмоций можно выделить микрополя желания, страха, печали, радости и т. д. [6, с. 45]

Толкование термина «эмоции» в словарях не дает ясного определения данного понятия. Слово «эмоции» происходит от латинского *emovere*, что значит «волновать, возбуждать». Со временем значение этого слова несколько изменилось, и сейчас можно сказать, что эмо-

ции – это обобщенные чувственные реакции, возникающие в ответ на разнообразные по характеру экзогенные (исходящие из окружающей среды) и эндогенные (исходящие из собственных органов и тканей) сигналы, обязательно влекущие за собой определенные изменения в физиологическом состоянии организма [5, с. 39].

Особый интерес представляют фразеологизмы русского и английского языков, выражающие эмоциональные состояния. До 80-х годов прошлого столетия психологи фактически игнорировали эмоции. У них, так же как и у философов и педагогов, нет единой точки зрения относительно роли, которую играют эмоции в жизни человека.

Рассматривая эмоции в связи с мышлением, хотелось бы подробнее остановиться на эмоции, выражающей радость. Радость является одной из «фундаментальных» и положительных эмоций, характеризующаяся ощущением уверенности, удовлетворенности и личной значимости. В связи с тем, что чувство радости гармонизирует состояние человека, насыщая его самоудовлетворенностью, удовлетворенностью окружающим его миром и мирозиданием в целом, эмоция эта, по объективным причинам, является относительно кратковременной, подверженной смене другими эмоциональными состояниями. Радость имеет большое значение в жизнедеятельности человека, облегчая и усиливая социальные связи, тем самым, увеличивая адаптационные характеристики личности и обозначая освобождение от негативной стимуляции и напряженных состояний [8].

В подгруппу фразеологизмов, выражающих состояние радости, в русском и английском языках были объединены фразеологизмы, выражающие веселое чувство, ощущение полного высшего душевного удовлетворения. Например: *to be in the 7th heaven*, *to fly on airs* «быть на седьмом небе», *talk of the angel*, *to feel great* «чувствовать себя превосходно», *to be in high spirits* «быть в приподнятом (хорошем) настроении» [1].

Известный философ М. М. Бахтин выделяет три активных источника в определении сущности смеха: первый источник – гиппократовская философия смеха, которая сводится к учению о целебной силе смеха; вторым источником философии смеха стала знаменитая формула Аристотеля: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех»; третьим источником является созданный Лукианом образ смеющегося в загробном царстве Мекиппа, таким образом подчеркивается связь смеха с преисподней (со смертью), со свободой духа и со свободой речи [3, с. 78].

По заключению лингвиста Г. А. Багаутдиновой, представление о смехе во фразеологии пока осталось вне поля зрения лингвистов, хотя

в русском и английском языках эмоции смеха часто передаются фразеологизмами [2, с. 56].

Большая часть этих фразеологизмов эквивалентна. К ним относятся исконные фразеологизмы (русск.: *умирать со смеху*, англ. *grin from ear to ear*), а среди русских и английских фразеологизмов – имеющие одинаковый источник происхождения (мифология, произведения мировой литературы и т.п.), например: «гомерический хохот» – *Homeric laughter* [1].

Тем не менее, в русском и английском языках есть немало оригинальных фразеологизмов: *смеяться (посмеиваться) в бороду* – смеяться тихо и незаметно, стараясь скрыть свой смех (от обычая на Руси, по которому смеяться громко считалось неприличным, поэтому люди, сдерживая смех, прикрывали рот ладонью, а мужчины при этом делали вид, что они поглаживают бороду; *три ха-ха* – о чем/ком либо, вызывающем смех (первоначально – письменное замечание режиссера в рукописи пьесы, указывающее актеру сколько смеяться в данном месте) [1].

В английском языке оригинальными фразеологизмами со значениями смеха являются фразеологизмы, имеющие библейский источник: *the crackling of thorns under a pot* «дурацкий смех»; *laugh like little Audrey* (букв. Смеяться как малышка Одри) «от души смеяться», *grin like a Cheshire Cat* (букв. Ухмыляться как Чеширский кот) «улыбаться во весь рот» [1].

Фразеологизмы о смехе типа: *burst (rupture) a gut* «надрывать животы от смеха», «валяться (кататься) со смеху», *to hold one's sides* «держаться за бока от смеха» – разговорные, просторечные, грубоватые, но эти фразеологизмы в традиции народно-праздничного смеха [1].

В то же время фразеологизмы *мефистофельский смех*, *мефистофельская улыбка* отражают иное предназначение смеха: выражение злорадства, коварства. Г. А. Багаутдинова придерживается точки зрения о том, что и смех может иметь отрицательный статус: русск. *смех до плача доводит (поговорка)*; англ. *laugh on the other/wrong side of one's face/mouth* «огорчиться, опечалиться, приуныть после веселья» [2, с. 98]. Во фразеологизмах такого рода смех, улыбка не выражают радости, веселья, например: *to grin and bear* (букв. улыбаться и терпеть) «скрывать под улыбкой свои переживания, мужественно переживать боль» [1].

Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологизмов с английского на русский язык переводчик должен уметь воспользоваться различными «видами перевода» [4]:

1. Эквивалент, то есть имеющийся в русском языке адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом по

смыслу, и по образной основе, например: *to be in the 7th heaven* «быть на седьмом небе от счастья», *to feel great* «чувствовать себя превосходно», *to be in high spirits* «быть в хорошем расположении духа» [1];

2. Аналог, то есть такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично. Например: *to grin and bear* «смеяться сквозь слезы», *to hold one's sides* «держаться за бока от смеха», *to grin from ear to ear* «смеяться, улыбаться во весь рот» [1];

3. Описательный перевод, то есть перевод путем передачи смысла английского оборота свободным словосочетанием. Описательный перевод применяется тогда, когда в русском языке отсутствуют эквиваленты и аналоги, например, *the crackling of thorns under a pot* «дурацкий смех» [1];

4. Антонимический перевод, то есть передача негативного значения с помощью утвердительной конструкции или наоборот, например: *to keep one's head* «не терять головы», *to keep one's pecker up* «не падать духом» [1];

5. Калькирование применяется в тех случаях, когда переводчик хочет выделить образную основу фразеологизма, или когда английский оборот не может быть переведен при помощи других видов перевода, например: *I will love you always, because you will always be worthy of love* «я всегда буду любить тебя, потому, что ты всегда будешь достоин любви» [1];

6. Комбинированный перевод, применяющийся в тех случаях, когда русский аналог не полностью передает значение английского фразеологизма или же имеет иной специфический колорит места и времени, дается калькированный перевод, а затем идет описательный перевод и русский аналог для сравнения, например: *to grin like a Cheshire Cat* («улыбаться как Чеширский кот») «широко улыбаться ухмыляться» (ср. «улыбаться во весь рот»), *to burst a gut* («разрывать кишки») «громко надрывисто смеяться» (ср. «надрывать животики от смеха») [1].

Допуская полное или частичное калькирование в отдельных случаях, переводчик исключает всякую возможность использования буквализмов, то есть неоправданных дословных переводов, искажающих смысл английских фразеологизмов или не соответствующих нормам современного русского языка [4].

На основе проведенного исследования можно выявить следующие проблемы перевода фразеологических единиц выражения радости: при переводе главное – это сохранить образность фразеологизма, а не грамматико-лексическую оболочку. Также не стоит забывать о стили-

стической функции фразеологизма. Поиск приблизительного соответствия переводимому фразеологизму является вынужденной мерой за отсутствием идентичного образа. Переводчику не удастся перевести тот или иной фразеологизм без знания фразеологии. Также при переводе с английского языка не стоит забывать, что английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых. В некоторых фразеологизмах сохраняются архаические элементы – представители предшествующих эпох. Английская фразеология очень богата, и у нее многовековая история.

Литература

1. Англо-русский фразеологический словарь [Электронный ресурс]: Мульти Лекс Электронные словари – Режим доступа: http://www.multilex.ru/dictionaries/english/Big_Phraseological_En_Ru.html
2. Багаутдинова Г.А. Человек и язык. – Казань: Изд-во Казанского Университета, 2001.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Наука и просвещение, 1990.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Электронный ресурс]: twirpx.com Все для студента – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/5162/свободный>
5. Никифоров М.М. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1978.
6. Никулина Е.Л. Контрастивное исследование оригинала и перевода художественного текста – Одесса: Изд-во Одесса, 1994.
7. Фразеология [Электронный ресурс] wikipedia.org Свободная Энциклопедия – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
8. Характеристика эмоций [Электронный ресурс] sunhome.ru Дом Солнца – Режим доступа: <http://sunhome.ru/psychology/11283>

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Свиридова А. И.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Р. М. Бутко, специалист по учебно-методической работе

Согласно словарю лингвистических терминов, отрицание – это выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических средств того, что связь между членами предложения мыслится как реально не существующая [6, с. 299]. Существуют другие дефиниции отрицания: отрицание – элемент значения предложения, который

указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует или что существующее утвердительное предложение отвергается говорящим, как ложное. Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы [12].

Отрицание в английском языке образуется либо с помощью отрицательной частицы *not*, либо с помощью различных отрицательных местоимений.

Необходимо обратить внимание на существенное отличие построения отрицательных предложений в русском и английском языках. В отличие от русского языка, где в предложении может быть несколько отрицаний, в английском языке возможно только одно отрицание. Сравните: *Nobody ever told me anything about it* – «Мне никто никогда ничего об этом не говорил»; *I can't help laughing* – «Я не могу не засмеяться»; *I can't but say it* – «Я не могу не сказать этого» [5, с. 250].

Основным средством выражения отрицания в английском языке является отрицательная частица *not*. Она употребляется главным образом при глаголах-сказуемых и ставится после первого вспомогательного глагола, если сказуемое выражено аналитической формой, или после модального глагола, если сказуемое является составным модальным. Например: *I shall not be able to finish the work in a week* – «Я не смогу закончить работу через неделю»; *My daughter is not married yet* – «Моя дочь еще не замужем»; *The tree has not been cut down* – «Дерево еще не срубили»; *He cannot speak Spanish* – «Он не умеет говорить по-испански»; *She must not go home alone* – «Она не должна идти домой одна» [5, с. 250].

Помимо частицы *not* в английском языке есть другие слова, принадлежащие к различным частям речи, или даже части слов (приставки), которые выражают отрицание. Основными из них являются:

1) отрицательные местоимения: *no, no one, nobody, none, nothing, neither*. Например: *There were no cucumbers in the market this morning, sir* – «На рынке не было огурцов сегодня утром, сэр»; *The name meant nothing to her* – «Имя ничего не значило для нее»; *Nobody wanted to talk about it after that* – «После этого никто не хотел говорить об этом»; *None of us has heard It* – «Никто из нас не слышал этого» [5, с. 250].

Местоимение *no* имеет отрицательное значение *никакой* (-ая, -ое, -ие) и поясняет существительное. Например: *There is no milk in the jug*

– «В кувшине нет молока»; *He has **no** friends* – «У него нет (никаких) друзей»; *There are **no** new words in the text* – «В тексте нет (никаких) новых слов». Следует помнить, что местоимение *no* не допускает употребления каких-либо артиклей или других местоимений перед существительным [5, с. 191]. *No* не употребляется в качестве местоимения – существительного; вместо него употребляется местоимение *none*, которое заменяет как исчисляемое существительное в единственном числе, так и неисчисляемое существительное. Например: *There is a telephone in his flat, but there is **none** in mine* – «В его квартире есть телефон, а в моей нет»; *I'll have some free time tomorrow, but today I have **none*** – «У меня будет свободное время завтра, а сегодня у меня нет свободного времени» [4, с. 103].

В сложносочиненных и в сложно подчиненных предложениях мы используем *no*, *none of*, *no one*. Например: *Most players are under 16 and **none of them** is over 20* (но не...*not of them*) – «Большинство игроков не старше чем 16 лет и никому из них нет больше 20»; *We arranged the meeting, but **no one** came* (но не...*not anyone*) – «Мы назначили встречу, но никто не пришел» [11, с. 170].

Местоимение *neither* ни тот, ни другой является отрицательной формой местоимения *either*. Например: «*We accepted **neither** offer*» – «Мы не приняли ни того, ни другого предложения» [4, с. 112].

2) наречия: *never*, *nowhere*, *hardly*, *scarcely*, *seldom*, *rarely*, *barely*, которые заменяют отрицание *not*. Например: *He **never** reads anything* – «Он ничего никогда не читает»; *There is **hardly** any place in the house where we can talk* – «В доме практически нет места, где мы можем поговорить»; *He was **nowhere** to be seen* – «Его нигде не было видно»; *They **scarcely** (**seldom, rarely, hardly**) talk to each other* – «Они почти не разговаривают друг с другом».

3) предлог *without*. Например: *He went out of the room **without** saying good-bye* – «Он вышел из комнаты не попрощавшись» [5, с. 250].

4) аффиксы с отрицательным значением: *in-*, *dis-*, *mis-*. В качестве примеров можно привести следующие слова: *common* – обыкновенный, *uncommon* – необыкновенный; *grateful* – благодарный, *ungrateful* – неблагодарный; *ability* – способность, *disability* – неспособность; *trust* – доверие, *distrust* – недоверие [12].

Отметим, что при префикс *in-*, как и близкие ему префиксы *dis-*, *de-mis-*, имеет не собственно отрицательное, а привативное значение, т.е. значение действия, обратного (противоположного) действию, выраженному мотивирующим глаголом. Например: *to tie* – завязывать и *to **untie*** – развязывать. В качестве остаточного явления в современном английском языке выделяются всего несколько глаголов, у которых

префиксы *mis-* и *dis-* имеют отрицательное значение: *to dislike* – **не** любить, *to disbelieve* – **не** верить, *to mistrust* – **не** доверять, *подозревать* [12].

Также следует обратить внимание, что с помощью следующих отрицательных префиксов (*anti-*, *non-*, *in-*, *il-*, *ir-*, *im-*) прилагательные, существительные и глаголы принимают отрицательное значение. Например: *anti-freeze* – антифриз, *anti-climax* – разрядка напряжения, спад, *nonsense* – абсурд, *non-smoker* – некурящий, либо вагон для некурящих, *injustice* – несправедливость, *inactivity* – бездействие, *illegal* – незаконный, *illegible* – неразборчивый, *irrelevant* – неуместный, *impossible* – невозможный [7, с. 138].

Рассмотрев основные способы выражения отрицания, перейдем к характеристике ряда тонкостей и исключений. Особого внимания заслуживает экспрессивный потенциал отрицания в английском языке.

При анализе экспрессивности, обусловленной морфологической производностью, необходимо рассмотреть экспрессивность словообразовательных средств, т. е. аффиксов, и моделей и типов словообразования с отрицательной оценкой.

Обратимся сначала к аффиксам. Вопрос их экспрессивности неоднократно привлекал внимание ученых и подробно освещен О. Есперсеном, Г. Марчендом [10, с. 246]. О. Есперсен останавливается на коннотационном потенциале каждого отдельного аффикса. Он показал, например, что суффикс *-ish* при добавлении к основе прилагательного может наряду с обычными эмоционально-нейтральными вариантами (*brown* : : *brownish*, *коричневый* : : *коричневатый*), указывающими на присутствие небольшой степени качества, образовать модальные «тактичные» слова, которые создаются как окказиональные, если говорящий не хочет говорить слишком прямо, резко или категорично и называть вещи своими именами. Например: *baldish* – лысоватый; *biggish* – большеватый; *dullish* – глуповатый. Добавление этого же суффикса к именным основам образует прилагательные с отрицательной оценкой, а иногда и презрительно-раздраженные. Например: *bookish* – педантичный; *childish* – несерьезный, глупый; *doggish* – собачий, жестокий, дурно воспитанный; *sheepish* – глуповатый, *womanish* – женоподобный. Отрицательная оценка усиливается, если суффикс *-ish* присоединяется к сложным основам. Например: *stand-offish* – надменный, высокомерный; *come-hitherish* – легкодоступный. В качестве исключения можно назвать *girlish* – девический и *boyish* – мальчишеский, где отрицательной оценки нет [9, с. 239].

Наиболее важными именными суффиксами отрицательной оценки являются *-ard*, *-ster*, *-aster*, *-eer* и полусуффикс *-monger*. Например:

drunkard – пьяница, *coward* – трус, *gangster* – бандит, *hipster* – всезнайка, *oldster* – старик, *poetaster* – пуфмонлем, *black-marketeer* – спекулянт, *scare-monger* as well as *panic-monger* – паникер, *war-monger* – поджигатель войны.

В подростковом сленге появился пренебрежительный суффикс –*o*. Например: *oldo* – старикан, *kiddo* – детка, *hippo* – гиппопотам (в значении «крупное телосложение»).

Заслуживает внимания экспрессивность экзоцентрических сложных слов, т. е. слов, второй опорный элемент которых не принадлежит к лексико-грамматическому разряду, к которому относится слово в целом. Например: *blackleg* – штрейкбрехер, *cut-throat* – головорез, *sawbones* – хирург. Экспрессивны также антропонимы, образованные не по моделям слов, а по моделям синтагм. Например: *Miss what's-her-name* – Мисс как там ее, *a might-have-been* – неудачник, *an also-ran* – неудачник, *a dog-in-the-manger* – собака на сене, *a die-hard* – живучий человек и др., содержат отрицательную оценку и звучат презрительно.

Удвоения или рифмованные комбинации типа *helter-skelter* – суматоха, *pamby-pamby* – жеманство, *razzle-dazzle* – суета, *chit-chat* – болтовня, *riff-raff* – мусор, *hoity-toity* – легкомыслие имеют шутливо-пренебрежительную окраску. Экспрессивность этих слов базируется на некотором искажении привычной фонетической формы [1, с. 120].

5) предложения утвердительные по форме, но отрицательные по значению. Отрицательное значение передается вторичными междометиями типа *(the) hell*, *like (so much) hell*, *like fun*, *(the) devil*, *(the) deuce*, оборотами типа *I'll be damned* / *I'm damned*, повтор + *be damned* / *blowed* / *hanged*, вторичными междометиями типа *my* + *foot* / *eye* / *uncle* / *aunt* / *backside*, *your grandmother*, междометия типа *Blame me*, *Blest*, *Why* + отрицательная псевдопридаточная часть, вводимая союзом *if*. Например: *I'm all right. The hell you are* – «Я в порядке» «Как бы не так»; *Surely we are civilized people nowadays? Civilized people my foot!* – «Несомненно мы воспитанные люди?» «Воспитанные люди, Не смеши!»; *Blame me, if it didn't come into my head once or twice* (= *it came into my head*) – «Вините меня, если это не пришло мне в голову один или несколько раз» [3, с. 67].

6) два отрицания в предложении. Например: *I can't not obey* (= *I have to obey*) – «Я вынужден подчиниться»; *I shouldn't like to leave nothing for you* (= *I should like to leave something for you*) – «Мне следует оставить что-то для тебя» [8, с. 50].

Рассмотрим более подробно такой стилистический прием, как литота. Согласно данным энциклопедического словаря-справочника, литотой называется прием, основанный на отрицании. В широком смыс-

ле литота определяется как отрицание противоположного, «отрицание обратного свойства». В более узком смысле литоту определяют как отрицание отрицания или утверждение, построенное на двойном отрицании. Так, например, вместо *It is good* – «Хорошо» может использоваться *It is **not** bad* – «Неплохо»; вместо *He is a brave man* – «Он смелый мужчина» употребляется *He is **not** a coward* – «Он не трус». Из этих синонимичных средств выражения мысли конструкции с отрицательной частицей *no* или *not* явно ощущаются как сознательное преуменьшение. Сила выразительности этого стилистического приема заключается главным образом в том, что это сознательное преуменьшение понятно участникам коммуникации. Рассмотрим следующие литоты: *And when Clyde was introduced to her, she beamed upon him in a melting way which troubled him **not a little*** – «Когда Клайд был представлен ей, она засветилась словно тая, что довольно немало встревожило его»; *Soames, with his set lips and his squared chin was **not unlike** a bulldog* – «Сомс со сложенными губами и квадратным подбородком довольно сильно походил на бульдога». Сочетания *not a little*, *not unlike*, *not without* (в русском языке – не без...) становятся в известной степени фразеологическими сочетаниями, т. е. они становятся синонимическими средствами выражения. Однако нельзя поставить знака равенства между *not an easy time* и *difficult time*, или между *not a little* и *very much*. Литота не только преуменьшает признак, но и иначе эмоционально окрашивает высказывание [2, с. 215].

Можно с уверенностью сделать вывод о том, что отрицание само по себе более экспрессивно по сравнению с утвердительными предложениями. Это объясняется частотностью употребления отрицания для того, чтобы эмоционально окрасить высказывание или придать ему большую выразительность и экспрессивность.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Литература на иностранных языках, 1958. 459с.
3. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. – М.: Высшая школа, 1990.
4. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. – М.: Лист Нью, 2003.
5. Крылова И.П., Крылова Е.В. Практическая грамматика английского языка: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: ЧеРо, 1992.
6. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2003.
7. Масюченко И.П. Правила современного английского языка. – Ростов-на-Дону.: БАРО-ПРЕСС, 2000.
8. Buzarov V. Essentials Of Conversational English Syntax. – Moscow: Enlightenment, 1986.

9. Jespersen O. Modern English Grammar. – London, 1954. 460p.
10. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. – Germany, 1960.
11. Murphy R. English Grammar In Use. – UK: Cambridge University Press, 1985.
12. Паранук Л. Г. Отрицание в монологической и диалогической речи [Электронный ресурс] : Выражения отрицания в английском языке – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=14421&p_page=1

Научное издание

**XIV ВСЕРОССИЙСКАЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»
(19–23 АПРЕЛЯ 2010 Г.)
В 6 ТОМАХ
ТОМ II
ФИЛОЛОГИЯ
ЧАСТЬ 2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Технические редакторы: П. А. Шевченко, В. Ю. Горбунов
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Подписано в печать: 14.07.2010

Сдано в печать: 09.08.2010

Тираж: 100 экз.

Заказ: 526/Н

Формат: 60х84^{1/16}

Бумага: офсетная

Печать: трафаретная

Уч. изд. л.: 17,75

Усл.-печ. л.: 15,86

Гарнитура: Times NR

Издательство Томского государственного
педагогического университета

634061, г. Томск, ул. Киевская, 60. Тел.: (382-2) 52-12-93

e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93